

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Научные биографии»

В. И. РАЙЦЕС

ЖАННА Д`АРК

ФАКТЫ, ЛЕГЕНДЫ, ГИПОТЕЗЫ

Ленинград

«НАУКА»

Ленинградское отделение

1982

Книга посвящена жизни и деятельности героини французского народа. На основе анализа многочисленных источников рассматриваются эволюция образа Жанпы д'Арк в исторической мысли, некоторые вопросы, связанные с истоками ее патриотического подвига, ее активное участие в военных действиях на переломном этапе Столетней войны. Особое внимание уделено тем событиям и эпизодам истории Жанны д'Арк, с которыми связаны многочисленные легенды и гипотезы.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Ответственный редактор

член-корреспондент Академии наук СССР В. И. РУТЕНБУРГ

На обложке — миниатюра из «Жизнеописаний знаменитых женщин» Антуана Дюфура (рукопись, 1504 г., Нант, Музей Добре).

©Издательство «Наука», 1982 г.

Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини.

А. С. Пушкин

ВВЕДЕНИЕ

Есть в мировой истории вечные темы. К ним неизменно возвращается каждое новое поколение исследователей, обнаруживая неизвестные дотоле факты, прослеживая ускользавшие прежде связи событий, сцепления причин и следствий. Иногда такое переосмысление бывает связано с находкой новых источников, но чаще всего оно происходит вследствие изменения подхода к изучаемому явлению, постановки новых проблем, совершенствования методов исследования.

К числу таких вечных тем принадлежит простая и бесконечно сложная история Жанны д'Арк. Простая — потому что ее можно изложить на одной страничке школьного учебника, и смысл великого патриотического подвига орлеанской героини будет понятен любому подростку. Сложная — потому что за появлением Жанны на исторической сцене скрываются глубинные процессы в жизни счет, далекого от нас французского общества эпохи Столетней войны.

Часто приходится слышать: Жанна д'Арк — наша современница. Это справедливо в том смысле, что, воплотив в себе лучшие черты французского народа, Жанна действительно перешагнула грань времени

и обрела бессмертие в качестве нравственного идеала. Однако, понимаемая слишком общо и прямолинейно, эта формула таит опасность модернизации наших представлений о личности Жанны. Кажущаяся ясность мотивов или обманчивая простота поведения Жанны нередко приводили биографов к упрощенным и поверхностным суждениям.

Жанна — героиня, по героиня XV в. Ее отделяет от нас не просто огромная временная дистанция, но длительный период развития общественного сознания и человеческой {3} личности. За пять с половиной столетий произошли существенные изменения во всей, по удачному выражению Л. Я. Гурсвича, «духовной оснастке» человека, во всем комплексе психологических восприятий и реакций (6, 9), и «преодоление» этого психологического барьера является необходимым условием построения современной научной биографии любого исторического деятеля средневековья, в том числе и Жагшы д'Арк. Для темы данной книги важное значение имеет, в частности, введение в историю Жанны понятия «народная религиозность», позволяющего глубже осмыслить формирование личности героини и возникновение любопытного социально-психологического феномена — массовой веры в божественный характер миссии Жанны-Девы. Предстоит также разработка очень сложной проблемы становления национального самосознания во Франции эпохи Столетней войны, общественного «кругозора» и политических идеалов французского крестьянства.

Эта небольшая книга не может, разумеется, претендовать на решение всех названных вопросов. Ее главная цель — ознакомить читателя с жизнью и деятельностью Жанны д'Арк, проводя при этом рубежи между научно установленными фактами, допустимыми гипотезами и легендами. Преимущественное внимание в книге уделено тем периодам, событиям и эпизодам в жизни Жанны, с которыми связаны многочисленные гипотезы и легенды. Среди последних нужно различать легенды, сопутствовавшие Жанне при жизни или появившиеся вскоре после ее гибели, и легенды, созданные последующей историографией.

Деятельность Жанпы д'Арк отразилась в многочисленных и разнообразных источниках. О многом рассказала сама Жанна в показаниях перед инквизиционным трибуналом, который судил ее в первой половине 1431 г. Материалы этого процесса сохранились. Они доносят до нас подлинные слова Жанпы и позволяют воссоздать обстановку суда, который закончился вынесением обвинительного приговора и казнью подсудимой. Спустя четверть века, в 1456 г., дело Жанпы д'Арк было пересмотрено: смертный приговор объявили судебной ошибкой, а самую Жанну признали невиновной. Этому предшествовало длительное расследование, в ходе которого несколько специальных комиссий допросили более ста человек, знавших {4} Жанну в разные периоды ее короткой и славной жизни. Материалы процесса реабилитации также сообщают нам массу ценнейших сведений самого различного характера.

К этим основным источникам следует добавить ряд хроник, целиком или частично посвященных Жанне д'Арк, ее письма, письма к ней и письма о ней, литературные произведения, финансовые документы и т. д. Почти все источники были опубликованы еще в 1841—1849 гг. в пятитомной публикации, которую подготовил французский историк Жюль Кишера; то был настоящий научный подвиг. Издание Кишера не утратило своего значения и по сей день. Хотя в последнее время появились новые публикации основных документов, удовлетворяющие современным требованиям издания исторических памятников. Здесь нужно назвать в первую очередь трехтомное издание материалов процесса обвинения, подготовленное Пьером Тиссе, а также осуществляемую в настоящее время Пьером Дюпарком публикацию материалов процесса реабилитации. На этих источниках основана данная работа.

О Жанне д'Арк мы знаем больше, чем о ком-либо другом из ее современников, и в то же время трудно найти среди людей XV в. другого человека, чей образ представлялся бы потомкам таким загадочным.

Кем только не объявляли Жанну! В ней видели орудие божественного провидения и служанку дьявола, инструмент политических интриг и спиритичку-медиума, принцессу и «нового Жака» — потенциального предводителя крестьянского восстания против феодалов. Одни за ее спиной ставили коменданта крепости Вокулер, другие — королевскую тещу, третьи — странствующего монаха-францисканца. Одни «исследователи» утверждали, что Жанна была незаконнорожденной принцессой; другие — что ей удалось благополучно избежать казни; третьи — то и другое одновременно.

«Тайна Жанны д'Арк», «Две тайны...», «Секрет...», «Секретная миссия...» — подобными названиями пестрит новейшая литература о Жанне. Вот только заглавия нескольких книг, появившихся во Франции в последнее десятилетие: «Жанна д'Арк, кто ты?», «Жанна д'Арк — французская принцесса», «Существовала ли Жанна д'Арк?» Вся эта, с позволения сказать, «литература» {5} представляет собой самую бессовестную спекуляцию на имени и славе орлеанской героини.

Конечно, не эти сочинения, которые не имеют с наукой ничего общего, определяют современный уровень представлений о Жанне. Во Франции и в других странах ведется интенсивная научная работа по проблеме «Жанна д'Арк и ее эпоха». Особенно много делает в этой области недавно созданный Центр Жанны д'Арк в Орлеане во главе с его директором, известным историком Режпп Перну. В 1979 г. в связи с 550-й годовщиной победы под Орлеаном Центр организовал проведение в этом городе авторитетного и представительного международного коллоквиума; в Париже в том же году была развернута выставка «Образы Жанны».

Давним интересом к истории Жанны д'Арк автор обязан прежде всего своим учителям: Осипу Львовичу Вайнштейну, Матвею Александровичу Гуковскому, Александре Дмитриевне Люблинской и

Елене Чеславне Скржинской. Эта небольшая книга — дань благодарности и памяти.

Когда в 1314 г. умер французский король Филипп IV Красивый, ничто не предвещало близкого заката династии Капетингов. После Филиппа остались три его сына, и трудно было предположить, что все трое умрут в молодых годах без мужских наследников. Но случилось так, что в течение каких-нибудь четырнадцати лет сыновья Филиппа — Людовик X Сварливый, Филипп V Длинный и Карл IV Красивый — сменили друг друга на отцовском троне и умерли, по оставив сыновей. Вдова младшего из них разрешилась от бремени через три месяца после смерти мужа: родилась девочка. Династия прямых Капетингов, правившая Францией три с лишним столетия, пресеклась. Предстояло избрать нового короля.

Права на французский престол оспаривали два претендента. Первым был юный английский король Эдуард III — внук Филиппа Красивого (его мать Изабелла была французской принцессой, сестрой последних Капетингов); вторым — французский граф Филипп Валуа, приходившийся Филиппу Красивому племянником. На стороне Эдуарда было более близкое родство с угасшей династией; на стороне Валуа — давняя традиция {6} престолонаследия, не знавшая передачи французской короны по женской линии (Эдуард был родственником Капетингов по матери, а Валуа — по отцу). Победил Валуа. В апреле 1328 г. он был избран на престол Королевским советом и стал править под именем Филиппа VI.

Эдуард, казалось, смирился с неудачей. Летом того же 1328 г. он принес вновь избранному королю вассальную присягу за английские владения на территории Франции — герцогство Гиень в юго-западной части страны и графство Понтье на крайнем северо-востоке.

Его истинные намерения обнаружили через девять лет. Осенью 1337 г. Эдуард вновь заявил о своих правах на французскую корону и начал войну под предлогом возвращения престола предков. Он присвоил себе титул короля Англии и Франции и повелел вписать в свой герб изображение золотых лилий на голубом фоне — геральдический знак французских королей.

Так с династического конфликта началась война, конец которой не суждено было увидеть ни участникам первых битв, ни их детям, ни внукам. История назовет эту войну Столетней, но длилась она с перерывами более ста лет, до 1453 г.

Война велась на территории Франции и жестоко ее разорила. Когда в 1346 г. первые английские отряды высадились на нормандском побережье, они нашли, по словам современного хрониста, «тучную и плодородную землю, полные хлебом риги, ломящиеся от добра дома богатых горожан, телеги, повозки, лошадей, свиней, овец, баранов и великолепно откормленных волов» (цит. по: 43, 22). Столетие спустя хронист, побывавший в районах, которые только что оставила война, видел повсюду обезлюдившие деревни и заросли густого кустарника там, где некогда были пашни (19, т. I, 55—89).

Правовым обоснованием войны со стороны Англии неизменно оставались притязания английских королей на французскую корону. Эти притязания оставались в силе и тогда, когда в конце XIV в. произошел династический переворот в самой Англии, где на смену королям из рода Плантагенетов пришли Ланкастеры. Но, разумеется, ни сомнительные права Эдуарда III на французский престол, ни еще более сомнительные права его преемников не определяли истинных причин конфликта. Столетней войне {7} предшествовала длительная борьба между Капетингами и Плантагенетами из-за земель во Франции, которые некогда принадлежали английским королям, а затем в ходе объединения страны под властью Капетингов перешли к своим естественным хозяевам — французам. Некогда, в середине XII в., английский король Генрих II Плантагенет владел за Ламаншем более обширными территориями, чем его французский соперник. Но уже в начале XIII в. большая часть этих земель была отвоевана французами, а накануне Столетней войны англичане удерживали на материке лишь часть Глени и крошечное графство Понтье. Интересы формирующегося французского национального государства требовали ликвидации этих остатков «империи Плантагенетов»; потомки Генриха II стремились, напротив, вернуть утраченные владения. Война давно назревала. Она была подготовлена всем ходом процесса территориального объединения Франции, и династические притязания Эдуарда III послужили для нее лишь удобным поводом.

Столетняя война представляла собой серию крупных самостоятельных операций, чередовавшихся с длительными перемириями и затишьями. Поначалу инициатива принадлежала англичанам и им же сопутствовал успех. Английская армия, организованная на новых для того времени принципах взаимодействия пехоты и конницы, дважды — в битвах при Креси (1346 г.) и Пуатье (1356 г.) — нанесла сильнейшие поражения французскому рыцарскому войску. В результате первой из этих побед англичане укрепились на севере Франции; вторая сделала их хозяевами юго-западной части страны. Однако в 1360-х годах инициатива перешла к французам. Реорганизовав армию по образцу английской, но избегая больших сражений, они медленно вытесняли противника из занятых им районов и к исходу следующего десятилетия освободили почти всю оккупированную территорию. За англичанами оставались только северный порт Кале (он будет возвращен Франции через два столетия, в 1558 г.) и небольшие территории на юге с городами Бордо и Байонна. Такое положение сохранялось в течение тридцати с лишним лет.

В 1415 г. английский король Генрих V Ланкастерский предпринял новое вторжение на материк. Нарушив длительное перемирие, заключенное по просьбе Англии, и {8} прервав переговоры об окончательном мире, он встал во главе двенадцатитысячного войска, которое в ночь на 13 августа высадилось близ нормандского порта Гарфлер, в устье Сены. Спешно собранное французское войско

было разгромлено в сражении при Азенкуре (25 октября). Спустя четыре года англичане завершили оккупацию Нормандии; французы удерживали лишь крепость-монастырь Мон-Сен-Мишель, расположенную на неприступном скалистом мысе.

Успех англичан объяснялся, помимо их военного превосходства, тем, что вторжение было предпринято в то время, когда Францию терзала феодальная междоусобица — кровавая распря «бургундцев и арманьяков». Так назывались враждующие группировки, во главе которых стояли принцы из рода Валуа: герцоги Бургундский и Орлеанский, опиравшиеся на зависимое от них дворянство и имевшие сторонников в среде духовенства и горожан (фактически руководителем орлеанской группировки был тесть герцога, граф д'Арманьяк). Эта распря началась в 1390-х годах из-за соперничества принцев по поводу регентства при безумном короле Карле VI. К моменту английского вторжения она переросла в настоящую войну, которая ослабила Францию, сделав ее легкой добычей завоевателей.

Вторжение из-за моря еще больше обострило внутренние смуты, так как многие французские феодалы стремились заручиться поддержкой интервентов, чтобы сокрушить своих соперников.

В 1418 г. бургундский герцог Жан Бесстрашный — в то время уже фактически независимый государь, объединивший под своей властью Бургундию, Франш-Конте и большую часть Нидерландов, — захватил Париж. Он жестоко расправился с застигнутыми врасплох вождями «арманьяков», мстя им за те репрессии, которые они за пять лет до этого обрушили на его сторонников. Лишь нескольким руководителям арманьякской группировки удалось бежать, прихватив с собой пятнадцатилетнего наследника престола — дофина Карла. Но в руки герцога попал король Карл VI Безумный, от имени которого Жан Бесстрашный начал править Францией в качестве регента.

Правил он, впрочем, недолго. В 1419 г. герцог был убит кем-то из «арманьяков» во время переговоров, которые {9} он вел с дофином. Регентство перешло к его сыну, герцогу Филиппу Доброму, и тот уже открыто стал на сторону англичан.

Союз бургундцев с англичанами имел для Франции трагические последствия. В мае 1420 г. герцог Филипп и его союзница королева Изабелла Баварская, жена Карла VI, привезли короля в подвластный бургундцам город Труа. Там Карл подписал договор с Англией; его условия выработали представители Генриха V совместно с уполномоченными регента. По этому договору дофин Карл лишился прав на престол. Регентом Франции становился Генрих V. Он получал руку французской принцессы, а после смерти Карла VI к нему и его потомкам должна была перейти и французская корона.

Формально договор в Труа не предусматривал слияния Англии и Франции в одно государство; речь в нем шла только о личной унии, при которой оба королевства сохраняли свои традиционные институты. По существу, однако, это была катастрофа. Франция не только теряла независимость. Ликвидация национальной династической власти, которая на протяжении нескольких столетий, как подчеркивал Ф. Энгельс, «постепенно втягивала нацию в свою орбиту» (1, 577), грозила свести на нет успехи территориального объединения и политической централизации страны. Франция оказалась расчлененной. По договору в Труа к Англии отходила Нормандия. За англичанами закреплялись владения на юго-западе, включая важные атлантические порты Бордо и Байонну. Новый регент и наследник престола Генрих Английский торжественно вступил в Париж. Филипп Бургундский прибирал к рукам восточные провинции—Шампань и Пикардию. А дофин Карл, который отказался признать договор в Труа, укрепился в областях, расположенных к югу от Луары.

В дальнейшие события снова вмешался всемогущий случай. 15 августа 1422 г. умер Генрих V — внезапно, и полным расцвете сил, когда ему только что исполнилось 36 лет. Через два месяца за ним последовал Карл VI. Королем Англии и Франции, согласно договору в Труа, стал десятимесячный Генрих VI, а регентом — его дядя Джон Ланкастер, герцог Бедфордский. Это был властный правитель, ловкий дипломат и искусный военачальник. Укрепив англо-бургундский союз женитьбой на сестре {10} Филиппа Доброго, Бедфорд энергично продолжал политику, направленную на полное покорение Франции. В завоеванных областях был установлен жестокий оккупационный режим и беспощадно подавлялись малейшие попытки сопротивления. Одновременно Бедфорд стремился создать опору для «двуединой монархии» в среде французских дворян, духовенства и горожан. Он вообще предпочитал делать английскую политику во Франции руками тех, кому современники дали точное определение: лжефранцузы (Q IV, 97). Эти «лже-французы» входили в ближайшее окружение регента, из них рекрутировались кадры центральной и местной администрации, и их можно было встретить даже в английском войске, осаждавшем Орлеан. Созданная договором в Труа система «двуединой монархии» пользовалась также поддержкой значительной части французского духовенства. Все это осложняло обстановку во Франции и затрудняло освободительную борьбу.

Сразу же после смерти Карла VI дофин Карл, резиденцией которого был в то время город Бурж, принял королевский титул. Противники называли его «буржским королем», подчеркивая отсутствие у него прав на французскую корону; однако для большинства французов именно он являлся единственным законным государем, олицетворявшим самый принцип независимости Франции. Да и «Буржское королевство» вовсе не было таким слабым, каким оно обычно изображалось в старой исторической литературе. Под властью Карла VII находилась добрая половина Франции, причем испытывавшая бедствия войны в несравнимо меньшей степени, нежели многострадальный Север. Карл мог рассчитывать и на помощь богатых городов (таких как Лион, Тулуза, Ларошель), и на много-

численное воинственное дворянство французской Гаскони, Оверни и Дофине. У него были союзники за рубежом: прежде всего непримиримые враги англичан — шотландцы, а также короли Кастилии и Арагона, герцоги Савойский и Миланский.

Но ему противостоял союз двух сильнейших государств тогдашней Европы. Военные неудачи продолжали преследовать французов. В начале 1420-х годов англичане значительно расширили свои владения вокруг Парижа, а 17 августа 1424 г. они нанесли сокрушительное поражение французскому войску в сражении при Верпей-сюр-^{11}Авр. Однако у победителей уже не хватало сил для того, чтобы немедленно реализовать успех и покончить с «Буржским королевством». Путь на юг, на территорию свободной Франции, преграждала цепь укрепленных городов и замков по Луаре. Именно там должна была решиться судьба Франции.

В это критическое время очень важное значение приобрело народное сопротивление на оккупированной территории. Его главным очагом явилась Нормандия, объявленная исконным владением английской короны. В этой провинции бедствия войны и оккупации давали себя знать особенно остро. Население облагалось тяжелыми налогами и контрибуциями, часть земель была роздана английским феодалам, а порт Гарфлер был целиком заселен англичанами. Сопротивление началось почти сразу же после высадки англичан на нормандской земле и продолжалось до полного освобождения провинции в 1449 г. В некоторых районах оно приобрело характер партизанской войны. Небольшие отряды укрывались в лесах; они держали под своим контролем дороги, нападали на солдат, охотились за финансовыми чиновниками. Состояли эти отряды главным образом из крестьян, которые действовали обычно вблизи своих деревень и часто находились в тесном контакте с теми, кто оставался дома. Что касается дворян, то они предпочитали либо примкнуть к англичанам, чтобы сохранить свои земли, либо эмигрировать из провинции, чтобы сражаться с неприятелем в рядах французского войска. С другой стороны, среди участников сопротивления нередко можно было встретить сельских священников — представителей той плебейской части духовенства, которая стояла близко к народу и разделяла с ним его бедствия.

Оккупационные власти обрушивали на партизан жесточайшие репрессии. Устраивались карательные экспедиции, прочесывались леса, проводились показательные суды и казни. За голову каждого партизана назначалась награда. Сотни, может быть, даже тысячи участников сопротивления погибли во время оккупации; «однако, — замечает по этому поводу современник-хронист, — на месте одной отрубленной головы тотчас же вырастали три другие» (19, т. I, 109). Поэтому, несмотря на репрессии, англичанам так и не удалось подавить это движение. Отдельные районы практически вышли из-под их контроля, ^{12} и они не решались появляться там иначе, как с очень сильным эскортом (70, 158—159).

Значение народного сопротивления на оккупированной территории не может быть сведено лишь к непосредственному ущербу от операций партизан. Очень существенным было здесь то обстоятельство, что борьба в тылу постоянно отвлекала па себя часть военных сил англичан и расплывала их. Оккупационным властям приходилось держать гарнизоны в городах, удаленных от районов военных действий, а это в свою очередь ослабляло их натиск па свободную территорию.

Разумеется, между деятельностью Жанны д'Арк и партизанской войной в английском тылу не было прямой и непосредственной связи. Мы вправе, однако, говорить здесь об однотипных в конечном счете явлениях: патриотический подвиг Жанны был высшим и самым ярким проявлением того широкого национально-освободительного движения, которое вызвало к жизни и стойкость защитников Орлеана в течение более чем полугодовой осады, и многочисленные заговоры в оккупированных городах, и засады «лесных братьев» на дорогах Нормандии...

Осенью 1428 г., когда под стенами Орлеана началась решающая битва за Францию, очень многие французы испытывали чувства, которые позже выразила Жанна, отвечая во время суда на провокационный вопрос о том, ненавидит ли бог англичан: «Я ничего не знаю о любви или ненависти бога к англичанам, как и о том, что он сделает с их душами. Но я твердо знаю, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кто здесь погибнет» (Т, I, 169). ^{13}

ПОРТРЕТ И ИМЯ

«Дева сия сложением изящна; держится она по-мужски, говорит немного, в речах выказывает необыкновенную рассудительность; у нее приятный женский голос. Ест она мало, пьет еще меньше. Ей нравятся боевые кони и красивое оружие. Она любит общество благородных воинов и ненавидит многолюдные сборища. Обильно проливает слезы, [хотя] лицо у нее обычно веселое. С неслыханной легкостью выносит она и тяготы ратного труда, и бремя лат, так что может по шесть дней и ночей подряд оставаться в полном вооружении» (Q, V, 120).

Это — единственный дошедший до нас «словесный портрет» Жанны д'Арк. Такой изобразил ее Персеваль де Буленвилье, камергер и советник Карла VII, в письме миланскому герцогу Филиппе Мария Висконти. Письмо это датировано 21 июня 1429 г. Это был момент полного торжества французов. Они только что, третьего дня, сокрушительным разгромом основных английских сил в сражении при Пате завершили кампанию в долине Луары, которая началась немногим более месяца тому назад с решающей победы под стенами Орлеана. Теперь предстояло развить военный успех и

закрепить его важнейшим государственным актом: коронацией дофина. Армия готовилась к походу на Реймс, в кафедральном соборе которого издавна короновались французские короли.

Повсеместно молва приписывала ошеломляющие победы французов Жанне-Деве, и европейские дворы, заинтригованные уже первыми известиями о переломе в ходе военных действий, жаждали узнать как можно больше об этом необыкновенном создании, в котором одни видели божью посланницу, а другие — служанку дьявола. И Персеваль де Буленвилье спешит удовлетворить любопытство союзника своего государя, послав в Милан обстоятельную^{14} эпистолю, целиком посвященную Деве. Обращенное к Висконти, это послание было рассчитано на широкое распространение и общественный резонанс. И действительно, из того, что его латинский текст был обнаружен в одном бенедиктинском аббатстве в Австрии, а перевод на немецкий язык — в архиве Кенигсберга (Q, V, 114), видно, как далеко оно разошлось. Послание Буленвилье было связано с топ пропагандистской кампанией, которую осуществило летом 1429 г. французское правительство с целью воздействовать на общественное мнение за пределами Франции и убедить его в божественном характере миссии Девы. Известно, что почти одновременно с Буленвилье другой близкий советник Карла, знаменитый поэт и гуманист Ален Шартье, направил кому-то из европейских государей письмо аналогичного содержания.

Письмо Буленвилье представляет интерес с нескольких точек зрения. Мы не знаем ни одного достоверного изображения Жанны, хотя существование ее прижизненных портретов зафиксировано источниками. Одну такую картину видела сама Жанна: в полном вооружении, преклонив колено, она протягивает письмо Карлу VII (Т, I, 98). В 1429 г., когда она была главной европейской сенсацией, ее изображение демонстрировалось за границей: в баварском городе Регенсбурге была выставлена картина, показывающая, «как Дева воюет во Франции» (Q, V, 270). Но судьба этих и подобных изображений неизвестна, а многочисленные попытки идентификации различных портретов применительно к Жанне д'Арк оказывались безуспешными.

Тем большую ценность имеет описание, сделанное Буленвилье, так как оно дает какое-то представление о внешнем облике героини. Его дополняют свидетельства других современников: Жанна была высокой черноволосой девушкой, у нее, по словам герцога Алансонского, были красивая грудь и ласковый голос (O, I, 388). Все эти подробности были важны для современников, потому что Жанну обычно видели либо в мужском костюме, либо в доспехах, а ее противники распространяли слухи, что Дева — вообще не женщина, но некое странное существо, выдающее себя за женщину. Отсюда, кстати, и непонятная поначалу фраза Буленвилье: «... у нее приятный женский голос». Точно и просто сказал о ней ее оруженосец^{15} Жан д'Олон: «... юная девушка, красивая и хорошо сложенная» (B, I, 486).

Буленвилье изобразил Жанну выразительно и достоверно. Все, что сказано в его письме о ее поведении и привычках, может быть подтверждено другими свидетельствами — вплоть до такого штриха, как склонность к обильным слезам, о чем упоминали на процессе реабилитации герцог Алансонский, прошедший с Жанной почти всю кампанию 1429 г., и ее духовник, монах-августинец Жан Паскерель (D, I, 387, 391). Здесь, впрочем, следует иметь в виду, что в средние века слез не стыдились и не скрывали их. «Дар слез» считался добродетелью, плакали часто и бурно — и не только женщины.

Жанна поражала современников своей выносливостью. Ее паж Луи де Кут вспоминал спустя много лет, что она проделала свой первый поход, не снимая лат, к которым у нее не было никакой привычки, и даже провела в них ночь (D, I, 363). Ее товарищи по оружию, любившие выпить и поесть, отмечали крайнюю воздержанность Девы в еде. А о том, что лошади и впрямь были ее слабостью, мы узнаем из ее собственных показаний на руанском процессе. Категорически отвергая обвинения в роскоши, она с наивной гордостью признавалась, что король купил ей пять боевых коней и «более семи» обозных лошадей. «Спрошенная, каких богатств, кроме лошадей, требовала она от своего короля, отвечала, что не просила у него ничего, кроме хорошего оружия, добрых коней и жалования для своих людей» (Т, I, 105).

Портрет Жанны, вышедший из-под пера Персевалья де Буленвилье, верен оригиналу не только в деталях. Он удался в целом. Буленвилье сумел увидеть и запечатлеть то удивительное сочетание женственности и мужества, изящества и силы, которое составляло своеобразие личности Жанны и придавало всему ее облику неповторимое обаяние.

Если мы, однако, всмотримся в этот портрет более пристально, то обнаружим, что в нем акцентированы те черты, которые противоречили традиционному средневековому представлению о женщине — «сосуде греха и соблазна», существу низшего порядка, слабом и суетном. Сам Буленвилье эту точку зрения полностью разделяет. Он изображает Жанну так, словно говорит читателю: да, Дева — женщина, но женщина особенная, не знающая^{16} обычных женских пороков и слабостей. Она «держится по-мужски», т. е. не болтлива, рассудительна, не прихотлива, избегает суетных развлечений, предпочитая им боевых коней и красивое оружие. Это — своеобразная апология Жанны с традиционных «антифеминистских» позиций.

Однако в это же самое время во Франции начинает мало-помалу утверждаться иной взгляд на женщину, связанный со становлением элементов нового гуманистического мировоззрения. Французская литература первой половины XV в. становится ареной многочисленных поединков между «хулителями» и «защитниками» женщин. Особенно энергично защищала женские достоинства и добродетели знаменитая Кристина Пизанская — первая французская поэтесса, сделавшая профессиональный литературный труд источником независимого существования. Она посвятила подвигу Жанны д'Арк восторженную патриотическую поэму, о чем более подробно будет сказано

ниже. Здесь же нужно лишь отметить, что в этом сочинении, датированном 31 июля 1429 г., т. е. написанном почти одновременно с эпистолой Персеваля де Буленвилле, Жанна изображена с совершенно иной авторской позиции. Если Буленвилле как бы извиняет Деву ее женскую природу, то Кристина Пизанская, напротив, славит женщину в Жанне. Она гордится тем, что именно женщине обязана Франция своим спасением. Больше того, женщина сделала то, что не смог сделать мужчина: «О, честь какова для женского пола, что бог возлюбил его так, что, когда весь сей великий народ был жалким, как пес, а все королевство являло собою пустыню, он женщину выбрал, чтоб вновь возродить сей народ и вернуть ему силу» (Q, V, 13).

К образу Жанны-Девы апеллировал в полемике с «женоненавистниками» и бургундский поэт Мартен Лефран, написавший в 1440 г. поэму-диалог с программно вызывающим заглавием «Защитник женщин» («Сиатрюп йез аашез»). Спустя двадцать лет Франсуа Вийон упомянул «славную Жанну из Лотарингии, которую англичане сожгли в Руане», среди других «женщин былых времен».

Позже, в конце XV—первой половине XVI в., Жанна станет почти неизменным персонажем многочисленных и чень популярных жизнеописаний знаменитых женщин. {17} Мы встречаемся с ней на страницах «Корабля добродетельных женщин» Симфорьена Шампье (1502 г.), «Похвалы браку или собраний историй о славных, добродетельных и знаменитых женщинах» Пьера де Ленодери (1523 г.), «Зеркала добродетельных женщин» Алена Бушара (1546 г.), «Неодолимой твердыни женской чести» Франсуа де Биллона (1555 г.) и других сочинений подобного рода. И хотя в них нередко содержались фантастические сведения, образ Жанны д'Арк сыграл определенную роль в преодолении средневековых «антпфеминистских» традиций французской литературы и становлении новой ренессансной концепции женщины.

Жанна д'Арк. .. Это имя так прочно вошло в наше сознание, стало таким естественным элементом всей нашей исторической культуры, что мы с трудом можем представить себе: эпоха Жанны д'Арк не знала Жанны д'Арк.

Это не парадокс и не преувеличение. Современники Жанны д'Арк действительно не знали Жанпы д'Арк. Ни один хронист никогда не упомянул ее полного имени; ни один свидетель на процессе реабилитации ни разу не назвал ее Жанной д'Арк. Они знали Жанну, Деву, Жанну-Деву, но не Жанну д'Арк.

В Руане судили не Жанну д'Арк. Судили «некую женщину по имени Жанна, обычно называемую Девой» (Т, I, 1). Лишь в одном-единственном из дошедших до нас прижизненных документов она была названа по имени и фамилии. Это грамота апеллирования (возведения в дворянство) самой Жанны и ее родных (декабрь 1429 г.); в подобном случае, естественно, нужно было указывать фамилию получателя дворянства.

Самое, пожалуй, здесь любопытное — это то, что и она не воспринимала себя как «д'Арк» да и вообще, кажется, не была уверена в своей фамилии. На первом допросе 21 февраля 1431 г. «спрошенная о своем имени и прозвании, отвечала, что на родине ее называли Жаннетой, а во Франции Жанпой. О прозвании же ей ничего не известно» (Т, I, 40). Французский черновик протокола допроса (так называемая «минута») употребляет здесь слово *surnom*, а официальный латинский текст — *cognomen*. Оба этих термина могли в равной мере означать как {18} фамилию в современном значении слова, так и «прозвание». Задавая подсудимой первый «анкетный» вопрос, судьи, очевидно, имели в виду ее фамилию, но она поняла их иначе. «Прозвание» у нее было, ее повсеместно называли Девой, но назвать себя так на суде она не могла, не навлекая на себя обвинение в смертном грехе гордыни. Позже она поняла, чего от нее хотят, и через месяц, 24 марта, когда следствие подошло к концу и подсудимую ознакомили с записью предыдущих допросов, она уточнила свои первоначальные показания. Жанна заявила, «что была прозвана д'Арк или Роме и что в ее краях дочери носят прозвание матери» (Т, I, 181).

В том, что Жанна и сама толком не знала, кто она такая — д'Арк или Роме, — нет ничего удивительного. В крестьянской среде даже мужчины — и те далеко не всегда имели устойчивые родовые «фамилии»; жизнь не часто ставила их в ситуации, когда требовалось установление личности. Подчас родные братья могли носить разные «фамилии». В упомянутой выше грамоте аноблирования семьи Жанны названы «Жакмеп и Жан Дай и Пьер Пререль, братья Девы» (Q, V, 220). Что же касается женщин, то их обычно называли только по именам. Жанна перечисляла своих крестных родителей следующим образом: Агнесса, Жанна, Сибилла, Жан Линге и Жан Баррей (Т, I, 40). Если женщина выступала в качестве юридического лица (например, свидетельницей на процессе), к ее имени добавляли: «жена (вдова) такого-то». Нередко, впрочем, женщина имела индивидуальное «прозвание», которое указывало на какую-то сторону ее личности или на какое-то событие в ее жизни. Так, мать Жанны, Изабеллу, в Домреми называли Роме («Римлянка»); предполагается, что она совершила паломничество в Рим. Так что пока Жаипа жила в Домреми в полной неизвестности, она не задумывалась над своей фамилией: ей это просто-напросто не было нужно. Ее называли Жаннетой — и этого было достаточно для ее тогдашнего круга и форм общения.

Когда же она появилась «но Франции» (так жители окраинных провинций называли центральную часть страны), то и там фамилия ей оказалась ненужной, по уже по другой, прямо противоположной причине. Она сразу же приобрела всеобщую известность и заняла совершенно {19} особое положенно. Поэтому очень скоро за ней закрепилось и особое проздолше. Говорили «Дева» — и каждому

было ясно, о ком идет речь. Свои письма и воззвания к городам она подписывала по-королевски — «Жанна», и этого было достаточно.

Вторично после грамоты аноблирования 1429 г. Шаина была названа полным именем только через четверть века в официальном протоколе процесса реабилитации (1455 г.): «Жанна д'Арк, именуемая обычно Девой» (D, I, 1). Затем эта фамилия вновь надолго исчезает со страниц исторических сочинений; в течение целого столетия она встретится всего два-три раза — в неустойчивой транскрипции. Во второй половине XV—первой половине XVI в. Жанну по-прежнему именуют «Дева» или «Жанна-Дева», изредка уточняя «Жанна из Вокулера» (Антуан Дюфур, 1501 г.), «Жанна, дева из Лотарингии» (Павел Эмилий, 1539 г.), «Жанна-Дева, родом из Вокулера» (Гильом дю Белле, 1546 г.). Появилось любопытное выражение «Дева Франции» (Пьер де Ленодери, 1523 г.; Жан-Батист Энье, 1554 г.), свидетельствующее о восприятии Жанны как национальной героини, но оно не прижилось. А в середине XVI в. она обретает новое прозвание, которое быстро становится очень популярным и вытесняет все другие имена. Жанну начинают называть «Орлеанской девой».

Это выражение встречается впервые в тексте 1555 г. (57, 151), а через двадцать лет, в 1576 г., можно было уже прочесть: «Жанна д'Арк, именуемая обычно Орлеанской девой» (67, 50). В то время во Франции говорили также о «знаменитой Орлеанской деве». Именно так назвал ее в 1580 г. Мишель Монтень, который, путешествуя в Германию и Италию, посетил родные места Жанны. В своем дневнике он отметил: «Домреми-сюр-Мез, в трех лье от Вокулера. Здесь родилась знаменитая Орлеанская дева, которую звали Жанна Дай или Даллис» (88, 89, 501).

Монтень детально описывает герб, дарованный братьям Жанны после аноблирования (увенчанный короной меч на голубом фоне с цветками лилии по обеим сторонам), и замечает, что «домишко, в котором она родилась, весь расписан с фасада сценами ее подвигов, но время сильно испортило росписи». Видел он и «дерево Девы» (см. с. 43), но не нашел в нем «решительно ничего примечательного». {20}

Беглая запись в дневнике Монтепя является поистине драгоценным свидетельством. Она позволяет судить о том, кем была Жанна в глазах Монтепя, т. е. какой представлялась самая яркая фигура французского Средневековья самому глубокому и оригинальному уму французского Возрождения. Здесь прежде всего обращает на себя внимание многозначительная инверсия «имен»: Монтень сначала называет «прозвище», а уже затем собственное имя. По-видимому, до приезда в Домремп ему вообще была известна только «Орлеанская дева» и лишь, побывав на ее родине, он узнал, что ее звали «Жанна Дай или Даллис». Характерно, что Монтень воспроизводит фамилию Жанны не в существовавшей уже тогда «канонической» форме (Дарк или д'Арк), но так, как ее произносили в Домреми на местном лотарингском наречии: Дай. А загадочное «Даллис» — это искаженная лота-рингским диалектом фамилия «дю Лис» («Лилия»), которую получили братья Жанны и их потомки после аноблирования, но которая к самой Жанне никогда не прилагалась. В целом создается впечатление, что Орлеанская дева представлялась Монтепеню, особенно до того, как он побывал в Домреми, существом полуполюгендарным, и он с явным интересом отмечал все вещественные свидетельства ее реального существования: герб, роспись на фасаде дома, «дерево Девы». Парадоксальная на первый взгляд, но, в сущности, естественная для ренессансного исторического мышления ситуация: о своей знаменитой соотечественнице, которая отделена от него всего лишь полутора столетиями, Монтень знает намного меньше, чем о мало-мальски известном историческом деятеле античности или мифическом герое.

Следует заметить в этой связи, что эпоха Возрождения вообще плохо представляла себе Жанну д'Арк, которая казалась людям этой эпохи слишком «средневековой». Ее история в это время питает не столько ученую мысль, сколько массовое сознание. Не случайно в XVI в. Жанна становится излюбленным персонажем популярных исторических сочинений «для массового читателя», причем в этом персонаже обычно с трудом угадываются черты реального исторического лица.

И все же, как бы ни были подчас смутны представления об Орлеанской деве, само появление этого названия знаменовало важную веху в демифологизации образа {21} Жанны д'Арк. В самом деле, если в господствовавшее прежде понятие «Дева» вкладывался преимущественно мистический смысл, то с понятием «Орлеанская дева» уже в большей степени связывалось представление об историческом персонаже. Характерно, что до начала XVII в. мы вообще не обнаруживаем никаких попыток объяснить происхождение различных прозваний Жанны, и частности, почему она была прозвана «Девой». Современники Жанны и их ближайшие потомки не испытывали потребности в рациональном объяснении этого прозвания, поскольку в нем самым непосредственным образом отразилось их собственное отношение к «феномену Девы», прямое восприятие и переживание этого феномена как чуда. Потребность в таком объяснении пришла гораздо позже, когда само это прозвание и связанное с ним отношение отошли в прошлое.

В 1612 г. в Париже был напечатан «Краткий трактат об имени, гербе, происхождении и родне Орлеанской девы и ее братьев»; его второе издание появилось в 1628 г. Автором этого любопытного сочинения был крупный судебский чиновник, генеральный адвокат Палаты косвенных сборов (а в 1628 г. и королевский советник) Шарль дю Лис — праправнук младшего брата Жанны Пьера. Подробно разбирая генеалогию семьи д'Арк-дю Лис, он впервые коснулся вопроса о происхождении термина «Орлеанская дева».

Шарль дю Лис предложил следующую схему эволюции прозваний своей знаменитой прабабки. Сначала, сразу же после того как она была принята королем и получила разрешение носить оружие, ее прозвали «Девой-Жаппоп» или «Девой из Домреми» «в знак признания ее доблести и великого уважения к ее чистоте». «Но после ее великих и чудесных ратных свершений, среди которых

снятие осады с Орлеана, покорение Труа и многие другие, а также после коронации короля в Реймсе она была названа общим гласом „Девой Франции“, как это явствует из многочисленных документов того времени. А затем историки, которые особенно подробно останавливались на осаде Орлеана, главная заслуга и честь в снятии которой приписывалась ей, отметили ее особым титулом „Орлеанской девы“, каковой титул остается за ней и поныне» (49, 7). Намерения автора «Краткого трактата» ясны: глухо ссылаясь на мифические {22} документы, он хочет вернуть Жанне прежний громкий «титул» «Девы Франции», который она якобы получила еще при жизни со всеобщего одобрения взамен искусственно придуманного некими «историками» более позднего и узкого «титула» «Орлеанской девы». Однако в этом тексте для нас представляет интерес не столько конкретное объяснение того или иного «титула» Жанны, сколько самый принцип рационально-исторического объяснения. За этим принципом стоят отмеченные выше важные изменения в восприятии личности Жанны.

Немногочисленные исследователи, занимавшиеся вопросом о появлении термина «Орлеанская дева», связывают это понятие с местным культом Жанны в Орлеане (30; 57, 152). Известно, что сразу же после освобождения там стали ежегодно отмечать это событие торжественной процессией; эта традиция сохранилась до наших дней. В начале XVI в. на Орлеанском мосту был сооружен первый памятник Жанне д'Арк (31, 71—72). Орлеан был единственным городом, в котором память о Жанне постоянно поддерживалась и материально воплощалась; естественно, что и само представление о Деве все более ассоциировалось с тем местом, где она совершила свой первый подвиг.

Выше уже отмечалось, что мы не знаем достоверных изображений Жанны. Существует, однако, множество ее позднейших «портретов», которые обладают немалой ценностью с историко-психологической точки зрения, так как дают возможность судить о том, какое представление о героине доминировало в каждую данную эпоху. Особенно интересен в этом отношении так называемый «портрет эшевенов», хранящийся ныне в Историческом музее Орлеана. Его автор неизвестен. По одной версии, этот портрет подарил Орлеану в 1575 г. герцог Анжуйский, будущий король Генрих III, по другой — он был выполнен в 1581 г. по заказу самих эшевенов (членов магистрата). Эти даты, а также надпись на портрете («К портрету Жанны из Вокулера, Орлеанской девственницы») позволяют рассматривать «портрет эшевенов» как самую раннюю иконографическую интерпретацию Жанны в образе Орлеанской девы.

Первое, что обращает здесь на себя внимание, — это чисто светский характер образа. В изображении начисто отсутствуют какие бы то ни было атрибуты, указывающие на божественный источник миссии Девы или мистическую {23} природу изображаемого персонажа. И хотя латинская надпись внизу картины утверждала в самой категорической форме, что Дева была послана для спасения отечества богом, а не человеческим «ухищрением», эта мысль никак не раскрывалась художественными средствами.

На холсте, выставленном в Орлеанской ратуше, первые зрители-горожане видели сполу современницу, принадлежащую, судя по костюму, к тому же общественному кругу, что и они сами. Только поднятый изящным жестом меч и плюмаж на шляпе (в то время атрибут мужского военного костюма, символ чести и победы) отличали изображение девушки-воина от обычного женского портрета, причем если меч и шпомаж указывали на воинские доблести Девы, то платочек, который она сжимала в левой руке, подчеркивал ее женскую природу (71, 35, 36). Если принять во внимание, что к этому времени орлеанцы привыкли видеть изображение Девы на памятнике и на городском знамени рядом с Христом, богородицей и святым покровителем города, то новаторский характер «портрета эшевенов» станет особенно заметным. Этот портрет, так же как и само понятие «Орлеанская дева», с которым он был тесно связан, свидетельствовал о демифологизации образа Жанны д'Арк.

Признанный в качестве официального портрета героини «портрет эшевенов» сопутствовал «Орлеанской деве» на протяжении всего того периода, когда это выражение употреблялось в качестве главного прозвания Жанны, второго ее имени (71, 36). А этот период охватывает ни много ни мало как почти три столетия. Лишь в середине прошлого века «Орлеанская дева» исчезает с титульных листов посвященных французской героине. Такое длительное существование этого выражения объясняется различными причинами. Здесь — и могущественная власть традиции, и влияние эстетических вкусов барокко, классицизма и романтизма, которые, несмотря на всю свою несхожесть и взаимное отрицание, в равной мере чурались «прелести нагой простоты», тяготели к возвышенному¹ Главную же причину устойчивости этого прозвания {24} Жанны нужно, по-видимому, искать в том, что, будучи по сути дела метафорой, содержащей в себе немалый элемент иносказания, неопределенности, даже загадочности, оно как нельзя лучше соответствовало тому до-научному, во многом еще мифологическому этапу в представлениях о героине, конец которому был положен только в 1840-х гг. публикацией основного свода относящихся к ней источников. Именно тогда завершилась де-мифологизация «Орлеанской девы» и Жанна д'Арк окончательно обрела черты реального исторического лица.

¹ Иногда говорят, что популярности названия «Орлеанская дева» способствовала в первую очередь романтическая трагедия Ф. Шиллера (1801 г.), имевшая огульный успех (95, 777). С этим вряд ли можно согласиться. Судя по названиям сочинений, посвященных Жаппе д'Арк, это выражение было особенно популярно в предыдущее столетие, а в начале XIX в. оно уже постепенно отмирало. Шиллер по ввел его в широкий оборот; напротив, он сам использовал традиционное словосочетание.

Часто спрашивают: почему мы пишем ее фамилию «на дворянский манер», через апостроф, хотя прекрасно знаем, что Жанна была крестьянкой и не имела никаких прав на «благородную» частицу «д'»? Что это? Дань традиции? Условность? Остановимся на этом вопросе, тем более что в свое время «проблема апострофа» была предметом длительной и бурной полемики.

Современники Жанны писали ее фамилию слитно. Впрочем, они еще вообще не знали апострофа, который вошел в употребление лишь столетие спустя, в середине XVI в. Да и сами частицы «де», «дго», и «д'» вовсе не являлись во времена Жанны обязательным признаком и привилегией дворянской фамилии. Они употреблялись в своем прямом значении предлога («из») и указывали, если речь шла о простолюдине, откуда этот человек родом. В интересующем нас случае фамилия Дарк или д'Арк, которую, кстати сказать, до XVII в. произносили и писали по-разному—и Дар (Dare, Dart), и Тар (Tart), и Дай (Day), и Дей (Deu), — говорила лишь о том, что отец Жанны происходил из семьи, которая жила в некоем Арке — и по более того. Об идентификации этого названия существует большая литература, связанная с горячо обсуждавшимся в свое время вопросом о «национальности» Шаппы (т. е. следует ли ее считать уроженкой Шампани или Лотарингии), но для нас в данном случае это неважно. Вспомним, однако, о том, что, когда семья Жанны была аноблирована, ее отец и братья получили {26} от Карла VII новую дворянскую фамилию дю Лис («Лилия»). Это было сделано не только в знак признания заслуг их дочери и сестры перед династией Валуа, геральдической эмблемой которой был, как известно, цветок лилии, но и потому, что с их прежней фамилией никак не связывалось представление о дворянстве. Апостроф в фамилии Жанны встречается впервые в изданной в 1576 г. «Истории осады Орлеана», причем не в самом тексте хроники, где эта фамилия ни разу не упоминается, а в приложенных к нему стихотворении и «Уведомлении читателю» (67). Это вовсе не значило, что анонимный поэт и издатель видели в Жанне дворянку, ибо в самой хронике рассказывалось о ее крестьянском происхождении.

Гораздо сложнее обстояло дело с восприятием социального облика Жанны в XVII—XVIII вв., когда, с одной стороны, уже твердо установилась транскрипция ее фамилии через апостроф, а с другой — сама частица «д'» (равно как и «де» или «дю») приобрела отчетливую сословно-знаковую функцию, стала почти исключительной принадлежностью дворянской фамилии. Видели ли в Жанне дворянку? Трудно сказать. Но вот что любопытно: в богатой иконографии Жанны этого времени (на парижской выставке 1979 г. «Образы Жанны д'Арк» было представлено более 50 «портретов», относящихся к XVII—XVIII вв.) нет ни одного ее изображения в виде крестьянки. Жанну изображали либо в рыцарских доспехах, либо в аристократической женской одежде, либо («портрет эшевенов» и его реплики) в платье девушки-горожанки. Скорее всего в ней видели существо, стоявшее вне сословной иерархии.

Французская буржуазная революция, которая в своих исторических идеалах ориентировалась на античность, мало интересовалась «готической» фигурой Жанны д'Арк, тем более что с этим именем была связана клерикально-монархическая легенда о «спасительнице престола». В наполеоновское время создается нечто вроде государственного культа Жанны д'Арк, который имел вполне определенную антианглийскую направленность.

В эпоху Реставрации и Июльской монархии история Жанны д'Арк становится ареной борьбы между реакционными дворянскими историками, видевшими в деятельности Жанны торжество монархического принципа, и историками буржуазно-демократического лагеря, которые {27} выдвинули идею о народном характере ее патриотического подвига. Тогда-то и начался спор о том, как писать фамилию Жанны. Спорили не из-за тонкостей ономастики, но из-за предметов, гораздо более существенных... «Речь идет в данном случае не о каком-то незначительном вопросе, касающемся одной буквы, или ребяческом капризе комментатора. Те, кто придал аристократическое обличив фамилии этой знаменитой простолюдинки, изуродовали ее истинное лицо, исказили историческую природу этого персонажа в самом важном и заметном ее проявлении: имени. Существует вопреки общеизвестным фактам широко распространенный предрассудок, будто пастушка из Вокулера была дворянского происхождения» (101, 64). Так писал в 1839 г. молодой историк О. Балле де Виривиль, настаивая на уничтожении апострофа в фамилии Жанны д'Арк. Характерно, что именно в период Июльской монархии «аристократическое обличив» фамилии Жанны воспринималось как признак дворянского происхождения самой героини. Такое представление прекрасно вписывается в систему ценностных ориентации этой эпохи; достаточно вспомнить многих персонажей «Человеческой комедии» и самого ее автора с его кажушейся теперь такой мелкой претензией на частицу «де».

Призыв Балле не был тогда услышан, и спустя полтора десятилетия, в 1854 г., он — к тому времени уже один из ведущих французских медиевистов, профессор Школы хартий, признанный авторитет в области источниковедения и истории Франции в эпоху Столетней войны — опубликовал специальное исследование, в котором развернул цепь аргументов в пользу «возвращения» Жанне фамилии Дарк (102). Нет нужды воспроизводить здесь систему его доказательств. Отметим только, что О. Балле де Виривиль отвергал не только фантастическую версию Шарля дю Лиса, согласно которой предки Жанны были дворянами и имели в своем гербе изображение боевого лука (франц. arc), но и этимологию, выводящую фамилию героини из названия местечка Арк-ан-Барруа. Балле полагал, что форма «Дарк» представляет собой самостоятельную ономастическую конструкцию.

Развернулась полемика; в научных журналах появилось несколько статей сторонников и противников апострофа. Обе стороны прибегали в дискуссии к аргументам идеологического порядка. Так, преподаватель Руанского {28} лицея Ф. Буке в статье «Следует ли писать Жанна д'Арк или Жанна Дарк?» решительно высказывался в пользу второй формы еще и потому, что она «рассеяла

бы веру в дворянское происхождение спасительницы Франции и отчетливо показала скромное общественное положение ее предков» (27, 91). Точку зрения Балле де Виривиль поддержали многие видные ученые, причем наметилось характерное размежевание: если историки мелкобуржуазно-радикального или либерального толка (сам Балле де Виривиль, Ж. Мишле, А. Мартен, А. Дежарден) явно отдавали предпочтение «плебейской» форме «Дарк», то авторы консервативно-аристократической ориентации (Ж. Бокур дю Френ, П. де Барант, А. Валлон) придерживались традиционного апострофа.

Правда, после публикации материалов суда над Жанной, с которыми широкая публика смогла ознакомиться в переводе на французский язык, сделанном тем же Балле де Виривилем (1867 г.), говорить всерьез о дворянском происхождении Жанны стало невозможно. Но приверженцы апострофа могли апеллировать к национальным чувствам французов. И вот Анри Валлон, видный католический историк, чья роскошно изданная «Жанна д'Арк» открывалась личным посланием автору папы Пия IX, сближает французское *daгc* с английским *dark* («темный») и патетически восклицает: «„Дочь сумерек!“ Право, даже англичане того времени не смогли бы придумать лучше. Отвергнем же эту варварскую форму „Дарк“ и сохраним за Девой ее французское имя» (106, 26).

Одно время казалось, что точка зрения Балле де Виривиль победила: в 1870 г. вышел в свет шестой том «Большого энциклопедического словаря» Ларусса, в котором Жанна фигурировала как «Дарк»; автор посвященной ей статьи (им был сам Пьер Ларусс) специально останавливался на вопросе об орфографии этой фамилии. И тем не менее в 1870-х гг. форма «Дарк» встречается гораздо реже, чем в предыдущее десятилетие, а в 1880-х гг. практически исчезает. Историки вернулись к традиционной форме. И не потому, что с установлением Третьей республики частица «де» утратила свою социально-знаковую функцию (ведь это те самые годы, когда мопассановский «милый друг» превращается из крестьянского сына Дюруа в дворянина Дю Руа). Нет, просто ряд специальных исследований показал, что фамилия Жанны скорее всего связана этимологически с названием населенного пункта. С другой стороны, благодаря многочисленным изданиям популярных биографий Жанны, авторами которых были такие крупные прогрессивные историки и яркие писатели, как Жюль Мишле и Анри Мартен, образ крестьянской девушки настолько прочно вошел в массовое сознание, что «дворянская» форма фамилии Жанны уже не могла исказить ее социального облика. И хотя еще в 1890 г. виконт Оскар де Поли, президент Геральдического совета Франции, опубликовал большую статью, где «без всяких колебаний» заявлял, что семья Жанны была ветвью старинного рыцарского рода д'Арков, известного со времен крестовых походов (96, 97—99), этот фантастический тезис не встретил поддержки даже у наиболее консервативно настроенных историков. Это, правда, еще совсем не значило, что прекратились попытки «облагородить» национальную героиню Франции, но с «проблемой апострофа» они уже связаны не были.

На этом можно было бы закончить историю имени Жанны д'Арк, если бы не одно обстоятельство, которое сравнительно недавно вновь привлекло внимание исследователей к этой проблеме. Дело в том, что сама Жанна по время суда произнесла фамилию своего отца только однажды, на первом допросе, когда устанавливалась личность подсудимой. В официальном латинском протоколе апострофа процесса эта фамилия записана в форме *d'Arc* (или *Darc*, так как в самой рукописи рукописи рукописи, разумеется, не было, и он появляется лишь в печатных изданиях). Однако сам официальный протокол был составлен лишь через несколько лет после казни Жанны (31 мая 1431 г.), не ранее 1435 г. (Т, I, XIX), на основе так называемой «французской минуты», т. е. первоначальной «черновой» записи на французском языке. А в этом первоначальном тексте стоит не *Darc*, а *Daгc* (Т, I, 40). Правда, данная часть «французской минуты» дошла до нас не в оригинале, а в копии конца XV—начала XVI в. (Орлеанская рукопись). Но если эта копия верна оригиналу, то секретари трибунала, которые воли протокол допроса, но услышали в этой фамилии предлога *de* и восприняли ее как целостную фонетическую конструкцию, не связанную ни с каким «Арком». Или же так прочел {30} эту фамилию копиист, у которого опять-таки не возникло при этом никаких смысловых ассоциаций.

Исходя, видимо, именно из этих наблюдений, а также из того, что в других источниках фамилия Жанны начинается с «д», Поль Донкер, издавший в 1952—1961 гг. «французскую минуту» и ряд других документов суда над Жанной и процесса реабилитации, снова вернулся к форме «Дари». Последователен у него, однако, но нашлось, и в новейших, самых авторитетных изданиях материалов обоих процессов Жанны, осуществленных под эгидой Общества истории Франции, ее фамилия пишется через апостроф; ей придана тем самым каноническая форма. Издатель материалов процесса обвинения Пьер Тиссе привел очень веские доводы в пользу формы д'Арк, показав, исходя из данных топонимики, ее наиболее вероятное происхождение от названия населенного пункта (Т, II, 39-40).

«Наше имя — это мы сами» — такой эпиграф предпослал О. Балле де Виривиль своей первой статье об орфографии фамилии Жанны. И эта звонкая, но в сущности бессодержательная фраза приобретает применительно к Жанне д'Арк глубокий смысл. Действительно, проследившая историю имени героини, выясняя, как на протяжении пяти с половиной столетий одно ее прозвание сменялось другим, рассматривая, казалось бы, второстепенный вопрос об апострофе, мы исследуем не что иное, как самый процесс восприятия личности Жанны в разные исторические периоды. «Дева», «Орлеанская дева», «дворянка» д'Арк, «простолоудинка» Дарк — за каждым из этих прозваний стоит определенная эпоха, имевшая свою концепцию «феномена Жанны» и свой образ «спасительницы Франции». Вместе с тем нам становятся ясны и некоторые существенные стороны генезиса современных, т. е. наших собственных, представлений об одной из самых ярких фигур мировой истории. Мы воочию убеждаемся, сколь многочисленны и разнообразны те позднейшие наслоения, которые искажают эту фигуру и мешают увидеть ее во всем своеобразии реального исторического бытия. Но в то же время мы

обнаруживаем, что сами эти наслоения — предметы самостоятельного научного изучения, призванного раскрыть любопытное культурно-историческое явление: эволюцию образа Жанны д'Арк. {31}

ДОМРЕМИ

Почти всю свою короткую жизнь — семнадцать лет из девятнадцати — Жанна прожила в Домреми. Она ушла оттуда, имея не только твердое намерение «спасти королевство Французское» (Q, I, 290), но и четкий план действий, которому неукоснительно следовала. Весь «подготовительный этап» ее подвига приходится на Домреми, и естественно, что в обстоятельствах жизни Жанны в родной деревне биографы ищут ответ на один из главных вопросов ее истории — вопрос о том, как возник у юной крестьянки этот поистине фантастический замысел: объявить себя божьей посланницей, отправиться «во Францию», снять осаду с Орлеана, короновать дофина и, наконец, изгнать англичан из Франции. Откуда столь грандиозные планы? Откуда уверенность, что именно она призвана свершить все это?

Вот уже пять с половиной столетий идут споры об этом, но и сегодня нельзя сказать, что здесь все ясно и что многовековой «загадки Жанны д'Арк» больше не существует. И дело не в том, что за замыслом Жанны скрывается некая тайна, а прежде всего в том, что наука еще недостаточно глубоко проникла в психологию людей того времени, хотя последние десятилетия ознаменовались резко возросшим интересом к внутреннему миру средневекового человека (6, 5—10). Для нас, в частности, остается во многом неясным действие специфического для средневекового сознания «механизма связи» между «стимулом» (в случае Жанны д'Арк — бедственным положением Франции) и «реакцией» (в данном случае — намерением «спасти королевство Французское»).

Впрочем, современникам Жанны все представлялось более или менее ясным. В глазах своих сторонников Дева была орудием божественного провидения, а ее появление рассматривали как чудо. В глазах противников «некая {32} женщина по имени Жанна, обычно называемая Девой», была служанкой дьявола, а все ее успехи объяснялись происками сатаны. Согласуясь между собой в том, что Жанна является существом сверхъестественным, обе концепции апеллировали к «темным годам» ее жизни в Домреми.

«Названная Жанна, — говорилось в первом варианте обвинительного заключения по ее «делу» (март 1431 г.), — не будучи в юные годы воспитана и наставлена в главных основах веры, научилась у неких старух ведовству, гаданию и прочим магическим искусствам» (Т, I, 196). Далее утверждалось, что Жанна ходила по ночам к «дереву фей», совершала там магические обряды, общалась со злыми духами, выполняла их приказы и т. д.

Совершенно иначе была изображена жизнь Жанны в Домреми в сочинении, которое может быть названо ее первой биографией. Речь идет об уже известном читателю письме Переевалл де Вуленвилье миланскому герцогу. В основе этого послания, содержащего жизнеописание Девы с момента рождения и вплоть до битвы при Пате, лежала концепция чуда. Буленвилье так и определял свою задачу: «рассказать о великих чудесах, происшедших совсем недавно с королем Франции и его королевством».

Буленвилье исходит из того, что слава Жанны уже перешагнула через французские рубежи. «Я полагаю, государь, — обращается он к миланскому герцогу, — что ваших ушей уже коснулся слух о некоей Деве, которая, как благочестиво считают многие, была послана нам богом. А посему, прежде чем изложить вам в немногих словах ее жизнь, деяния, положение и нрав, расскажу о ее происхождении.

Она родилась в небольшой деревне Домреми, что в бальяже¹ Бассиньи, в пределах и на границе Французского королевства, на берегу Мааса, по соседству с Лотарингией. Ее родители слывут людьми простыми и честными» (Q, V, 115).

Заметим, что Вуленвилье с необычайной для того времени точностью указал месторасположение родной деревни Жанны. Он, по-видимому, наводил специальные {33} справки в королевской канцелярии, и ему удалось избежать ошибки многих современников Жанны, считавших, что Дева вышла «из пределов Лотарингии». Точные координаты «чуда появления» Девы должны были, по всей вероятности, служить в глазах читателя добавочной порукой достоверности рассказа. А чудеса начались буквально с момента рождения Девы.

«Она увидела свет сей брэнной жизни в ночь на богоявление господя, когда весь люд радостно славит деяния Христа. Достояно удивления, что все жители были охвачены [в ту ночь] необъяснимой радостью и, не зная о рождении Девы, бегали взад и вперед, спрашивая друг друга, что случилось. Не-которые сердца испытывали при этом какой-то неведомый прежде восторг. Что еще? Петухи, словно глашатаи радостной вести, пели в течение двух часов так, как никогда не пели раньше, и били крыльями, и казалось, что они предвещают важное событие» (Q, V, 116).

Историки по-разному оценивают достоверность этого рассказа. Чаще всего они заимствуют оттуда лишь упоминание о том, что рождение Жанны пришлось на богоявление (или на крещение, так как эти праздники совпадают), отбрасывая как явный вымысел описание необыкновенных событий, сопутствовавших появлению Жанны на свет. Затем, опираясь на слова самой Жанны, которая в феврале 1431 г. говорила, что ей 19 лет или около того (Т, I, 41), они называют дату ее рождения 6 января 1412 г. Эта дата издавна считается общепринятой; она фигурирует как в старых классических сочинениях Ж. Кишера, А. Валлона, С. Люса, Ф. Дюнана, Г. Аното и др., так и во многих новых биографиях

¹ Бальяж — судебно-административный и податный округ в средневековой Франции.

Жанны, например в известной книге Р. Перну «Жизнь и смерть Жанны д'Арк» (91, 65).

Некоторые биографы относятся с полным доверием ко всему сообщению Булевилье. Так, англичанин Э. Лэнг считал, что в ночь, когда родилась Жанна, крестьяне Домреми просто-напросто предавались праздничному веселью и лишь много позже, когда Дева стала знаменитой, действительные обстоятельства ее рождения получили мистическую интерпретацию (72, 32). А соотечественник Липга Э. Люсай-Смит, автор одной из новейших биографий Жанны, попытался определить не только день, но {34} даже час ее рождения. Положив в основу своих расчетов «данные» Булевилье о продолжительности петушиного пения, он пришел к выводу, что Жанна появилась на свет в полшестого утра (83, 6).

С другой стороны, некоторые авторы (Ж. Кордые, Я. Грандо, А. Гильомен) сомневаются в правдоподобии рассказа Булевилье.

Существуют ли достаточно серьезные основания считать 6 января 1412 г. первой датой в биографии Жанны д'Арк? Один из современных биографов заметил как-то, что если бы Жанна действительно родилась на крещение, то она об этом упомянула бы на суде (63, 32). Здесь можно возразить, что молчание в данном случае объясняется тем, что ее об этом не спрашивали, а сама она о себе дополнительных сведений никогда не сообщала. Но как объяснить общее молчание всех остальных источников относительно необыкновенных обстоятельств рождения Девы? Как объяснить, что об этом не упоминает ни одна хроника, хотя их авторы обычно тщательно регистрировали всевозможные слухи о чудесах, связанных с Жанной-Девой? И самое главное: как объяснить, что рождение Жанны не оставило ни малейшего следа в памяти ее односельчан — жителей Домреми, выступавших в качестве свидетелей на процессе реабилитации? А ведь среди этих свидетелей был крестный отец Жанны и три ее крестные матери. И если бы рождение Жанны д'Арк действительно пришлось на богоявление, то кто-нибудь из ее соседей наверняка упомянул бы о столь многозначительном предзнаменовании.

Объяснение здесь может быть только одно: рассказ Булевилье является легендой от начала и до конца, причём легендой, которая родилась не в Домреми и до Домреми не дошла.

Возникновение этой легенды свидетельствует о шедшем быстрыми темпами процессе мифологизации и сакрализации образа Жанны. В самом деле, Жанна появилась при дворе дофина в конце февраля 1429 г., а послание Булевилье датировано 21 июня. И уже в этом раунде документа мы обнаруживаем типичную ситуацию мифа: рождению героя сопутствуют необыкновенные обстоятельства.

Такое быстрое появление закопченной легенды о рождении Жанны-Девы объясняется, по всей вероятности, {35} тем, что ее «автор» (мы берем это слово в кавычки потому, что не знаем, следует ли говорить здесь об индивидуальном или коллективном авторстве) не создавал заново сюжетную схему, а использовал уже готовое «клише», опираясь на всем хорошо известную и очень авторитетную «модель». Можно с достаточным основанием полагать, что легенда о рождении Жанны-Девы восходила к самой авторитетной «модели» — рождению Христа. В пользу такого предположения говорят два аргумента. Во-первых, легенда относит рождение Жанны на ближайший к рождеству праздник, который, кстати, связывался главным образом с явлением звезды волхвам (т. е. с радостной вестью) и праздновался во многом так же, как и рождество. Налицо основа для контаминации.

Еще более отчетливо проступает связь интересующей нас легенды с представлением о рождестве в одной, казалось бы, мелкой детали — пении петухов. Эта деталь, которая на первый взгляд воспринимается как чисто бытовая, «фоновая», в действительности очень важна в смысловом отношении. Как известно, в средневековом сознании петуший крик означал не только конец ночи, но и прекращение власти нечисти, победу сил света и добра над силами зла и тьмы. В средневековой Европе существовало поверие, согласно которому рождество Христа сопровождалось неумолчным петушиным криком (16). Об этом поверии знали и во времена Шекспира:

Есть слух, что каждый год, близ той поры,
Когда родился на земле спаситель,
Певец зари по молкнет до утра.
(«Гамлет», акт 1, сц. 1. Пер. М. Лозинского).

Так, по-видимому, объясняются некоторые «реалии» рассказа Булевилье, смущавшие одних биографов Жанны и толкавшие к ошибочным заключениям других, по вполне понятным тем, для кого этот рассказ был предназначен. Разумеется, упоминание о богоявлении нельзя ни в коем случае считать биографическим фактом; это упоминание преследовало совершенно иную цель: подчеркнуть мистический, провиденциалистский характер появления на французской земле Жанны-Девы. Что же касается даты ее рождения, то здесь единственным ориентиром по-прежнему остаются ее слова о том, что в начале 1431 г. «ей было 19 лет или около того» (Т, I, 41). Она, {36} стало быть, родилась в 1411 или 1412 г., и ничего более определенного по этому поводу сказать невозможно.

Основными источниками, освещающими жизнь Жанны в Домреми, являются ее собственные показания на руанском процессе, свидетельства 24 ее земляков на процессе реабилитации, а также

большое число документов, опубликованных в приложениях к известному сочинению С. Люса «Жанна д'Арк в Домреми» (1886 г.).

Можно ли доверять этим источникам, особенно показаниям Жанны? Была ли она откровенна со своими судьями? В известных пределах — была. Причем эти пределы обозначила она сама.

Еще в самом начале процесса, перед первым допросом, от нее потребовали обычной присяги правдиво отвечать на все вопросы. В такой общей и безусловной форме Жанна присягнуть отказалась, и после нескольких безуспешных попыток принудить ее к этому судьи были вынуждены уступить. Жанна поклялась говорить правду обо всем, что относится к делу веры, кроме «откровений», которые она получала от бога (Т, I, 38—39). Действие присяги распространялось, стало быть, не на все «внешние» обстоятельства ее жизни, поскольку расследование этих обстоятельств имело прямое отношение к делу веры и входило в компетенцию инквизиционного трибунала: от результатов такого расследования зависела оценка личности подсудимой, ее благочестия, добронравия и т. п. Впрочем, Жанна сразу же заявила судьям, что «охотно поклянется говорить правду об отце с матерью и о том, что она делала, когда отправилась во Францию» (Т, I, 38). Иными словами, из внешних фактов своей биографии она не делала никакого секрета.

Меньше доверия внушают показания свидетелей на процессе реабилитации. Во-первых, эти люди многого не знали изначально. Во-вторых, многое забыли. В-третьих, на объем и характер той информации, которая содержится в их показаниях, очень сильно повлияли цели и методы расследования.

Следственная комиссия прибыла в Домреми в первых числах января 1456 г., имея уже готовый перечень вопросов, по которым опрашивала каждого свидетеля. В этом, собственно говоря, и заключалось расследование. Следователей {37} интересовало главным образом мнение односельчан Жанны о ее благочестии и добронравии: ведь тяготившее над ней обвинение изображало ее существом безнравственным, с юных лет ведущим предосудительный образ жизни, не наставленным должным образом в вере и основных принципах христианства, послушницей заповеди дочернего послушания и т. д. Отсюда — перечень вопросов, на которые должны были ответить свидетели: кем были родители Жанны и являлись ли они добрыми католиками, известны ли ее крестные, была ли она наставлена в христианской вере, часто ли посещала церковь, каковы были ее нравы и обычные занятия, часто ли она исповедовалась и т. п. Естественно, жители Домреми прекрасно понимали, что цель расследования заключалась в том, чтобы снять «пятно бесчестия» с памяти их знаменитой землячки, и потому они старались всячески подчеркнуть христианские добродетели Жанны. По их словам получалось, что маленькая Жаннета резко выделялась во всей округе своим совершенно исключительным, из ряда вон выходящим благочестием. Если обвинение рисовало портрет молодой ведьмы, то свидетели процесса реабилитации изображали Жатгау в виде юной святой. Кроме того, поскольку все свидетели давали показания по одной и той же жесткой схеме, они подчас лишь повторяли друг друга.

Какой помнили Жанну спустя четверть века с лишним ее односельчане? Вот, к примеру, свидетельство близкого человека, ее крестной матери Беатрисы, вдовы д'Эстеллена, крестьянина из Домреми (в 1456 г. свидетельнице было семьдесят лет, Жанна, стало быть, выросла у нее па глазах): «Жаннета родилась в Домремп от супругов Жака д'Арка и Изабеллеты, крестьян, истинных и добрых католиков, честных и достойных людей, живших по их средствам, но не слишком богатых... Жаппета была хорошо и достаточно наставлена в католической вере, как и другие девочки ее возраста; с раннего детства и до ухода из отчего дома воспитывалась в добрых нравах, была целомудренной, хорошего поведения, часто и благочестиво посещала церковь и святые места, и когда деревня Домреми была сожжена (в июле 1428 г. во время нападения бургундцев. — В. Р.), Жаннета исправно ходила по праздникам слушать мессу в деревне Гре. Она охотно исповедовалась в те дни, когда {38} это предписывалось, особенно во время пресветлого праздника пасхи, в чем, как мне кажется, не было никого прилежнее ее в обеих деревнях.

Она занималась различной работой по дому, иногда пряла коноплю или шерсть, ходила за плугом, жала, а иногда, когда подходил черед ее отца, пасла деревенское стадо» (D, I, 257—258).

Такая общая «положительная характеристика» полностью отвечала целям расследования. Но составить, основываясь на ней, представление о личности Жанны невозможно.

Почти то же самое и в таких же выражениях говорил о Жанне ее крестный отец Жап Моро, которому в момент расследования было 70 лет: «... с младенчества была хорошо воспитана в вере и наставлена в добрых нравах. . .»; «... была благонравна и вела себя, как то подобает девушке ее состояния, поскольку ее родители не были особенно богаты...»; «... ходила за плугом и изредка пасла скот на жайтах...»; «...делала всякую женскую работу, пряла и все прочее...»; «...охотно и часто посещала церковь и пустынь Потр-Дам-де-Бермон близ Домреми...»; «...я видел, как она исповедовалась в пасхальное время и по другим большим праздникам...» (D, I, 253).

Быть может, возрастной барьер помешал крестным родителям Жанны увидеть неповторимое в их крестнице? Обратимся к показаниям сверстников Жанны. Вот свидетельство ее близкой подруги Манжеты (в 1456 г. ей было 46 лет, и она была замужем за крестьянином Жаном Жойаром): «Дом моего отца находился почти рядом с домом отца Жанпетты, и я хорошо знала Жаипету-Дсву, потому что часто пряла вместе с ней и делала другую домашнюю работу днем и по вечерам. Она была воспитана в христианской вере и преисполнена, как мне кажется, добронравия. Она охотно и часто посещала церковь, раздавала милостыню и была настолько добродетельна, проста и благочестива, что я и другие девушки говорили ей, что это уж слишком.

Она работала с охотой, и у нее было много дел: она пряла, делала различную домашнюю

работу, ходила на жатву, а иногда, в свой черед, пасла скот и при этом прядла. Она охотно исповедовалась, и я часто видела ее стоящей на коленях перед кюре» (D, I, 284-285). {39}

Как видим, возраст свидетелей и характер их отношений с Жанной здесь не при чем: показания ее ровесницы решительно ничем не отличаются от показаний людей старшего поколения. Точно так же обстоит дело с показаниями других сверстников Жанны, ее соседей и друзей детства — Овьетты, Жана Колена, Симонена Мюпье, Мишеля Лебуена. Все эти свидетельства повторяют друг друга, построены по одному и тому же стереотипу, и везде вместо живого изображения Жанны мы находим перечень христианских добродетелей и упоминания о традиционных занятиях любой крестьянской девушки. В показаниях своих односельчан Жанна предстает существом безликим и безгласным: лишь двое из двадцати с лишним свидетелей смогли вспомнить ее слова. Короче говоря, в воспоминаниях людей, с которыми Жанна прожила бок о бок почти всю свою жизнь, не отразилась ее индивидуальность. Не проявилась в них также и индивидуальность самих свидетелей, которые отличаются друг от друга только своими «анкетными данными».

Вряд ли можно полностью объяснить такое однообразие целями и методами следствия, которое проводилось по жесткой схеме, лишившей свидетелей свободы показаний. Ведь по той же самой схеме та же самая следственная комиссия, перебравшись в конце января 1456 г. в Вокулер, допрашивала свидетелей, знавших Жанну после ее ухода из Домреми. И какой контраст с показаниями ее односельчан! Сколько важнейших сведений содержит каждое из этих свидетельств, как они непохожи одно на другое, и как ярко выступает в каждом из них и личность самого свидетеля, и его роль в истории Жанны д'Арк!

Когда Жанна ушла «во Францию», жители Домреми, конечно же, ее постоянно вспоминали. Нетрудно представить себе, сколько раз на протяжении более чем четверти века, отделяющей ее уход от появления следственной комиссии, говорили в Домреми о Жаннете-Деве. В памяти односельчан Жанны, казалось бы, должны были бережно храниться все относящиеся к ней факты — особенно те, которые указывали на неординарность ее личности и могли рассматриваться как некое предзнаменование ее необыкновенной судьбы. Однако эта память окапалась очень бедной. В свидетельствах людей, близко знавших Жанну, индивидуальное подменено типическим, {40} и из воспоминаний крестьян Домреми вырисовывается не конкретный индивид, а обобщенный и идеализированный образ добродетельной и трудолюбивой девушки.

В генезисе этого образа следует различать две стороны. Первая — перенесение на личность Жанны некоего социального идеала: по прошествии четверти века Жан-пета-Дева представлялась крестьянам Домреми воплощением лучших нравственных качеств юной крестьянки. С другой стороны, стереотип представлений о Жанне отражал в какой-то мере действительный характер ее поведения в период жизни в Домреми. Сами условия крестьянского труда и быта сковывали ее индивидуальность, не позволяли проявиться личности, предписывали ей традиционные формы бытия.

Перед нами, собственно говоря, еще не Жанна д'Арк, а Жаннета, может быть, Жаннета Роме («... в моих родных краях девушка часто носит прозвание своей матери. ...»). Она благонравна и добродетельна, «как это подобает девушке ее состояния» (Жан Моро). Она трудится, «как другие девушки» (Овьетта, жена Жерара де Сионн, крестьянка из Домреми). Такая, как все... Такая, как другие...

Она жила в Домреми с отцом, матерью и двумя братьями, Жаном и Пьером. Жан был старше ее, Пьер — моложе. Третий, самый старший брат, Жакмен, рано женился, отделился и жил в соседнем Бутоне. Была у нее еще сестра Екатерина; ее совсем юной выдали замуж за Колена Лемера из Гре, но она скоро умерла.

Жак д'Арк и Изабелла были, по местным понятиям, людьми «не очень богатыми». Изабелла — соседи называли ее Изабеллетой — владела наследственной землей в Бутоне, откуда была родом. Очевидно, эта земля и отошла к старшему сыну. Жак владел примерно двадцатью гектарами земли, из которых двенадцать находились под пашней, а остальные были распределены поровну между пастбищем и лесом (82, *XLVIII*). Где-нибудь на юге Франции, в районе интенсивной поликультуры, крестьянское держание такого размера считалось бы крупным, но на родине Жанны, в лесистых предгорьях Вогец, оно обеспечивало крестьянской семье лишь средний достаток. Главным достоянием крестьян Домреми {41} был скот. В дубравах по склонам холмов откармливали свиней, на пажитях наели овец, с заливных лугов в пойме Мааса получали превосходное сено (82, *LI, LII*). Деревенское стадо пас обществственный пастух-профессионал: выпас скота в этих местах, где лес и пастбища перемежаются с пашней, был делом нелегким, требовавшим определенных навыков и сноровки; взрослому пастуху помогали поочередно дети и подростки.

Дом Жака д'Арка стоял в центре деревни, рядом с церковью, и его месторасположение вполне соответствовало той видной роли, которую играл отец Жанны в жизни общины Домреми. Он занимал одно время выборную должность декана (или сержанта) общины, в его обязанности входил, в частности, сбор налогов. В 1427 г. Жак д'Арк представлял интересы жителей Домреми в одной запутанной и длительной тяжбе (82, 97—99, 360—361). Эти сведения не только проливают определенный свет на личность отца героини, но и объясняют отчасти истоки того чувства собственного достоинства, которое было присуще самой Жанне: она с детства привыкла чувствовать себя дочерью человека, пользовавшегося общим уважением. Не следует забывать, что она росла в

некоем микрокосме, каким являлась община Домреми, имевшая, как и всякий другой сельский коллектив, свою собственную общественную иерархию с четко выраженными ранговыми позициями всех ее членов. «Девушка из хорошей семьи» — значило в крестьянском мирке Домреми ничуть не меньше, чем в самом что ни на есть аристократическом обществе.

Жаннета росла, как все крестьянские дети. Со слов матери она выучила три молитвы; на этом ее образование и завершилось. Позже, находясь при дворе дофина, она, по-видимому, научилась писать свое имя; впрочем, у биографов нет единого мнения на сей счет.

Ее рано приучили к труду и женскому рукоделию. «Спрошенная, была ли она обучена какому-либо ремеслу, отвечала, что да, — прясть и ткать холсты». И не без гордости добавила, что не побоялась бы состязаться в этом с любой руанской мастерицей. «Далее она сказала, что, живя в отцовском доме, занималась делами по хозяйству, но не пасла ни овец, ни других животных» (Т, I, 46). Как видим, широко распространенное представление о «пастушке из Домреми» не находит подтверждения в словах Жанны. {42}

Нельзя вынести из показаний Жанны и впечатления о том, что в детстве и отрочестве она отличалась необыкновенным благочестием. Она исправно исповедовалась и раз в год, на пасху, как это предписывалось мирянам, причащалась. «Спрошенная, причащалась ли она по другим праздникам, отвечала: переходите к другому» (Т, I, 47).

Большое внимание на обоих процессах Жанны было уделено «дереву фей». Обвинение утверждало, что именно там она общалась с нечистой силой. В первом варианте обвинительного заключения было сказано: «Названная Жанна имела обыкновение ХОДРИТЬ к этому дереву и источнику [возле него] чаще всего по ночам, а иногда и днем — в особенности же в те часы, когда в церквях шла божественная служба, для того чтобы быть там одной. Она кружилась, пританцовывая, вокруг источника и дерева, затем вешала на ветви многочисленные венки, сплетенные ею из трав и цветов, произнося до и после [этого обряда] колдовские заклинания и призывы. К утру эти венки исчезали» (Т, I, 198).

А вот ее собственные показания по этому поводу: «Спрошенная о дереве, которое находится неподалеку от ее деревни, отвечала, что вблизи Домреми растет дерево, которое... называют деревом фей. Рядом с ним имеется источник, и она слышала, что больные лихорадкой пьют из него, и видела, что они ходят к нему за целебной водой. Но не знает, излечиваются ли они или нет, хотя слышала, что те больные, которые в силах подняться, ходят к этому дереву.

Это большое дерево, бук, его называют „майским деревом“ (дословно «прекрасным маем», *le Beai tau*. — *B. P.*); говорят, что его владельцем является мессир Пьер де Бурлемон, рыцарь. Иногда она ходила туда с другими девочками; там они плели венки из цветов для статуи богородицы в церкви Домреми. Она часто слышала от старших (но не членов ее семьи), что там жили феи, а одна из ее крестных, Жанна, жена мэра их деревни Обери, говорила, что видела их, но правда это или нет, она не знает. Сама же она никогда не видела фей ни у этого дерева, ни в других местах. Она видела, как девочки вешали венки на ветви этого дерева, и она делала то же самое. Иногда они уносили их с собой, а иногда оставляли. {43}

Затем она сказала, что с тех пор, как ей стало ясно, что она должна уйти во Францию, она почти не участвовала в этих играх и прогулках. Она не помнит, чтобы, повзрослев, водила хороводы вокруг этого дерева, но если она и ходила туда с другими детьми, то они не столько танцевали, сколько пели» (Т, I, 65, 66).

«Но весне это дерево прекрасно, как лилия», — говорил на процессе реабилитации Жерар д'Эшгааль (В, I, 279). «Рассказывают, — свидетельствовала Жаннета, вдова Тьрселсна де Вито, — что некогда мессир Пьер Гранье, рыцарь и сеньор де Бурлемон, встречался под ним с госпожой, и они подолгу разговаривали. Я слышала, что об этом можно прочесть в каком-то романе» (D, I, 264). «Что касается дерева, которое называют деревом фей, — говорил уже упоминавшийся выше Жан Моро, — то я слышал, будто раньше некие волшебницы, именуемые феями, водили под ним свои хороводы, но, когда священник прочел там евангелие от Иоанна, они исчезли» (D, I, 254).

С незапамятных времен в Домреми существовал обычай: весной, в четвертое воскресенье великого поста, молодежь собиралась у «дерева фей». Приносили с собой хлебцы и орехи (древние символы плодородия), устраивали игры. «Это очень старое дерево, и я не помню, чтобы его когда-либо не было, — вспоминала близкая подруга Жанны Манжета. — Я часто бывала там с Жанной в этот день; мы ели, разостлав иногда скатерть, пили воду из источника, а потом играли и танцевали — как делают теперь другие» (D, I, 285).

Эти свидетельства крестьян Домреми вводят нас в мир народной религиозности, которая представляла собой своеобразный сплав христианского вероучения с обычаями и верованиями, уходящими своими корнями в глубокую языческую древность. В последнее время этот мир все больше привлекает к себе внимание исследователей (6, 14—19, 55—66), но мы не можем сейчас в него углубляться, чтобы не отклониться слишком далеко от нашего главного сюжета. Отметим только, что ни о каком своеобразии поведения Жанны здесь, конечно, говорить не приходится: плетя венки под «деревом фей» и украшая ими статую богородицы, она поступала так же, как множество {44} ее сверстниц на протяжении столетий — до нее и после. Феи поселились в долине Мааса задолго до того, как туда пришли христианские миссионеры. Они напоминали о себе на каждом шагу в названиях деревьев, источников, ручьев, гротов, замков, даже монашеских скитов (на карте окрестностей Домреми еще в начале XX в. значился *le Moutier de Fees*) (65, 55). В мировосприятии современников Жанны элементы анимистического сознания мирно уживались с верой в Христа, Деву Марию и святых. Венки, сплетенные под «деревом фей» и венчающие статую пречистой девы, — вот своего рода

символ народной религиозности.

Ни у Жанны, ни у ее односельчан феи никак не ассоциировались с нечистью и ведовством. «Спрошенная (на тайном допросе 17 марта), считалась ли та ее крестная, которая видела фей, благоразумной женщиной, отвечала, что она слывет женщиной вполне порядочной, не ворожеей и не ведьмой. Спрошенная, верила ли она до сегодняшнего дня, что феи — это злые духи, отвечала, что она об этом ничего не знала» (Т, I, 168, 169).

На процессе реабилитации свидетели, говоря о «дереве фей», не выделяли Жанну из общей массы молодых людей; и в этом отношении она была для них «такая, как другие». Но со временем, когда никого из тех, кто водил с ней хороводы, не останется в живых, феи покинут свое жилище, и легенда свяжет столетний бук с громким именем Жанны-Девы. И подобно тому, как появлялись в различные времена «дуб Карла Великого» или «дуб Петра Первого», близ Домреми в начале XVI в. появилось «дерево Девы». В 1547 г. о нем упомянул в «Древностях бельгийской Галлии» верденский священник Ришар де Вассенбург: местные жители уверяли его, что под «деревом Девы» никогда не идет ни дождь, ни снег (107, 472). Спустя треть века, Монтень, как мы знаем, видел «дерево Девы», но не нашел в нем «ничего примечательного».

Деревья живут дольше людей, но и их не щадят войны. «Дерево Девы» погибло во время одной из опустошительных войн середины XVII в.

А «источник Девы» существует в Домреми и поныне.

Через Домреми проходили две границы. Одна — между Французским королевством и герцогством Лотарингия, {45} входившим тогда в состав Германской империи; рубежом здесь была река Маас, на левом берегу которой расположена родная деревня Жанны. Вторая — между собственно королевским владением в герцогстве Бар (*Barrois mouvant*) и той частью герцогства, которая являлась феодалом Империи. Рубежом служил безымянный ручей, пересекавший Домреми поперек, с запада на восток, и впадавший в Маас.

Дом Жака д'Арка стоял на северной, «королевской», стороне. Обитатели этой части деревни были лично свободными людьми, феодальными держателями земли, чьи обязанности по отношению к непосредственному сеньору, каковым для них являлся король, практически сводились к выплате определенного, строго фиксированного побора (ценза). Однако их соседи, жившие буквально в нескольких шагах, за ручьем, находились в личной зависимости от сеньоров Домреми и подвергались гораздо более интенсивной феодальной эксплуатации. Подобный контраст был, впрочем, нередким явлением в средневековой деревне.

«Королевская часть» Домреми управлялась из Вокулера — укрепленного города и центра судебно-административного округа (кастелянства), расположенного в восемнадцати километрах к северу. В интересующее нас время вокулерское кастелянство было единственной территорией на востоке Франции, которая оставалась под властью дофина Карла. Долгое время историки недоумевали, почему ни англичане, ни бургундцы не смогли ликвидировать этот островок. Современники связывали это с энергичной деятельностью капитана Вокулера (начальника гарнизона крепости) Робера де Бодрикура. То был, по словам «Хроники Девы», «отважный рыцарь, державший сторону [французского] короля. Собрав в своей крепости множество храбрых солдат, он воевал как с бургундцами, так и с прочими противниками короля» (Q, IV, 205). Недавние археологические исследования показали, что Вокулер представлял собой мощную крепость, для овладения которой требовались столь крупные силы, какими ни Бедфорд, ни Филипп Бургундский в этой части Франции не располагали (20). Известно, что летом 1428 г. большой англо-бургундский отряд под командованием Антуана де Вержи осадил Вокулер; Бодрикур был вынужден подписать капитуляцию, которая, однако, так и {46} осталась на бумаге: осаждающие не располагали достаточными средствами, чтобы заставить капитана сдать крепость.

Родной край Жанны не знал оккупации, но война его не пощадила. Население кастелянства испытало все бедствия феодальной анархии и солдатского разбоя. Из-за Мааса нападали банды лотарингских дворян, которые делили с бретонцами печальную славу первых грабителей на свете (82, LXII), а в те разбойничьи времена заслужить такую славу было совсем не просто. С ними соперничали шайки головорезов, находившихся на службе у местных сеньоров. Окрестности Вокулера подвергались также частым и опустошительным набегам бургундцев, а летом 1428 г., незадолго до начала борьбы за Орлеан, гарнизон Вокулера выдержал, как мы знаем, длительную осаду.

Не избежала общей участи и родная деревня Жанны. В 1423 г. Робер де Саарбрюккен, сеньор де Ком.мерсн, заключил с жителями Домреми и Гра соглашение, обещав им защиту и покровительство в обмен на 220 золотых экю. Это была огромная по тем временам сумма, и, когда опекаемые слегка помедлили с выплатой, разгневанный «покровитель» совершил налет на большой крестьянский обоз с сепом и лесом, выручив от продажи добычи более половины платы за «охрану и защиту» (82, 359—360). Спустя два года банда солдат-наемников, возглавляемая дворянином Анри д'Орли, напала на Домреми и Гре, разграбила деревни и угнала скот. Крестьяне лишились главного источника средств существования. Владелица южной части Домреми Жанна д'Орживиле обратилась к своему родственнику, могущественному в этих краях графу Водемону, и тот снарядил погоню. Люди Водемона настигли похитителей более чем в ста километрах от места преступления, почти у самого замка Дулеван, владельцем которого был глава банды. При виде вооруженных слуг графа бандиты разбежались, и отбитый скот был возвращен крестьянам (82, 275—279).

Известно также со слов самой Жанны и ее односельчан, что жители Домреми бежали однажды «из

страха перед бургундцами» в соседний город Невшато, за стенами которого они укрывались в течение двух недель. Вернувшись, они нашли дома разграбленными, а церковь сожженной. Этот эпизод биографы относят к лету 1428 г. {47} и связывают его с только что упоминавшейся осадой Вокулера.

Все эти факты необходимо, конечно, учитывать, говоря о возникновении замысла Жанны. Однако не следует преувеличивать их значения и тем более полагать, что какое-то событие сыграло здесь решающую роль. В этом убеждает нас вся история изучения «феномена Жанны», которая изобилует неудачными попытками обнаружить некий тайный импульс, ее «миссии».

Вот особенно поучительный в этом плане пример. В свое время С. Люс обратил внимание на слова Жанны о том, что она два или три раза исповедовалась перед нищенствующими монахами в Невшато (Т, I, 46). Дело происходило, по-видимому, летом 1428 г., когда жители Домремп бежали в этот город от бургундцев. Основываясь на этом беглом упоминании, а также на том, что в Невшато находился францисканский монастырь, Люс выстроил широкую концепцию, которая связывала замысел Жанны с традиционным соперничеством монашеских орденов: францисканцев, стоявших на стороне Карла Валуа, и доминиканцев, державшихся пробургундской ориентации. По его мнению, встреча Жанны с францисканцами имела поворотное значение в ее судьбе, а проповедь «меньших братьев» в пользу дофина «утвердила в ней веру в свою религиозную и патриотическую миссию» (82, СБХХ/Х). Гипотеза Люса не была принята последующими историками, которые справедливо отмечали ее умозрительный характер (69, 157 сл.). Но хотелось бы подчеркнуть в этой связи не просто ошибочность определенной точки зрения крупного ученого-специалиста, а несостоятельность лежащего в ее основе принципа. Поиски заветного «золотого ключика» к «тайне» Жанны д'Арк — занятие бесперспективное. Замысел Жанны возник не вдруг, он созревал постепенно под воздействием не только обстоятельств «ближнего порядка», непосредственных жизненных впечатлений и опыта юной крестьянки, но и общей обстановки во Франции.

Нет ничего более ошибочного, нежели представление, будто Жанна жила в «глухом углу» (63, 35), а политический кругозор ее земляков ограничивался видимой линией горизонта. Во-первых, родная деревня Жанны вовсе не была глухим углом: она стояла на оживленной дороге, и ее жители были хорошо осведомлены о том, что происходило {48} на белом свете. Во-вторых, само пограничное положение Вокулерского кастильянства усиливало у его обитателей сознание того, что они в отличие от своих ближайших соседей — лотарингцев и бургундцев — «природные французы», подданные французского короля. Во всяком случае политические симпатии и антипатии односельчан Жанны были выражены очень ясно.

На третьем публичном допросе, 24 февраля 1431 г., у Жанны спросили, были ли жители Домреми сторонниками бургундцев или же противной «партии» (т. е. «арманьяков»), и она ответила, что знала там только одного «бургундца». И с необычной для нее резкостью добавила: она хотела бы, чтобы ему отрубили голову, если на то будет воля господ (Т, I, 63).

Кстати сказать, этот единственный «бургундец» в Домреми — его звали Жерар д'Эпиналь — выступал спустя четверть века свидетелем на процессе реабилитации. Он вспоминал, как накануне ухода из Домреми Жанна ему сказала: «Если бы вы, кум, не держали сторону бургундцев, я бы вам кое о чем рассказала». «Я еще подумал, — заключил д'Эпиналь, — что речь идет о каком-то парне, за которого она собиралась замуж» (D, I, 279).

На том же допросе у Жанны спросили, чьими сторонниками были жители Максе — деревни, расположенной напротив Домреми на правом, лотарингском, берегу Мааса; она ответила, что те были «бургундцами».

Насколько глубоко проникла «политика» в сельский быт, видно из того, что даже драки деревенских мальчишек — и те приобретали «политическую окраску». «Спрошенная, участвовала ли она в драках детей за англичан и французов, отвечала, что, насколько помнит, нет. Но она видела, как некоторые ее односельчане дрались с жителями Максе и иногда возвращались сильно побитые и в крови» (Т, I, 64).

Как видим, сама та среда, в которой происходило формирование личности Жанны, способствовала раннему пробуждению у нее патриотического чувства. «Спрошенная, испытывала ли она в юности желание преследовать бургундцев, отвечала, что ей очень хотелось, чтобы [французский] король владел своим королевством» (Т, I, 64).

В этом своем желании она еще «такая, как все»; здесь она выражает настроения основной массы французского {49} крестьянства, видевшего в национальном государе не только законного правителя страны, но и защитника от многочисленных «недругов королевства» (и самого крестьянства) — иноземных захватчиков, мятежной знати и разбойного рыцарства. Жанна перестает быть «такой, как все», когда от желания, «чтобы король владел своим королевством», переходит к намерению «спасти королевство Французское».

Известно, что эта патриотическая миссия осознавалась самой Жанной как исполнение божественной воли. И здесь мы переходим к важнейшему субъективно-психологическому аспекту «феномена Жанна д'Арк» — ее «голосам и видениям».

Из протокола второго публичного допроса 22 февраля 1431 г.: «... Далее она призналась, что ей было тринадцать лет, когда она [впервые] имела откровение от господ нашего посредством голоса, который наставлял ее, как ей следует себя вести. В первый раз она сильно испугалась. Этот голос раздался в полдень, летом, когда она была в саду; в тот день она постилась; голос шел справа, со

стороны церкви. Он сопровождался светом, который исходил с той же стороны. Редко бывало так, чтобы, слыша голос, она не видела бы света, обычно очень яркого. Когда она пришла во Францию, она часто слышала этот голос. . . Он показался ей благородным, и она считает, что он исходит от бога, а услышав его трижды, поняла, что то был голос ангела. Она сказала также, что этот голос всегда охранял ее и она его хорошо понимала» (Т, I, 47, 48).

Таковы первые показания Жанны, относящиеся к предмету, который находился в центре внимания руан-ских судей на протяжении всего процесса. Сначала Жанна говорила о «голосе», «голосах» и «совете», и только на четвертом допросе 27 февраля она впервые упомянула, что ей «являлись» архангел Михаил и две святые девы — Екатерина и Маргарита.

Инквизиционный трибунал возвращался к «голосам и видениям» подсудимой на каждом допросе. Ни о чем другом ее не допрашивали с такой придирчивой мелочностью и с таким ревностным крючкотворством. Здесь решительно ничего не упускалось из виду. Кто из святых {50} явился ей первым? Как она узнала в нем архангела Михаила? Как она отличала святую Екатерину от святой Маргариты? Какие на них были одежды? Как они говорили — вместе или порознь? И на каком языке?

Девушке, которая была совершенно несведуща в богословии, задавали очень трудные и откровенно провокационные вопросы. У нее спрашивали, например, имеют ли архангелы Михаил и Гавриил «натуральные» головы; полагает ли она, что бог создал святых такими, какими она их видела, и т. д. Цель заключалась в том, чтобы доказать, что «голоса и видения» — не что иное, как дьявольское наваждение.

На некоторые вопросы Жанна категорически отказывалась отвечать. На другие отвечала с поразительной находчивостью.

«Спрошенная, как могли говорить с ней святые, если они не имеют органов речи, отвечала: „Я оставляю это на усмотрение господина. Их голос был красив, мягок и звучал по-французски“».

«Спрошенная: „А разве святая Маргарита не говорит по-английски?“ — отвечала: „Как она могла бы говорить по-английски, если не стоит на стороне англичан?“»

«Спрошенная, предстал ли святой Михаил перед ней нагим, отвечала: „Неужели вы думаете, что богу не во что его одеть?“»

«Спрошенная, имел ли он волосы, отвечала: „А с чего бы ему быть стриженным?“» (Т, I, 84, 87).

Обычно же она отвечала прямо и просто. Да, она слышала «голоса». Слышала так же отчетливо, как слышит сейчас голос судьи. «Спрошенная [на третьем допросе 24 февраля], что ей сказал вчера утром голос, когда он ее разбудил, отвечала, что она сама спросила у пего совета, как ей следует отвечать [судьям], и голос ей сказал, чтобы она отвечала смело, и бог ей поможет» (Т, I, 59). Да, она видела святых. «Я видела их собственными глазами так же, как вижу вас» (Т, I, 74). Первым ей явился архангел Михаил; он предстал перед ней в виде истинного воина; его сопровождали ангелы. Иногда ей являлся архангел Гавриил, но реже, чем Михаил. Чаще же всего она общалась со святыми Екатериной и Маргаритой; об их появлении ее предупредил святой Михаил. Она разговаривала с ними, вдыхала исходивший от них аромат, обнимала их («спрошенная, {51} как она их обнимала, снизу или сверху, отвечала, что много удобней обнимать их снизу, чем сверху», — Т, I, 177), целовала землю, по которой они ступали. Когда они уходили, она плакала и просила взять ее с собой.

Жанне было тринадцать лет, когда она впервые услышала «голос». В последний раз ее святые говорили с пей после того, как судьям удалось вырвать у нее слова отречения. «Спрошенная, слышала ли она после этого голоса святой Екатерины и Маргариты, отвечала, что да. Спрошенная, что они ей сказали, ответила, что бог сильно скорбит из-за того предательства, которое она, Жанна, совершила, согласившись отречься, чтобы спасти свою жизнь, и что она проклинает себя за это» (Т, I, 397).

О «голосах и видениях» Жанны существует большая литература. Высказывались самые разные точки зрения — начиная с официальной концепции католической церкви о божественном источнике «откровений» святой Жанны д'Арк (в 1920 г. Жанна, как известно, была канонизирована) и кончая утверждением, что бедную девочку просто-напросто дурачили: некие сторонницы французов, переодевшись святыми Екатериной и Маргаритой, приходили в Домреми и внушали Жанне планы спасения Франции (57, 252). Обычно же говорят о галлюцинациях; эта точка зрения наиболее обстоятельно изложена в книгах А. Франса, М. Эбера, Ж. Кордье и Э. Люсай-Смита (54, т. I, XXXIII сл.; 65, 9 сл.; 41, 71 сл.; 83, 15-17). Действительно, все, что нам известно о «голосах и видениях» Жанны, как будто полностью соответствует классической картине галлюцинаций. Однако, взятое само по себе, вне исторического контекста, это определение мало что объясняет в феномене Жанны и может лишь внушить совершенно ложное представление о ее личности. Для современного человека галлюцинации связаны с расстройством сознания, патологическими отклонениями от психической нормы. Но подходить с современными понятиями о норме и патологии к средневековому человеку, чувства которого, по известным словам. Ф. Энгельса, «вскармливались исключительно религиозной пищей» (2, 314), значит заведомо закрыть себе путь к пониманию его внутреннего мира.

Проблема «голосов и видений» Жанны — проблема прежде всего историческая. Здесь мы имеем дело с характерным {52} для средневекового мировосприятия явлением визионерства, которое «определялось особым отношением к действительности, — в последнюю наряду с материальным входило и сверхъестественное, чудесное» (6, 110; 51, 6', 27). Средневековье изобиловало разного рода видениями, и визионерское воображение воспринималось не как аномалия, а как естественное явление (6, 113; 51, 30). Современники Жанны расходились во взглядах на источник ее видений — исходят ли они от бога или от дьявола, но мало кто сомневался в их реальности. Когда Жанна пришла в Вокулер к

Роберу до Бодрикуру и заявила, что намерена снять осаду с Орлеана и короновать дофина, то и сам Бодрикур, и его люди сочли поначалу эти речи плодом безумной фантазии, но не потому, что она ссылались на «голоса и видения», а потому, что слишком уж невероятным показался им самый этот замысел.

Еще в начале нашего века известный французский психиатр Жорж Дюма, ученик прославленного Шарко, произвел тщательную экспертизу всего комплекса свидетельств, относящихся к «голосам и видениям» Жанны. По его мнению, в ее поведении заметны исторические черты, говорящие о повышенной эмоциональной возбудимости. «Но если истерия и оказывала свое воздействие, то лишь для того, чтобы позволить ее самым сокровенным чувствам объективизироваться в форме видений и небесных голосов. . . Она укрепила в ней веру в свою миссию, однако но интеллекту и волевым качествам Жанна является вполне здоровым существом, и вряд ли невропатология способна даже в слабой степени осветить хотя бы частицу этой души» (54, т. II, 464). Главный интерес для историка и представляют как раз те сокровенные чувства Жанны, которые объективизировались в форме видений.

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но собственно мистический элемент был выражен в видениях Жанны относительно слабо. В этом можно убедиться, сравнивая ее показания с описанием видений у ее современников или почти современников — знаменитых мистиков и визионеров XIV—XV вв. (святых Екатерины Сиенской, Бригитты Шведской, Колетты из Корби, Винсента Ферье). Жанне не являлись ни Христос, ни Дта Мария. Воображение не рисовало ей ни сцен страстей {53} господних (очень распространенный мотив — особенно в позднее средневековье), ни картин адских мук и райского блаженства. Небезынтересно заметить, что самому «стилю общения» Жанны с ее святыми не была присуща экзальтированная чувственность, столь характерная для мистицизма в пору «осени средневековья» (68, 231).

В сознании Жанны с «голосами и видениями» связывались прежде всего мысли о спасении Франции и представление о своей роли спасительницы страны. Из ее показаний мы узнаем, что о бедственном положении Французского королевства ей рассказал ангел, а святой Михаил ее наставлял, что она должна пойти па помощь королю (Т, I, 163). «Она верила речам святого Михаила так же твердо, как верит в то, что господь наш Иисус Христос принял муки и смерть ради нас» (Т, I, 165). «Спрошенная, говорил ли ей в юности голос, чтобы она ненавидела бургуидцев, отвечала, что как только она поняла, что голоса — на стороне французского короля, она не любила бургуидцев» (Т, I, 63). Заметим, кстати, с какой легкостью она обходит здесь ловушку. Инквизиторы предлагают ей готовую формулу: «чтобы ненавидела»; они-то прекрасно знают, что слова «ненависть» не должно быть в лексиконе христианина. Но она говорит: не любила. . .

Ситуация повторилась на одном из последних допросов, когда у нее спросили, ненавидят ли англичан святые Екатерина и Маргарита. Она ответила: они любят то, что любит бог, и ненавидят то, что ненавидит он. Немедленно последовало: ненавидит ли бог англичан? И тогда она произнесла знаменитые слова: «Я ничего не знаю о любви или ненависти бога к англичанам, как и о том, что он сделает с их душами. Но я твердо знаю, что они будут изгнаны из Франции, кроме тех, кто здесь погибнет, и что бог пошлет французам победу над англичанами» (Т, I, 169).

Почему Жанне «являлся» именно архангел Михаил? Чем ей были особенно близки святые Екатерина и Маргарита? Ответы на эти вопросы весьма существенны для понимания ее внутреннего мира. Простые ссылки на популярность этих святых в народной среде недостаточны: с каждым из названных персонажей Жанну связывали какие-то особые отношения, за каждым из них стояли {54} какие-то стороны ее деятельности, обстоятельства жизни и личные качества.

Легче всего «прочитывается» образ святого Михаила: в конце XIV—первой половине XV в. архангел Михаил, издавна очень почитаемый во Франции (4), стал покровителем династии Валуа, главным французским «национальным» святым (82, *LXXXIX сл.*), оттеснив прежнего патрона Франции — святого Дионисия. (У Жанны, кстати, как-то спросили, не является ли ей святой Дионисий; она ответила, что, насколько знает, нет. — Т, I, 122). В народном представлении предводитель небесного воинства сражался на стороне Франции против англичан: его заступничеством объясняли, в частности, успешную оборону знаменитого монастыря Мон-Сен-Мишель (Горы святого Михаила) в Нормандии (55; 82, *SUШ*). Он как бы символизировал «национальное начало» и дух сопротивления. Необходимо также учитывать и широкое распространение его культа на родине Жанны: через Дом-реми проходила дорога, которая вела к популярному центру паломничества — аббатству Сен-Мишель в Лотарингии (Т, II, 72).

Святая Екатерина считалась покровительницей девушек. Ее культ получил во Франции в это время необычайную популярность: почти в каждой церкви можно было видеть статую юной девушки, почти ребенка, держащую атрибуты своего мученичества: зубчатое колесо и меч (35, т. II, 372). Кроме того, в жизни Жанны можно обнаружить ряд пересечений с культом святой Екатерины: так звали ее рано умершую сестру, которую она очень любила (сохранилось семейное предание о том, что, уходя «во Францию», Жанна просила свою кузину, если у той родится дочь, назвать ее Екатериной в память о сестре — 50, т. I, 428); свой знаменитый меч она нашла в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа; наконец, после того как она успешно выдержала трехнедельный «экзамен» перед комиссией теологов и юристов в Пуатье (см. ниже, с. 124), ее саму начали сравнивать со святой Екатериной, легендарное житие которой рассказывало о победе юной девы в диспуте с философами.

До сих пор не было объяснено, почему Жанне «являлась» святая Маргарита (обычно вместе со святой Екатериной, но реже, чем та). Об этом у нас речь впереди. {55}

О своих «голосах» Жанна не говорила никому — ни отцу с матерью, ни священнику. А слышала

она их все чаще. . .

«Спрошенная, давал ли ей голос наставления о спасении души, ответила, что он учил ее хорошо себя вести и посещать церковь. И еще голос сказал ей, что необходимо, чтобы она, Жанна, пошла во Францию. . . Затем она созналась, что сей голос говорил ей два, а то и три раза в неделю, что нужно, чтобы она, Жанна, ушла и направилась во Францию и чтобы отец ничего не знал об ее уходе.

Она сказала также, что голос ей говорил, что она должна идти во Францию, и она уже больше не могла оставаться дома, а голос ей говорил, что она должна спать осаду с Орлеана».

Жанна пытается спорить со своим «голосом»: «. . .она отвечала ему, что она всего лишь бедная девушка, которая не умеет ездить верхом и не знает, как вести войну»,

«Затем она сказала, что голос сказал ей, чтобы она, Жанна, пошла в крепость Вокулер, к капитану Роберу де Бодрикуру, и тот даст ей людей, которые пойдут вместе с ней» (Т, I, 48).

И Жанна уходит в Вокулер. {56}

ВОКУЛЕР: ЖАННА И РОБЕР ДЕ БОДРИКУР

Когда и при каких обстоятельствах произошла первая встреча Жанны с Робером де Бодрикуром? Вопрос первостепенной важности: от ответа на него во многом зависит наше представление о Жанне в тот момент, когда она впервые появилась в поле зрения «большой истории». Именно с этой встречи начинают свое повествование о Деве наиболее осведомленные хронисты. Именно тогда юная крестьянка — дотоле «такая, как все», «такая, как другие», — вышла из исторического небытия. Здесь кончается история Жаннеты из Домреми и начинается история Жанны д'Арк.

А между тем эта встреча является одним из неясных эпизодов в биографии Жанны. Некоторые историки высказывают сомнения в правильности ее общеприпятой даты; нет также и единого мнения относительно той роли, которую сыграл в судьбе Жанны Робер де Бодрикур. Одни считают, что Жанне удалось осуществить свой алан вопреки Бодрикуру, другие, напротив, приписывают коменданту Вокулера самый замысел использовать новоявленную «посланицу неба» в политических целях.

В исторической литературе очень давно и прочно утвердилась точка зрения, согласно которой Жанна приходила в Вокулер дважды, причем оба раза ее сопровождал некий Дюран Лассар (или Лассуа), который состоял с ней в свойстве и жил в деревне Бюрей-Ле-Пти, вблизи Вокулера.

Приверженцы этой точки зрения утверждают, что Жанна впервые предстала перед комендантом Вокулера еще весной 1428 г. (предположительно в мае), т. е. чуть ли не за полгода до осады Орлеана. Когда она заявила Бодрикуру, что ее избрал господь для спасения Франции, он расхохотался и приказал Лассару отвести девочку {57} домой, наградив доброй оплеухой. Жанна вернулась в Домреми.

Она снова пришла в Вокулер через несколько месяцев, уже зимой, в январе или феврале 1429 г. Ее ждал у Бодрикура такой же прием, что и в первый раз, но она осталась в Вокулере и в конце концов добилась своего: комендант дал ей провожатых и она отправилась к дофину...

Такова общая схема событий в том виде, в каком установил их еще в XVII в. Эдуард Рише, автор первой биографии Жанны д'Арк, основанной на материалах обоих процессов. Сочинение Рише почти три века пролежало в рукописи (оно было опубликовано только в 1911 г.), однако его широко использовал аббат Лангле-Дюфернуа в своей «Истории Жанны д'Арк» (1753 г.), благодаря чему наблюдения Рише относительно даты первого прихода Жанны в Вокулер прочно вошли в научный оборот. Эту дату — май 1428 г. — приняли все авторы наиболее значительных жизнеописаний Жанны в XIX—начале XX в. (Ж. Кишера, Ж. Мишле, А. Мартен, А. Валлон, С. Люс, А. Дюнан, А. Франс, Э. Лэпг, Г. Аното). Эту же точку зрения разделяет и большинство новейших биографов Жанны, в том числе такие авторитетные специалисты, как Р. Перну и А. Боссюа. Перу последнего принадлежит книга о Жанне д'Арк, вышедшая в серии «Что я знаю?», издаваемой Парижским университетом (1968 г.); книги этой серии пользуются во Франции репутацией «канонических».

В обстановке столь полного единства взглядов остались, по существу, незамеченными осторожные сомнения в правильности общепринятой датировки, которые высказал мимоходом в статье, написанной по другому поводу де Буамармен (1892 г.). Не поколебала традиционную точку зрения и более развернутая аргументация, содержащаяся в книге Жака Кордье (41, 575—375; 11, 185). Наконец, недавно П. Тиссе, резюмировавший современное состояние этого вопроса в большом примечании к соответствующему месту протокола Руанского процесса (1971 г.), тоже присоединился к мнению скептиков, но воздержался от окончательных выводов (Т, II, 49).

Попытаемся составить собственное представление об этом переломном событии в жизни Жанны д'Арк на основе всего комплекса источников. {58}

Здесь довольно быстро выясняется следующее: господствующая в литературе версия о том, что Жанна приходила в Вокулер дважды (первый раз в мае 1428 г., а второй — в начале 1429г.), основывается на одном-единственном свидетельстве, в котором названы обе эти даты. Свидетельство,

правда, очень авторитетное. Оно принадлежит Бертрану де Пуланжи — местному дворянину, который в интересующее нас время состоял на службе у коменданта Вокулера. Пуланжи, по его словам, присутствовал при первой встрече Жанны с Бодрикуром, а спустя несколько месяцев вместе со своим товарищем Жаном из Меца сопровождал Жанну в Шпион к дофину. Через четверть века, 6 февраля 1456 г., 60-летний Пуланжи, названный в протоколе процесса реабилитации Жанны конюшим королевских конюшен, дал следующие показания перед следственной комиссией: «Жанна-Дева пришла в Вокулер, как мне кажется, незадолго до дня вознесения господина (в 1428 г. этот праздник приходился на 13 мая. — *B. P.*), и я видел, как она говорила с Робером де Бодрикуром, который был тогда капитаном названного города. Она ему сказала, что явилась к нему, Ро-беру, от своего господина, дабы передать дофину, чтобы он крепко держался и не воевал с врагами, ибо ее господин пошлет ему помощь не позднее середины великого поста (10 марта 1429 г. — *B. P.*). Жанна говорила также, что королевство принадлежит не дофину, по ее господину: однако же господин ее желает, чтобы дофин стал королем и владел [королевством]. Она сказала, что наперекор недругам дофин станет королем и она сама поведет его к миропомозанию. Названный Робер спросил у нее, кто ее господин, и она ответила: „Царь небесный“».

«Сказав это, — продолжает Пулажи, обойдя молчанием реакцию Бодрикура на слова Жанны, — она вернулась в отчий дом вместе со своим дядей Дюраном Лас-саром из Бюрей-Ле-Пти. Потом в начале великого поста (6 февраля 1429 г. — *B. P.*) Жанна снова пришла в Вокулер, прося, чтобы ей дали провожатых к дофину, и, видя это, мы с Жапом из Меца предложили провести ее к королю, в то время дофину» (*D, I, 306—307*). Далее следует рассказ о сборах в дорогу, поездке к герцогу Лотарингскому, путешествии в Шинон. {59}

Большинство биографов Жанны отнеслось к свидетельству Пуланжи с полным доверием. К этому располагала прежде всего сама личность очевидца первой встречи Жанны с комендантом Вокулера: Бертран де Пуланжи был человеком, хорошо осведомленным, обладавшим, по-видимому, превосходной памятью, которая позволила ему воспроизвести спустя четверть века разговор Бодрикура с Жанной с почти стенографической точностью. Последнему, впрочем, не приходится удивляться: встреча с Жанной была самым ярким событием в жизни Пулажи, и он, конечно же, множество раз о ней рассказывал.

Доверие к показаниям Пуланжи простиралось настолько далеко, что даже обычно скептический Анатоль Франс — и тот целиком основывался на этом свидетельстве. Более того, Франс увидел в нем доказательство своей концепции, согласно которой Жанна была послушным орудием в руках местного духовенства, стоявшего на стороне дофина. Основание для такого вывода давали, по мнению А. Франса, слова Жаины о том, что королевство принадлежит не королю, по богу, а также термин «комменда», который она якобы при этом употребила. Подчеркнув, что этот термин заимствован из канонического права, где он обозначал временное владение имуществом или должностью, Франс заключил: «Она не сумела бы сама найти ни этого слова, ни этой мысли: ясно, что ее научил кто-то из церковников, след которого навсегда утерян» (*54, I, 87*).

Франсу резонно возражал английский историк Э. Лэпг. Мысль о том, что короли являются вассалами бога, была во времена Жанны д'Арк до такой степени банальной, настолько широко распространена во всех слоях общества, что нет никакой нужды искать здесь таинственного суфлера. Жанна постоянно слышала эти идеи на проповедях, и даже легенда на монетах того времени провозглашала: «Христос царствует, Христос правит» (*72, 67*).

Добавим к этой аргументации, что незачем прибегать к ответственным гипотетическим построениям и для того, чтобы объяснить появление в рассказе Пуланжи термина «комменда». Дело в том, что свидетельство Пуланжи дошло до нас не во французском оригинале, а в переводе на латынь, который сделал секретарь следственной комиссии {60} Доминик Домниси — потарий епархиальной курии (суда) Туля. Будучи юристом-клириком, он, естественно, оперировал при переводе терминами и понятиями из близкой ему области канонического права. Так появилась в рассказе Пуланжи смутившая Франса «комменда», и Жанна заговорила на совершенно чуждом ей языке образованного клирика.

Впрочем, не в этих частностях заключена загадка первой встречи Жанны с Робером де Бодрикуром в той классической версии этого эпизода, которую нам оставил Бертран де Пуланжи. Здесь непонятно главное: зачем вообще приходила Жанна в Вокулер весной 1428 г.? По словам Пуланжи, для того лишь, чтобы передать дофину: пусть держится крепко и не предпринимает активных военных действий, господь пошлет ему помощь не позднее середины великого поста... Но нельзя не заметить (и это уже отмечалось в литературе), что в таком случае она выбрала для объявления своей миссии самый неподходящий момент. Весной 1428 г. дофин менее, чем когда-либо, нуждался и в моральной поддержке, и в помощи «свыше»: как раз предыдущей осенью, в сентябре 1427 г., французы наконец-то добились значительного успеха. Они разбили англичан под стенами Мон-таржи и заставили их снять осаду города. После этого военные действия, по существу, прекратились, а до Орлеана было еще далеко...

В рассказе Пуланжи Жанна предстает перед комендантом Вокулера как пророчица, чьи советы, предостережения и предсказания носят самый общий и неопределенный характер, оторваны от реальной ситуации и ориентированы на неблизкое будущее. Она не просит у Бодрикура помощи, не добивается немедленной встречи с дофином и сама намерена действовать не ранее, чем через год. Приняв дату прихода Жанны в Вокулер, названную Пуланжи, мы тем самым принимаем и определенную концепцию ее личности.

Однако такое представление о Жанне находится в резительном противоречии со всем тем, что мы

знаем о ней из множества других источников. Многочисленные исследования с полной очевидностью показали, как глубоко заблуждался А. Франс, видевший в Жанне «бедную галлюцинантку», которая жила в мире собственных иллюзий и грез, принимая советы руководящих ею церковников {61} за волю бога. Напротив, одним из самых примечательных свойств ее личности было чувство реальности, которое ей никогда не изменяло. Как бы ни была она мистически настроена и глубоко убеждена в том, что действует по велению бога и святых, она всегда, при любых обстоятельствах, соразмеряла свои действия с условиями места и времени, и все ее поведение неизменно отличалось практической целесообразностью.

Явиться к коменданту Вокулера — для Жанны значило сделать самый решительный шаг в своей жизни. И для чего? Для того, чтобы объявить о своей грядущей миссии? Этот поступок плохо совмещается с достоверным психологическим обликом Жанны.

Нет оснований подвергать сомнению самый факт присутствия Пуланжи при первой встрече Жанны с Бодрикуром. Нет также причин думать, что он исказил содержание их разговора. Сомнение — пока что психологического порядка — вызывает названная им дата (май 1428 г.), а также упоминание о том, что Жанна после этого вернулась в Домреми.

Встанем теперь на точку зрения тех биографов, которые полагают, что в показаниях Пуланжи фигурирует неверная дата и что описанная им сцена происходила в действительности не в мае, а значительно позже, в конце 1428—начале 1429 г., т. е. уже после того как англичане осадили Орлеан. В этом случае все поведение Жанны предстает в совершенно ином свете. Становится понятным, почему она просит передать дофину, чтобы он «хорошо держался» и «не вел войны со своими недругами»: не нужно рисковать до того, как ему поможет сам господь. И наконец, середина великого поста — это уже не далекая загадочная вежа, но реальный и близкий срок. Иначе говоря, смутное предсказание превращается в ясный замысел.

Такая точка зрения вовсе не осовременивает Жанну и нисколько не умаляет той важной роли, которую играло в ее поведении при встрече с Бодрикуром религиозное самосознание. Просто высказывается предположение, что, придя впервые к Бодрикуру в качестве «божьей посланницы», Жанна уже знала об осаде Орлеана и знала, как ей надлежит действовать. Ее первый шаг был и окончательным шагом: в Домреми она больше не вернулась. .. {62}

Проверим это предположение по другим материалам.

Бертран де Пуланжи давал показания перед следственной комиссией 6 февраля 1456 г. А неделей раньше, 31 января, комиссия допросила в Вокулере другого свидетеля первой встречи Жанны с Бодрикуром. То был семидесятилетний Дюран Лассар, крестьянин из Бюрей-Ле-Пти, — первый, кому Жанна открыла свой замысел и кто проводил ее в Вокулер. Он приходился ей свойственником, был мужем ее двоюродной сестры, тоже Жанны, но она называла его дядей, потому что он намного ее старше.

На следствии он показал: «Я сам пошел за Жанной в дом ее отца и привел к себе. Она заявила мне, что хочет отправиться во Францию, к дофину, чтобы короновать его, говоря: „Разве не было предсказано, что Францию погубит женщина, а спасет дева?“ Она просила меня пойти [с ней] к Роберу де Бодрикуру, чтобы тот приказал проводить ее туда, где находится дофин. Сей Робер сказал мне, повторив несколько раз, чтобы я отвел ее домой, к отцу и дал оплеуху. И, когда Дева увидела, что сей Робер не желает дать ей провожатых, она взяла мою одежду и сказала, что хочет уйти. И она ушла, и я отвел ее в Вокулер. А потом она отправилась оттуда с охранной грамотой к сеньору Карлу, герцогу Лотарингскому. Когда названный герцог ее увидел, он говорил с ней и дал ей четыре франка, каковые она сама мне доказала. А когда названная Жанна вернулась в Вокулер, то жители этого города купили ей мужскую одежду, обувь и все необходимое. Мы с Жаком Аденом из Вокулера купили ей лошадь за двенадцать франков из моих собственных денег; позже, впрочем, Робер де Бодрикур распорядился их возместить. После этого Жан из Меца, Бертран де Пуланжи, Коле де Вьенн, лучник по имени Ришар с двумя слугами Жана из Меца и Бертрана проводили Жанну туда, где находился дофин.

Больше мне ничего не известно, кроме того, что я видел ее в Реймсе на коронации короля» (D, I, 296).

Как видим, показания Дюрана Лассара существенно расходятся с версией Бертрана де Пуланжи: в них ничего не говорится ни о том, что Жанна приходила в Вокулер дважды, ни о том, что она вернулась домой после первой неудачной попытки. Судя по свидетельству Лассара, {63} который был осведомлен об этом эпизоде лучше, чем кто-либо другой, Жанна ушла из Домреми раз и навсегда. И хотя никаких дат Лассар не называет, ясно, что он относит это событие к зиме 1428/29 г.: поездка Жанны к герцогу Лотарингскому бесспорно датируется февралем 1429 г.

В рассказе «дядюшки» Жанны есть одна загадочная фраза. «Она ушла, и я отвел ее в Вокулер», — вспоминает Дюран о том, что последовало за встречей Жанны с Бодрикуром. Но ведь сама эта встреча и происходила в Вокулере; куда же, спрашивается, отвел Дюран свою племянницу?»

На эту явную несообразность обратил внимание еще Ж. Кишера, готовя в середине прошлого века издание материалов процесса реабилитации Жанны. Он объяснил ее ошибкой свидетеля или писца и предложил вместо «Вокулер» читать «Сен-Никола», имея в виду Сен-Никола-де-Пор, близ Нанси (Q, II, 447). Это был популярный центр паломничества; там находился храм св. Николая Мирликийского, покровителя путешественников и моряков. Основанием для такого предположения послужили слова Бертрана де Пуланжи о том, что, направляясь в Нанси, куда ее пригласил Карл Лотарингский, Жанна посетила Сен-Никола.

Гипотеза Кишера была принята последующими биографами Жанны с той, однако, оговоркой, что некоторые предпочитали говорить не о Сен-Никола-де-Пор, но о Сен-Никола-де-Сетфон, деревушке

по соседству с Вокулером. Сторонники этой версии ссылаются на показания Екатерины Ле Ройе из Вокулера, в доме которой Жанна жила в начале 1429 г. около трех недель. По ее словам, Жанна, отчаявшись получить помощь от Бодрикура, попыталась добраться до дофина самостоятельно. Дюран Лассар и некий Жак Ален (о нем, кстати сказать, упоминает и Лассар) довели ее до Сен-Никола, откуда все трое вернулись, потому что Жанна (раздумала идти дальше, заявив, что так поступать не годится).

В литературе высказывалось также мнение, что показания Бертрана де Пуланжи и Екатерины Ле Ройе в этом пункте вовсе не противоречат друг другу, а просто-напросто относятся к разным фактам. Жанна ходила на богомолье в Сен-Никола-де-Пор и, задумав идти «во Францию», повернула назад, дойдя лишь до Сен-Никола-^{64}де-Сотфон (50, т. I, 483). Эта версия представляется наиболее правдоподобной. В самом деле, оба свидетеля говорили независимо друг от друга, и нет решительно никаких оснований сомневаться здесь в достоверности сообщаемых ими сведений. Что могло быть более естественным для Жанны, чем, направляясь в Нанси, посетить храм Николая Мирликийского, находящийся всего лишь в двух лье (около восьми километров) от резиденции герцога Лотарингского? Ведь она сама готовилась к долгому пути. С другой стороны, рассказ Екатерины Ле Ройе о попытке Жанны самостоятельно предпринять путешествие в Шинон, к дофину, также заслуживает полного доверия, хотя он и является единственным упоминанием об этом эпизоде. В самом деле, с какой стати свидетельница стала бы выдумывать этот факт, называя имя другого свидетеля, Дюрана Лассара, который мог бы без труда подтвердить или опровергнуть ее показания?¹

Но это еще вовсе не значит, что нам следует принять конъектуру Кишера (кстати сказать, единственную в рукописи материалов расследования 1455/56 г., содержащей 136 свидетельских показаний и насчитывающей 207 листов *in folio*) и читать «Сен-Никола» вместо «Вокулер». Нет ничего легче, чем объяснить неясный текст ошибкой свидетеля или писца; однако сделать это можно, когда ошибка очевидна либо когда другие объяснения неприемлемы. В данном же случае не наблюдается ни того, ни другого. Здесь, на наш взгляд, произошло недоразумение из-за того, что в рассказе Лассара оказалось опущенным одно логическое звено.

Перечитаем еще раз: «Сей Робер сказал мне, повторив несколько раз, чтобы я отвел ее домой, к отцу, и дал оплеуху. И, когда Дева увидела, что сей Робер не желает дать ей провожатых, она взяла мою одежду и сказала, что хочет уйти. И она ушла, и я отвел ее в Вокулер. А потом она отправилась оттуда с охранной грамотой к сеньору Карлу, герцогу Лотарингскому». {65}

А теперь зададим вопрос: где и когда Лассар отдал Жанне свою одежду? Неужели прямо в резиденции Бодрикура, вокулерском замке, сразу после разговора с капитаном? Более чем сомнительно. Очевидно, Лассар и Жанна вернулись в Бюрей-Ле-Пти, в дом Лассара (это совсем рядом с Вокулером, всего в трех километрах, получасе ходьбы), там Жанна взяла мужскую одежду, и Дюран снова отвел ее в Вокулер. Вот эту подробность (возвращение в Бюрей) Лассар и опустил как само собой разумеющуюся. Он вообще был немногословен и, зная много больше других, дал очень краткие показания.

Если в мае 1428 г. Жанна действительно приходила к Бодрикуру, а потом вернулась домой, то об этом рано или поздно должны были узнать ее родные и односельчане. С того момента, когда она объявила коменданту Вокулера о своей миссии, ее «секрет» становился всеобщим достоянием. Ни у самого мессира Робера, ей у его людей не было решительно никаких причин держать в тайне визит новоявленной «посланицы неба». Более того, Бодрикур был просто-напросто обязан уведомить об этом церковные власти (что он и сделал, когда Жанна пришла к нему в начале 1429 г.), и слухи о столь необычном происшествии разнеслись бы по всей округе так же широко и быстро, как это произошло спустя полгода. Во всяком случае это событие непременно оставило бы какой-либо след в показаниях тех двадцати четырех жителей Домреми, чьи свидетельства дошли до нас в материалах процесса реабилитации.

Но никаких следов там нет. Никто из односельчан Жанны — ни ее сверстник и сосед Симонен Мюнье, ни ее крестный отец Жан Моро, ни ее крестные матери Беатриса д'Эстелен, Жаннета Ройе и Жаннета де Вито — ни единым словом не обмолвился о свидании Жанны с Бодрикуром весной 1428 г. и о возвращении домой после первой неудачной попытки. Ничего не знала об этом и ее близкая подруга Овлетта; для нее уход Жанны из Домреми был полной неожиданностью. «Я не знала, когда Жанна ушла отсюда, и много плакала, потому что была ее подругой и очень ее любила» (D, I, 276). С другой своей подругой Манжеттой Жанна попрощалась перед уходом в Вокулер, но и той также не было известно ни о возвращении домой, ни о повторном уходе. {66}

Крестьянин Мишель Лебуен, сверстник Жашги и уроженец Домреми, живший в 1456 г. в соседней деревне Бюрей, вспомнил, правда, о том, что однажды, накануне Иванова дня (24 июня 1428 г.), он встретил Жанну, и она ему сказала: живет в их местах некая дева, которая через год коронует французского короля; и год спустя король был коронован в Реймсе (D, I, 293). На это свидетельство ссылаются обычно сторонники версии о том, что первая встреча Жанны с Бодрикуром произошла в мае 1428 г.

Но показание Лебуена не дает оснований для такого вывода. Если даже мы и не имеем здесь дела с

¹ Здесь нужно иметь в виду, что следственная комиссия допрашивала обоих свидетелей в одни и тот же день, причем Екатерина давала показание сразу же после Дюрана. Они хорошо знали друг друга, и, конечно, каждому было известно, что рассказал другой.

ретроспективным взглядом на события четвертьвековой давности (что вполне возможно) и свидетель не измыслил разговор с Жанной задним числом под впечатлением от коронации дофина, его рассказ говорит лишь об одном: летом 1428 г. у Жанны уже существовал замысел коронации. Ничего большего из слов Лебуена извлечь невозможно. Жанна сама говорила, что такой замысел возник у нее давно. Так что в этом плане свидетельство Мишеля Лебуена не содержит ничего нового.

Известно, что Жанна ушла из дому втайне от родителей. На это обстоятельство особенно напирали руан-ские судьи, ставя в вину Жанне нарушение заповеди дочернего послушания. Жанна объясняла свой тайный уход тем, что «голос» запретил ей говорить об этом отцу; она боялась, что отец помешает ей уйти; она слушалась родителей во всем, кроме ухода, но потом она им обо всем написала, и они ее простили (Т, I, 48, 124, 125). Отец, правда, что-то предчувствовал. Мать Жанны рассказывала ей, что отцу как-то приснилось, будто его дочь ушла с солдатами, и он сказал ее братьям: «Если это и вправду случится, вы должны ее утопить, а если вы этого не сделаете, то я утоплю ее сам». «И ее отец и мать почти потеряли рассудок, когда она ушла из дому, чтобы направиться в Вокулер» (Т, I, 127). Реакция родителей Жанны, для которых ее уход был такой же неожиданностью, как и для соседей, свидетельствует о том, что Жапша оставила отчий дом раз и навсегда.

Допрашивая Жанну об уходе из Домреми, судьи явно имели в виду событие, которое произошло единожды. Они ничего не знали ни о возвращении домой после первой неудачи, ни о повторном уходе. Иначе они не преминули бы обвинить Жанну в том, что она преступила заповедь дочернего послушания дважды. А между тем они были очень хорошо осведомлены о жизни Жанны в родной деревне. Еще до суда, в ходе предварительного следствия, специальные уполномоченные инквизиционного трибунала произвели весьма тщательное расследование в Домреми и соседних приходах. И поэтому судьям были известны даже такие детали, как «вещий сон» Жака д'Арка (Жанна, давая показания об этом эпизоде, отвечала па прямо поставленный вопрос: что приснилось, как говорили, ее отцу перед тем, как она ушла из дома?),

Как видим, пока ничто не подтверждает версию Бертрана де Пуланжи. Но мы еще не выслушали саму Жанну. Мы сознательно оставили ее рассказ о встрече с Бодрикуром напоследок, так как он может быть лучше понят в свете уже известных читателю фактов и умозаключений.

В четверг 22 февраля 1431 г., на втором публичном допросе, который вел ассессор трибунала, парижский богослов Жан Бопер, Жанна показала следующее: «... голос ей говорил, что она должна идти во Францию, и она уже больше не могла оставаться дома, а голос ей говорил, что она должна снять осаду с Орлеана.

Затем она заявила, что голос сказал ей, чтобы она, Жанна, отправилась в крепость Вокулер и нашла тамошнего капитана Робера де Бодрикура и что он даст ей людей, которые пойдут вместе с ней. Жанна отвечала, что она — всего лишь бедная девушка, которая не умеет ни ездить верхом, ни вести войну. Потом она пошла к своему дяде (Дюрану Лассару. — *В. Р.*), которому сказала, что хочет немного у него пожить. И, проведя в его доме неделю, сказала, что ей нужно идти в Вокулер, и дядя ее туда проводил.

Когда она пришла в названный Вокулер, то сразу же узнала Робера де Бодрикура, которого до этого никогда не видела. А узнала его потому, что ей сказал об этом голос. Жанна заявила сему Роберу, что нужно, чтобы она отправилась во Францию. Но сей Робер дважды ей отказывал и отвергал и лишь на третий раз принял и дал людей. Голос ей говорил, что так все и произойдет» (Т, I, 49).

Жанна не назвала дату прихода в Вокулер. Тем не менее из ее показаний следует, что это произошло уже {68} после того, как англичане осадили Орлеан. Жанна совершенно определенно связывает замысел «идти во Францию» с намерением снять осаду. Это решение далось ей нелегко, в итоге мучительной внутренней борьбы, но, приняв его, Жанна следовала по избранному пути бесповоротно.

Нуждаются, очевидно, в разъяснении слова Жанны о том, что Робер де Бодрикур дважды отказывал ей. Биографы обычно связывают это с двумя приходами Жанны в Вокулер (в мае 1428 г. и в начале 1429 г.). Однако уже упоминавшаяся выше Екатерина Ле Ропе, в доме которой Жанна жила в начале 1429 г., рассказывала, что однажды к ней явился Бодрикур в сопровождении местного священника Жана Фурнье. Священник был облачен в епитрахиль; он сказал капитану, что если в этой девушке есть что-то дурное, то она не приблизится к нему. Но Жанна подошла к священнику и стала перед ним на колени. «И когда, — продолжает Екатерина, — Яшина увидела, что Робер [де Бодрикур] не хочет проводить ее, она сказала, и я сама это слышала, что ей нужно пойти туда, где находится дофин, говоря: „Разве вы не слышали пророчества, что Францию погубит женщина, а спасет дева из Лотарингии?“» (D, I, 298). Видимо, эту вторую встречу с комендантом Вокулера и имела в виду Жанна, когда говорила на суде, что Бодрикур дважды ей отказал.

Таковы аргументы, убеждающие нас в том, что приход Жанны в Вокулер следует, по-видимому, датировать концом 1428—началом 1429 г.

Но как же тогда объяснить странную ошибку Бертрана де Пуланжи, который определенно утверждал, что присутствовал при разговоре Жанны с Бодрикуром «близ дня вознесенья господня» (13 мая 1428 г.)? Трудно допустить, чтобы свидетель, подробно описавший событие, которое сыграло такую важную роль в его собственной жизни, мог даже по прошествии четверти века забыть или перепутать, когда оно произошло — поздней весной или зимой. Скорее всего было что-то напутано в записи его показаний. Может быть, прав П. Тиссе, высказавший в осторожной форме догадку, что ошибся секретарь, написав в латинском переводе (французский оригинал, как

известно, не сохранился) *Ascensionem Domini* (вознесенье господ) вместо *Adventum Domini* (пришествие господ; {69} так называются по католическому календарю четыре неполные недели, предшествующие рождеству) (Т, II, 50), Как бы там, впрочем, ни было, ясно одно: дата, фигурирующая в показаниях Пуланжи, не находит подтверждения во всех остальных источниках, которые в то же время хорошо согласуются друг с другом. Предпочтение в таком случае нужно отдать не изолированному свидетельству, каким бы авторитетным оно ни казалось, а неси совокупности материала.

События, по всей вероятности, разворачивались следующим образом. В начале лета 1428 г. у Жанны уже существовал замысел коронации дофина (см. показания Мишеля Лебуена о разговоре с Жанной накануне иванова дня). Нападение бургундцев, заставившее жителей Домреми искать спасения в Нефшато (июль 1428 г.), видимо, утвердило ее в мысли о своем особом призвании. Об этом можно судить по одному не вполне, впрочем, ясному эпизоду, развязка которого пришлось на время пребывания Жанны в Нефшато.

Некий юноша, о котором мы равным счетом ничего не знаем, привлек Жанну к суду, обвинив в том, что она якобы обещала выйти за него замуж, но потом взяла свое слово назад. Дела по нарушению обязательств о вступлении в брак относились к компетенции епископских судов, и Жанна была вызвана в епархиальную курию Туля. Придя туда из Нефшато, она выиграла тяжбу, заявив под присягой, что никакого обещания не давала (Т, I, 123). На суде в Руане она призналась, что сделала это вопреки воле родителей («Отец с матерью строго следили за ней, держали в повиновении, и она подчинялась им во всем, кроме процесса, который имела в Туле по делу брака») (Т, I, 127).

Трудно сказать, какие события предшествовали этому «первому процессу» Жанны д'Арк. Можно лишь предполагать, что родители сговорились с незадачливым женихом без ведома дочери, не ожидая встретить с ее стороны сопротивления или же полагая, что им удастся это сопротивление сломить. Однако для нас важно в данном случае констатировать, что, еще не вполне отчетливо представляя себе, как именно ей надлежит действовать, Жанна уже твердо знала, что обычная женская жизнь, {70} замужество не для нее. И женские занятия — тоже. «На женскую работу всегда найдется много других», — скажет она позже, на руанском процессе, когда прокурор обвинит ее в том, что она презрела занятия, подобающие ее полу (Т, I, 213).

И все же она не решается уйти из дома, хотя «голос говорил ей два, а то и три раза в неделю, что нужно, чтобы она, Жанна, ушла и направилась во Францию и чтобы отец ничего не знал об ее уходе» (Т, I, 48). Мысль о тайном уходе причиняла ей глубокие страдания. Это был едва ли не единственный поступок, в котором она оправдывалась перед судьями. «Спрошенная, хорошо ли она поступила, уйдя из дому без позволения отца и матери, отвечала, что во всем остальном, кроме ухода, она была им покорна, но что позже она им об этом написала, и они ее от души простили». Оправдывалась, но не сожалела: «Имей я сто отцов и сто матерей, будь я даже дочерью самого короля, я бы ушла все равно» (Т, I, 25).

Последним и самым мощным импульсом было известие об осаде Орлеана, достигшее Домреми в конце октября. Общий замысел приобрел конкретные черты. «Голос», который прежде все настойчивее требовал от нее отправиться «во Францию», начал теперь говорить, что именно она должна снять осаду с Орлеана. Однако поначалу это только усилило ее сомнения, так как раньше она, очевидно, не связывала свою миссию с военной деятельностью. Теперь прибавились новые опасения: «она всего лишь бедная девушка, которая не умеет ездить верхом и не знает, как вести войну» (Т, I, 48).

Тогда же, осенью 1428 г., в ее планах появляется имя Бодрикура. Очень возможно, что это объясняется возросшей популярностью капитана Вокулера среди местного населения после того, как ему удалось отстоять крепость от англо-бургундского отряда под командованием Антуана де Вержи. Несомненно, в глазах Жанны Бодрикур был верным сторонником дофина, и, решившись пойти в Вокулер, Жанна твердо рассчитывала на его немедленную помощь.

Она сказала родителям, что поживет какое-то время в Бюрей-Ле-Пти у Дюрана Лассара; его жена, кузина Жанны, ожидала ребенка, и ей нужно было помочь им по хозяйству (Т, I, 49). Пробыв там, по ее словам, около {71} недели, она открыла Дюрану свой замысел и попросила проводить ее в Вокулер.

Некоторые биографы обратили внимание на расхождение в показаниях Жанны и Дюрана относительно того, сколько времени она прожила в Бюрей-Ле-Пти. Жанна говорила об одной неделе, а Дюран о шести. В его показаниях по IV—VIII пунктам вопросника следственной комиссии (поведение и занятия осужденной) сказано: «Названная Жанна была хорошего поведения, благочестива, терпелива, охотно посещала церковь и исповедовалась, подавала, когда могла, милостыню нищим, и он, свидетель, все это видел как в Домреми, так и в названном Бюрей, его собственном доме, где названная Жанна находилась около шести недель; она прилежно работала, пряла, ходила за плугом, пасла скотину и делала другую работу, подобающую женщинам» (D, I, 295). Это свидетельство ничем не отличается от уже знакомой нам стереотипной характеристики Жанны, кроме упоминания о шести неделях, проведенных ею в Бюрей.

С. Люс комментировал показания Лассара следующим образом. В шесть недель следует включать оба прихода Жанны в Вокулер: в мае 1428 г. она пробыла у Дюрана неделю (к этому времени относится ее первая встреча с Бодрикуром), а остальные пять недель приходятся на

январь—февраль 1429 г., когда Жанна жила то в Воку-лере, то в Бюрей-Ле-Пти (82, XXIII). Точка зрения Люса была принята многими авторами, хотя было ясно, что это не более чем предположение. «Были ли эти шесть недель непрерывными или отдельными? Следует ли включать в них ту неделю, о которой нам говорит Жанна как о предшествующей приходу (в Вокулер) около 13 мая? Сколько встает здесь неразрешимых вопросов!» — восклицал в конце прошлого века Ж.-Б. Айроль (18, т. II, 293). Внятного ответа на эти вопросы нет и поныне, и современные биографы вообще предпочитают не касаться данного сюжета.

Нетрудно заметить, что гипотеза Люса сама опирается на гипотетические суждения; в литературе о Жанне д'Арк такие «гипотезы второй степени» встречаются довольно часто. Исходными посылками послужили в данном случае предположения о том, что Жанна приходила в Вокулер дважды, и о том, что слова Лассара о шести неделях относятся именно к этим событиям. Обе эти {72} посылки представляются нам ошибочными. О первой мы только что подробно говорили. Что касается второй, то здесь, по-видимому, мы имеем дело с неверной интерпретацией текста.²

Лассар вовсе не связывал шесть недель, которые Жанна провела в его доме, с ее уходом «во Францию», Об этом уходе он подробно говорил в другом месте показаний, отвечая на особый, десятый пункт вопросника: «Он, свидетель, сам пошел за названной Жанной в дом ее отца и привел к себе; она сказала ему, что хочет пойти во Францию, к дофину, чтобы короновать его...» (см. выше, с. 63). А в тексте, который нас сейчас интересует, сказано лишь, что свидетель хорошо знал Жанну, потому что бывал в Домреми и она прожила у него около полутора месяцев. И хотя никакой даты Лассар не называет, из контекста видно, что он имеет в виду событие, которое произошло еще до того, как Жанна решила идти к дофину, и независимо от этого решения. Она потому и открыла ему, первому, свой замысел и попросила помочь, что прекрасно его знала и полностью доверяла; а это в свою очередь предполагает наличие давних и прочных контактов. Расхождение между показаниями Жанны и Дюрана Лассара является, на наш взгляд, мнимым. Просто речь в этих показаниях шла о разных событиях.

Итак, пробыв в доме Лассара около недели, Жанна направилась в Вокулер. Первая встреча с Бодрикуром, на которую она возлагала столько надежд, обернулась полнейшей неудачей. Комендант Вокулера распорядился отправить новоявленную «посланницу неба» домой. Автор «Хроники Девы» пишет, что мессир Робер расценил ее речи как издевательство и насмешку. «Ему показалось, что она вполне сгодилась бы для грешных забав {73} его людей; у некоторых даже возникло желание это попробовать, однако при виде ее они тотчас же остывали и их вождение исчезало» (Q, IV, 205).

Несмотря на категорический отказ Бодрикура, Жанна осталась в Вокулере и спустя какое-то время — месяца через полтора, если отнести ее первую встречу с капитаном к концу декабря — началу января, — добилась всего, чего хотела. Бодрикур дал ей провожатых к дофину и снабдил рекомендательным письмом. Сам проводил до ворот, подарил на прощанье меч и напутствовал словами: «Езжай — и будь, что будет...» (T, I, 50).

Это был первый крупный успех. Чем он объясняется? Что побудило Робера де Бодрикура уступить настойчивым просьбам Жанны? Поиски ответа на этот вопрос в литературе снова приводят нас в область гипотез.

В некоторых биографиях Жанны можно встретить утверждение, что ее судьбу решило странное событие, о котором рассказывают «Хроника Девы» и «Дневник осады Орлеана».³ В один прекрасный день Жанна явилась к Бодрикуру и заявила следующее: «Во имя бога, мессир капитан, вы слишком медлите с моей отправкой, ибо сегодня благородный дофин понес великий ущерб под Орлеаном. А если в скором времени вы меня к нему не пошлете, его разобьют наголову». Бодрикур не придавал значения этим словам, но вскоре в Вокулер пришло известие о том, что в тот день, 12 февраля 1429 г., французы действительно были разбиты в битве при Рувре. И тогда пораженный капитан распорядился снарядить Деву в дорогу (Q, IV, 125, 206).

Любопытно, что эту версию приняли не только клерикальные историки, увидевшие здесь еще одно свидетельство «пророческого дара» Жанны, но и кое-кто из биографов внеконфессиональной ориентации, склонявшихся, однако, к мысли, что в личности и поведении {74} Жанны было что-то загадочное (25, 32); возможно, она была ясновидящей.

Но прежде чем строить умозаключения о личности Жанны, нужно выяснить, насколько достоверен рассказ хронистов. Сверка с другими источниками показывает, что мы имеем здесь дело с легендой,

² Несколько иного взгляда придерживался Ж. Кордьё. Он отвергал май 1428 г. как дату первого прихода Жанны в Вокулер и считал, что, уйдя из Домреми в середине декабря, Жанна в течение шести недель жила у Лассара. Первую ее встречу с Бодрикуром Кордьё датировал 23 декабря, после чего, по его мнению, Жанна вернулась в Бюрей-Ле-Пти и оставалась там до конца января, когда перебралась в Вокулер, в дом супругов Ле Ройе. За это время, полагает Кордьё, Бодрикур навел о ней справки и уведомил правительство (41, 92—93, 99—101, 373). Более подробно на этой гипотезе мы остановимся ниже.

³ Автор «Хроники Девы» был, по всей видимости, Гильом Кузино-младший (ок. 1401—ок. 1484 гг.), сын канцлера герцога Орлеанского, видный администратор и дипломат, один из приближенных советников Карла VII и Людовика XI. Хроника дошла до нас в редакции не ранее 1456 г. (использованы материалы процесса реабилитации). Составитель «Дневника осады Орлеана» неизвестен. В основе текста лежит дневник очевидца осады. Обширные заимствования из «Хроники Девы» указывают на то, что работа над «Дневником» завершилась в начале 1460-х гг.

которая появилась на свет уже после гибели героини и притом не в Вокулере. Ничего, например, не знали об этом эпизоде руанские судьи (а ведь они, как уже говорилось выше, провели очень тщательное расследование в родных краях Жанны). Если бы «ясновидение» Жанны имело под собой какое-то реальное основание (скажем, совпадение), то этот эпизод получил бы сразу же самую широкую огласку. Жанна первая не стала бы делать из него тайны, так как была убеждена в том, что благодаря «голосам и видениям» обладает даром пророчества и охотно говорила об этом на суде. Да и в показаниях свидетелей на процессе реабилитации — прежде всего тех, кто собирал Жанну в дорогу и проводил к дофину, — безусловно нашлось бы место для упоминания о таком важном факте.

Впрочем, из того, что перед нами очередной апокриф, вовсе не следует, что эта легенда вообще не представляет интереса для истории Жанны д'Арк. Напротив, она очень любопытна, но не для «событийной» стороны, не для реконструкции фактов, а для понимания того, как складывался миф о Жанне-Деве. Версия о том, что Жанна, узнав сверхъестественным путем о поражении французов под Орлеаном, убедила тем самым Бодрикура в божественном характере своей миссии, возникла скорее всего в самом Орлеане. Возможно, до того как попасть на страницы «Хроники Девы», а отсюда в «Дневник осады Орлеана», сцена разговора Жанны с Бодрикуром разыгрывалась на театральных подмостках. В «Мистерии об осаде Орлеана», которую с середины 1430-х гг. играли время от времени на площади перед кафедральным собором, имеется эпизод, почти дословно совпадающий с соответствующим местом «Хроники Девы». Жанна в этом эпизоде требует, чтобы Бодрикур распорядился о ее снаряжении и провожатых: «Нам нужно действовать быстро, потому что сегодня французы потерпели великий убыток на войне и большую неудачу» (90, 162). На предположение, что именно мистерия послужила в данном случае источником {75} для хроники, а не наоборот, наводит, помимо сопоставления дат, самый прием «драматизации» этого эпизода в хронике, где в уста Жанны вложена прямая речь.

Таково единственное объяснение первого успеха Жатшы, которое предлагают источники. Большинство биографов, естественно, не приняло эту версию всерьез. Но из молчания современников относительно мотивов, побудивших Бодрикура изменить свое отношение к Жанне, многие авторы сделали вывод, что за этим молчанием скрывается некая государственная тайна и что решение капитана Вокулера отправить «посланницу неба» в Шинон было результатом политической интриги.

Ряд авторитетных биографов полагает, что Бодрикур действовал в соответствии с инструкциями из Шинона. Согласно этой точке зрения, сразу же после встречи с Жанной комендант Вокулера уведомил дофина о появлении в вверенной ему крепости «посланницы неба» и получил распоряжение отправить ее ко двору. Дело в том, что в числе провожатых Жанны в Шинон был некий Коле де Вьенн, названный в показании ее другого спутника, Жана из Меца, королевским гонцом (D, I, 290). Речь, по-видимому, идет о Жане Коле — королевском курьере, который спустя полгода, 10 июля 1429 г., получил от магистратов Тура 10 ливров за то, что доставил им известие о победах Девы под Орлеаном (Q, V, 260); он был, очевидно, уроженцем г. Вьенна в Шампани, чем и объясняется его прозвище. Предполагается, что именно он и привез Бодрикуру тайные инструкции относительно Жанны.

Эта историографическая версия восходит к известному сочинению Жюль Мишле «Жанна д'Арк» (1841 г.), которое некогда составило целую эпоху в изучении жизни и деятельности орлеанской героини (69, 62—84). Мишле, как известно, питал склонность к смелым гипотезам и категорическим высказываниям. И на этот раз его суждение было как нельзя более определенным: «Вернувшись в Вокулер (из Нанси, куда она ездила по приглашению Карла Лотарингского. — В. Р.), Жаина обнаружила там посланца короля, который разрешал ей явиться к нему» (87, 28). Точку зрения Мишле решительно поддержал другой крупнейший авторитет — С. Люс: «... не подлежит сомнению, что Коле был послан на берега Мааса, {76} чтобы доставить благоприятный ответ дофина на запрос Робера де Бодрикура о посылке ко двору юной крестьянки из Домреми» (82, ССХ). Такого же мнения придерживались и А. Франс (54, т. I, 102—103), и Р.-А. Менье, опубликовавший в 1946 г. специальное исследование о взаимоотношениях Жанны и Карла VII (86, 107—108, 127), и, наконец, Ж. Кордье, перу которого принадлежит одна из наиболее интересных биографий Жанны (41, 101).

Как видим, представление о том, что решающую роль в изменении отношения к Жанне со стороны Робера де Бодрикура (и, следовательно, во всей дальнейшей ее судьбе) сыграла правительственная санкция, опирается на давнюю и очень солидную историографическую традицию. И хотя точка зрения Мишле и его последователей была принята далеко не всеми биографами Жанны и подчас встречала возражения (93, 54—55; 57, 266), она и поныне не подвергалась целостному критическому рассмотрению.

Заметим прежде всего, что вся конструкция держится на одной единственной «опорной свае» — на упоминании о Коле де Вьенне. Больше нигде в источниках — ни в материалах руанского процесса, ни в материалах процесса реабилитации, ни в хрониках, ни в административной переписке, финансовых счетах и других правительственных документах — мы не найдем ни малейшего намека на то, что комендант Вокулера получил распоряжение отправить Жанну к дофину. И если вначале это молчание могло быть еще как-то связано со стремлением правительства держаться в стороне до тех пор, пока миссия Девы не получила официального признания, то в дальнейшем — после победы под Орлеаном, разгрома англичан при Пате, триумфального похода на Реймс — оно является совершенно необъяснимым. Известно, что летом 1429 г., когда Жанна находилась на гребне славы, французская

пропаганда всячески подчеркивала тезис о наличии глубокой мистической связи между королем и Девой. И эта пропаганда безусловно использовала бы версию о приглашении Девы в Шинон, если бы такая версия имела под собой основание.

Более того, предположение, что встрече дофина с Жанной предшествовала переписка между Вокулером и Шиноном, противоречит показаниям самой Жанны. На четвертом {77} публичном допросе 27 февраля 1431 г. она заявила, что послала Карлу письмо только из Сант-Катрин-де-Фьербуа, когда уже пересекла Луару и находилась всего в одном переходе от Шинона (30 км). «В этом письме она спрашивала, можно ли ей явиться в тот город, где находится король, [а также сообщала], что она проехала полторы сотни лье (около 600 км. — *В. Р.*), чтобы прийти к нему па помощь, и что у нее есть для него хорошие вести» (Т, I, 76). Из слов Жанны явствует, что дофин тогда впервые узнал о ее существовании. Как справедливо заметил недавно историк Я. Гран-до, ни эта просьба, ни эти обещания не имели бы смысла, если бы существовала предварительная договоренность и Коле де Вьепп явился бы за Жанной, чтобы доставить ее к дофину (57, 266).

Судя по показаниям одного из ближайших советников дофина, Симона Шарля, появление Жанны в Ши-ноне было полнейшей неожиданностью для самого Карла и его окружения. Королевский совет долго и бурно обсуждал, следует ли дофину принять ее. «У нее спрашивали, зачем она явилась и о чем просит» (D, I, 399). Упоминалось при этом и письмо Бодрикура — однако то, которое привезли с собой спутники Жанны. Показательно также, что Жанну снарядил в дорогу не королевский наместник Бодрикур, а Дюран Лассар и несколько жителей Вокулера, которые, сложившись, приобрели для нее коня, одежду и обувь. Дорожные же расходы взяли на себя ее спутники — Жан из Меца и Бетран де Пуланжи (D, I, 290). Позже Бодрикур, получив, по-видимому, соответствующее распоряжение, уплатил Лассару 12 франков за коня (D, I, 296). А со спутниками Жанны королевская казна произвела расчет лишь 21 апреля 1429 г., за неделю до похода на Орлеан, когда миссия Девы получила официальную санкцию. В тот день Жану из Меца было выплачено 100 ливров (немалая сумма) в возмещение расходов и в счет жалования (Q, V, 267). Эти данные также свидетельствуют о непричастности правительства к замыслу экспедиции Жанны в Шипон.

Что же касается Коле де Вьенна, то здесь нужно иметь в виду, что, хотя Вокулер и находился в глубоком бургундском тылу, его связи с французским правительством не пресекались и королевские гонцы периодически появлялись в далекой крепости с депешами и распоряжениями {78} (93, 56). Нет поэтому никаких причин считать очередной приезд такого гонца каким-то чрезвычайным событием и тем более связывать его с секретными планами правительства в отношении Жанны д'Арк. Заметим попутно, что сама Жанна не только не догадывалась до конца своих дней о «тайной миссии» Коле де Вьенна (что, конечно же, было бы невозможно, если бы он действительно доставил ее в Шинон по распоряжению дофина), но и вообще не выделяла его из четверки безымянных «слуг», сопровождавших ее, Жана из Меца и Бертрана де Пуланжи (Т, I, 50). Другое дело, что приезд гонца, которому был знаком наиболее безопасный путь через оккупированную территорию, оказался очень кстати и немало облегчил практическое осуществление замысла Жанны.

В литературе нередко можно встретить утверждение о том, что на изменение позиции Бодрикура существенно повлиял милостивый прием, оказанный Жанне герцогом Карлом II Лотарингским. Он пригласил ее к себе в Нанси; это произошло в первой половине февраля, накануне отъезда Жанны в Шинон.

По поводу этой встречи высказывались различные точки зрения. Так, например, утверждалось, что Бодрикур сам отправил Жанну в Нанси, чтобы выяснить мнение «единственного ближайшего дружественного Карлу VII государя», и лишь после того, как герцог побеседовал с ней и одарил ее, счел возможным послать ее к дофину (11, 186). С этим суждением нельзя согласиться хотя бы потому, что Карл Лотарингский вовсе не был союзником Карла Валуа; напротив, он занимал по отношению к Франции позицию враждебного нейтралитета, тяготев к Англии.

Некоторые биографы видят в этом эпизоде часть сложной политической интриги, нити которой тянутся ко двору дофина. По их мнению, встреча Жанны с Карлом Лотарингским была задумана и организована дворцовой «партией действия», во главе которой стояла теща дофина, энергичная Иоланта Арагонская. Она находилась в свойстве с Карлом Лотарингским: ее сын, Рене Анжуйский («добрый король Рене», прославившийся впоследствии как поэт и покровитель искусств), был женат на старшей дочери герцога и его наследнице Изабелле. Странники данной версии полагают, что Иоланта, узнав {79} из какого-то неведомого источника о «пророчице из Дом-реми», решила воспользоваться ею, чтобы сначала внушить герцогу мысль о необходимости союза с Францией, а затем и подтолкнуть самого дофина к более решительным действиям. Иоланта направила в Вокулер своего тайного агента Коле де Вьенна; тот передал секретное поручение Роберу де Бодрикуру, и колесо закрутилось. Так появилась на свет историографическая легенда, объявившая Жанну ставленницей одной из придворных группировок. И хотя уже давно была показана полная научная несостоятельность этой легенды, за Иолантой Арагонской закрепилась тем не менее репутация покровительницы Жанны.

Высказывалось и такое предположение: поездку Жанны в Нанси организовал сам Репе Анжуйский, который рассчитывал, что, произведя сильное впечатление на его суеверного и легко поддающегося внушению тестя, Жанна побудит Карла Лотарингского сопротивляться англо-бургундскому влиянию (82, СХСVII—СХСIX). Эта догадка возникла после того, как С. Люс обнаружил в счетах казначейства Барского герцогства, которое с 1419 г. принадлежало Репе Анжуйскому, краткую запись от 29 января 1429 г. об уплате 5 су 10 денье курьеру, доставившему

Роберу де Бодрикуру письмо герцога Рене (82, 236). Но ничто не говорит о том, что это письмо имело отношение к Жанне. Его содержание неизвестно, а у герцога Барского было сколько угодно других дел к капитану соседнего Вокулера.⁴

О встрече Жанны с Карлом Лотарингским мы знаем немного; но и этого достаточно для вывода: политической подоплеку здесь не было. Никто не подсылал Жанну к влиятельному государю, никто не собирався воспользоваться ею в политических целях. Все обстояло гораздо проще.

Герцог рано одряхлел, его одолевали болезни (через два года они, свели его в могилу), лекари и лекарства не помогали. До него дошел слух об объявившейся неподалеку боговдохновенной деве, и он распорядился послать за ней. Что может быть более естественно для того {80} времени? Жанна рассказала Карлу о своем замысле, просила помощи, но ничто, кроме собственного здоровья, того не интересовало. «Герцог Лотарингский приказал, чтобы ее к нему привели, — сказано в протоколе второго публичного допроса Жанны в Руане, — она отправилась туда и сказала, что хочет идти во Францию. Герцог расспрашивал ее, как ему восстановить свое здоровье, но она ему ответила, что ничего об этом не знает. О своей поездке (во Францию) она говорила мало; однако же сказала герцогу, чтобы он дал ей своего сына и людей, которые проводят ее во Францию, и она будет молить бога об его здоровье» (Т, I, 49). Сыном герцога Жанна называла его зятя, Рене Анжуйского.

Некоторые подробности разговора Жанны с Карлом Лотарингским сообщила на процессе реабилитация Маргарита Ла Турульд, вдова королевского советника Рено де Булинье. В ее доме в Бурже Жанна провела осенью 1429 г., после коронационного похода, около трех недель. Маргарита сблизилась со своей почетной гостьей, и та ей о многом рассказывала. Зашла у них речь и о визите Жанны к герцогу Лотарингскому. По словам Маргариты, герцог позвал к себе Жанну потому, что был болен, а Жанна заявила ему, что он не выздоровеет до тех пор, «пока не исправится» и не воссоединится со своей добродетельной супругой (D, I, 378). Скандальное поведение герцога, открыто сожительствовавшего с некоей Ализон Дюмей, ни для кого не было секретом, а зная характер Жанны и ее отношение к подобным вещам, можно не сомневаться, что она выложила ему все напрямик.

Хотя встреча с герцогом Лотарингским и не имела видимых практических результатов, она укрепила позиции Жанны в общественном мнении. Впрочем, уже са-мо приглашение посетить владетельного князя свидетельствовало о ее быстро растущей популярности.

В этой популярности и заключается важнейшая, на наш взгляд, причина первого успеха Жанны. Бодрикур изменил свое отношение к Жанне и согласился отправить ее к дофину не по чьему-то тайному распоряжению или совету, а лишь потому, что в течение того месяца с небольшим, который Жаппа провела в Вокулере, с ней самой произошла на его глазах поразительная метаморфоза. Из странной просительницы — то ли сумасшедшей, {81} то ли авантюристки — она превратилась в самую популярную личность, с которой население Вокулера связывало надежды на спасение Франции.

За это время возникла вера в Жанну-Деву, в ее особую освободительную миссию. Похоже, в конце концов этой верой проникся и сам Бодрикур. Иначе с чего бы он — профессиональный военный, рыцарь — подарил ей на прощанье меч?

⁴Рене Анжуйский часто писал Роберу де Бодрикуру. В счетах казначейства Барского герцогства за 1428 г. имеется семь упоминаний о посылке в Вокулер нарочных с письмами герцога (82, 202, 219, 225, 234).

КАК ВОЗНИКЛА ВЕРА В ЖАННУ-ДЕВУ

Итак — вера в Жанну-Деву... Ряд свидетельств, исходящих от людей, которые стали первыми приверженцами Жанны, позволит нам проследить, как возник этот социально-психологический феномен. Вряд ли нужно подчеркивать, насколько важно понимание природы и генезиса этого явления, которое не только объясняет очень многое в самой истории Жанны д'Арк, но и освещает некоторые стороны общественного сознания ее времени.

Вот многозначительный факт: первым поверил в Жанну человек, который знал ее чуть ли не с пеленок. Речь идет о Дюране Лассаре. Его собственные объяснения были в данном случае предельно просты. «Она мне сказала, что хочет отправиться во Францию, к дофину, дабы короновать его, говоря: „Разве не было предсказано, что Франция будет погублена женщиной, а затем возрождена девой? (рег тнНегет аезоЫнг, е! розlea рсг уlг\$тет ге81аигап йеБеа!?)» (D, I, 296). Этого оказалось достаточно: Лассар пошел с ней к Бодрикуру.

Ссылка на пророчество о женщине и деве произвела неотразимое впечатление и на Екатерину Ле Ройе: «Когда Жанна увидела, что Робер [де Бодрикур] не хочет проводить ее [к дофину], то я сама слышала, как она сказала, что должна пойти туда, где находится дофин, говоря: „Разве вы не слышали пророчества, что Франция будет погублена женщиной и возрождена девой из пределов Лотарингии?" И тут я вспомнила, что слышала это, и была поражена. Жаннета так сильно желала, чтобы ее проводили к дофину, что время томило ее, как беременную женщину. После этого я и многие другие поверили ее словам» (D, I, 298).

Обращает на себя внимание, что оба свидетеля вкладывают в уста Жанны, одинаковый оборот: «Разве не было предсказано...?», «Разве вы не слышали пророчества...?» {83} Жанна апеллировала к общеизвестному, и именно это придавало ее аргументации убедительную силу. Она исходила из того, что пророчество о женщине и деве знал каждый: и крестьянин, и комендант крепости, и жена ремесленника. (Для нас в данном случае не столь уж и важно, приводят ли свидетели подлинные слова Жанны или воспроизводят их в своей редакции. Существенно, что для них самих это пророчество является общеизвестным).

Пророчество, на которое ссылалась Жанна, опиралось на традиционное противопоставление женщины и девы, восходившее в свою очередь к фундаментальной христианской антитезе «Ева—Мария» («Ева погубила, Мария спасла»). Оно представляло собой своеобразное осмысление ситуации, которая сложилась во Франции после Труа. И хотя имя женщины-губительницы не называлось, каждый прекрасно понимал, что речь идет об Изабелле Баварской. Общая молва возлагала на нее (насколько справедливо — это другой вопрос) главную вину за постигшие французское королевство бедствия. Появление и широкое распространение этого пророчества уже сами по себе свидетельствовали о том, что последствия договора в Труа воспринимались народным сознанием как гибель Франции.

Было бы, однако, неверно изображать, что представление о деве-спасительнице возникло как антипод представления о женщине-губительнице. Можно с достаточным основанием полагать, что вторая часть пророчества («дева спасет») появилась раньше, чем первая («женщина погубит»). Во время процесса реабилитации Жанны один из свидетелей, адвокат Жан Барбен, рассказал следующую историю. Когда весной 1429 г., после встречи Жанны с дофином, особая комиссия обсуждала вопрос о допуске ее к войску, то член этой комиссии, профессор теологии Жан Эро, вспомнил, как однажды к отцу дофина, Карлу VI, явилась некая Мария из Авиньона и заявила, что ей были видения о разорении и бедах Франции. «Среди прочего она видела, что ей предлагались различные доспехи. Испытывая ужас [перед оружием], названная Мария боялась, что ее заставят их надеть, но ей было сказано, чтобы она не боялась, ибо эти доспехи будут носить не она, а некая Дева, которая явится после нее и избавит королевство Французское от {84} его недругов». Свой рассказ мэтр Эро заключил словами, что Жанна, по его твердому убеждению, и есть та самая Дева, о которой говорила Мария (D, I, 575). Сообщение Жана Барбена заслуживает доверия. Из других источников мы узнаем, что пророчества Марии из Авиньона действительно наделали много шума в начале XV в. (105, XXX/ ел.). Женский профетизм, к слову сказать, вообще был характерен для этого смутного времени.

Предсказание прихода девы-спасительницы — явление весьма сложное по своей генетической природе. В нем, конечно, сказался общий рост мистических настроений на почве непрерывных бедствий, военных неудач, социальных катаклизмов, разорения страны, эпидемий, голодовок и т. п. Безусловно также, что это предсказание было связано с широко распространенным в народной среде культом спасительницы всего человеческого рода — Девы Марии. Хотелось бы указать еще на одно обстоятельство, которому до сих пор уделялось недостаточное внимание. В видениях Марии из Авиньона грядущая спасительница Франции выступает в качестве воина: она прямо противопоставлена самой пророчице, которая испытывает естественный женский ужас перед вооружением. Образ девы-воина составлен из традиционных оппозиций («воин» и «дева»). Природные роли здесь изменены и переставлены: избавителем королевства от недругов явится не воин-мужчина, которому эта функция предназначена самим его естеством, а юная дева (слово *риеПа* имело именно такой смысл, см. ниже, с. 92), которая в обыденном представлении воплощает противоположные качества.

Исследователям народной культуры в средние века хорошо знаком этот принцип «перевертыша»,

перестановки, перемены мест и обычных ролей; на «низшем» уровне смеховой культуры он был открыт и изучен М. М. Бахтиным (а вслед за ним А. М. Панченко в работе о «мудрых глупцах», русских юродивых, — 9). В пророчестве Марии из Авиньона мы имеем дело с тем же принципом, но только на очень серьезном, «высшем», даже мистически возвышенном уровне. Конечно, образ девы-воина отстоит очень далеко от персонажей «смехового мира» — однако не настолько, чтобы нельзя было увидеть за этим при внимательном рассмотрении работу некоего общего механизма народного сознания. Дева- {85} воин — тоже «мир наизнанку», девальвация традиционных ценностей, в данном случае — представления о во-кио-мужчине (рыцаре) как защитнике королевства от недругов. И подобно тому как в «отклоняющемся поведении» юродивого содержались мотивы укора и общественного протеста, так и в «отклоняющемся образе» девы-воина отразились определенные общественные настроения этого времени и прежде всего глубокое разочарование «трудящейся части» населения Франции в способности ее «воюющей части» осуществить свою защитную функцию.¹ Это был своеобразный укор и «вызов» рыцарству.

Хотя, как отмечалось выше, пророчество о деве-спасительнице и опиралось на традиционную христианскую антитезу «Ева—Мария», самый образ девы-воительницы не имел аналогов в священном писании. Жанну еще при жизни часто сравнивали с ветхозаветными героинями — Эсфирью и Юдифью; в литературе XV в. это сравнение было общим местом. Но именно это сравнение показывает оригинальность образа девы-воина. В самом деле, Эсфирь и Юдифь были «национальными героинями», но не воительницами. Они спасали свой народ не вопреки своей женской природе, но благодаря ей. Библейская традиция не может объяснить генеалогию персонажа пророчества Марии из Авиньона. Но можно ли считать образ девы-воина детищем одной лишь фольклорной культуры?

Весной 1429 г., когда Жанна появилась «во Франции», и особенно после ее первых ошеломляющих побед заговорили о том, что приход Девы был предсказан старинным пророчеством, которое приписывали волшебнику Мерлину — популярному персонажу множества легенд и рыцарских романов, жившему, по преданию, в Шотландии в V—VI вв. Иногда, впрочем, автором этого пророчества называли знаменитого англо-саксонского философа и историографа Беду Достопочтенного (673—736 гг.), который слыл в средние века мудрецом и провидцем. Мы находим оба эти имени рядом с античной Сивиллой в уже упомянутой поэме Кристины Пизанской, посвященной Жанне-Деве (июль 1429 г.): «...Мерлин, {86} Сивилла и Беда провидели ее разумом за тысячу с лишним лет...» (Q, V, 12).

Известно несколько вариантов «пророчества Мерлина». Согласно одному из них, Дева «грядет на спинах лучников». Это трактовалось как предсказание победы французов над англичанами, главную боевую силу которых составляли лучники. Любопытна этимология данного варианта. Он представляет собой переосмысление применительно к обстановке во Франции на переломном {87} этапе Столетней войны не очень ясного текста одной хроники середины XII в., которая вкладывала в уста Мерлина совсем иное но смыслу астрологическое предсказание, опиравшееся в свою очередь на учение кельтских жрецов-друидов. Это предсказание гласило, что обновление мира наступит в тот момент, когда двенадцать знаков зодиака вступят в борьбу друг с другом и созвездие Девы «спустится по спине» созвездия Стрельца (50, т. I, 477).

С другим вариантом пророчества мы встречаемся в «Сводном изложении» Великого инквизитора Франции Ж. Брегаля (1456 г.) — пространном бо-гословско-юридическом трактате, написанном накануне реабилитации Жанны и подводившем итоги расследования обстоятельств ее жизни и гибели. Этот источник имеет особо важное значение, так как в нем отразился момент перелома во взглядах церкви на «дело» Жанны д'Арк. По меткому замечанию Р. Перну, именно «Сводное изложение» сделало из еретички святую (91, 272). Мимоходом упомянув о «пророчестве Мерлина» в первой главе трактата, посвященной видениям Жанны, Ж. Бре-галь подробно разобрал его в шестой главе, где говорилось о мужском костюме и оружии Девы, а также рассматривалась ее военная деятельность (D, II, 412, 470—473). Великий инквизитор приводит «строфы английского пророка Мерлина» в такой редакции: «Из дубового леса выйдет дева и принесет бальзам для ран. Она возьмет крепости и своим дыханием иссушит источники зла; она прольет слезы жалости и наполнит остров ужасным криком. Она будет убита оленем с десятью рогами; четыре из них будут нести золотые короны, а шесть других превратятся в рога буйволов и произведут небывалый шум на Британских островах. Тогда придет в движение Датский лес и вскрикнет человеческим голосом: „Приди, Камбрия, и присоедини к себе Корнуэлл!“»

Не следует пренебрегать этими пророчествами, пишет Ж. Брегаль, ибо святой дух волен открывать свои тайны любому, кому он захочет. Великий инквизитор так комментирует темные «строфы» Мерлина: «из дубового леса выйдет Дева» — указание на родину Жанны-Девы (в протоколе Руанского процесса сказано, что дубовый {88} лес был виден с порога ее отчего дома); Жанна пролила бальзам на раны королевства, когда в начале своей миссии явилась к королю Франции, или позднее, когда в Пуатье выдержала долгий и строгий экзамен перед исполненными мудрости прелатами и учеными мужами, или когда мужественно и бесстрашно брала приступом Орлеан, Париж и другие главные города и крепости королевства, или же когда вместе с грандами и большим войском столь счастливо провела короля сквозь вражеские мечи в Реймс, дабы он там короновался.

¹ Как известно, общество мыслится в это время как трехчленный организм («молящиеся», «воюющие», «трудящиеся»), каждый член которого осуществляет социально необходимую функцию.

Нет возможности (да и особой необходимости) воспроизводить здесь весь обстоятельный «реальный комментарий» Брегаля, хотя он безусловно являет собой очень любопытный историко-психологический документ. Отметим лишь некоторые, наиболее выразительные, детали. «Наполнит остров ужасным криком» — предвидение того, что громкая слава о победах Жанны повергнет в ужас всех англичан. «Она будет убита оленем с десятью рогами» — тайный смысл этого прорицания состоит, по мнению Брегаля, в том, что Жанна погибнет от рук англичан, когда их королю Генриху исполнится десять лет. Четыре увенчанных золотыми коронами рога означают первые относительно благополучные годы его правления, а шесть буйволовоых рогов — последующие годы, когда, поправ правосудие и свободу, англичане наложили на подвластные им народы иго жестокой тирании.

Совершенно неожиданную трактовку получает загадочная фраза: «Тогда придет в движение Датский лес».

Брегалъ полагает, что речь здесь идет о восстании в Нормандии против английского господства: ведь нормандцы — выходцы из Дании. Клич: «Приди, Камбрия, и присоедини к себе Корнуэлл!» — означает обращение нормандцев к их природному государю — французскому королю (Камбрия, объясняет Брегалъ, — это Сикамбрия в Паннонии, откуда вышли франкские племена) и призыв к завоеванию всей Англии.

«Я, разумеется, знаю, — заключает Ж. Брегалъ, — что более проникательный ум придаст, быть может, многому в этом пророчестве более подходящий смысл, но в подобных вещах позволительно каждому держаться своего {89} мнения. Однако же мы видим, что все, сказанное нами, точно исполнилось» (D, II, 473).

Толкование «пророчества Мерлина» Ж. Брегалем — типично кабинетная продукция, плод работы изошренного ума над литературным по своему характеру текстом. В материалах процесса реабилитации имеется прямое указание на «книжный» характер этого пророчества. Один из ассессоров руанского трибунала, Пьер Мижье, приор бенедиктинского монастыря Лонгвиль-Гиффар, упомянул в своих показаниях о том, что он вычитал «в некоей старой книге» пророчество Мерлина, предсказывавшее появление «некоей Девы из некоего дубового леса» в лотарингских пределах (D, I, 415).

Известно также, что при жизни Жанны существовал «упрощенный» вариант пророчества. На процессе реабилитации граф Дюнуа вспоминал, что вскоре после взятия французами крепости Жаржо в июне 1429 г. кто-то передал плененному в этой крепости английскому военачальнику графу Суффолку бумажный лист с четверостишием, в котором упоминалась «Дева, что придет из дубового леса и проскачет по спинам лучников и против них» (D, I, 325). В этом не дошедшем до нас четверостишии были объединены оба варианта пророчества Мерлина-Беды, причем вместо мистического «грядет па спинах лучников» появилось знакомое каждому солдату «проскачет по спинам».

А теперь естественный вопрос: знала ли сама Жанна о «Деве из дубового леса» и отождествляла ли себя с ней?

Вот что читаем мы в протоколе третьего публичного допроса 24 февраля 1431 г.: «Далее она показала, что [вблизи Домреми] находится некий лес, именуемый Дубовой рощей или по-французски Vois Chesnu (так в латинском протоколе. — В. Р.), каковой виден с порога ее отчего дома и до него менее пол-лье. . . Затем она сказала, что когда пришла к своему королю, то некоторые спрашивали, не растет ли в ее краю лес, который называется Vois Chesnu, потому что были пророчества, что из окрестностей этого леса должна прийти некая дева, которая будет творить чудеса. Однако названная Жанна заявила, что она этому несколько не верила» (Т, I, 67). Эти слова можно понимать так, что она вообще {90} впервые услышала о «пророчестве Мерлина», будучи уже «во Франции»; к себе она его во всяком случае не относил.

Тем не менее «пророчество Мерлина» нередко сближается, а то и прямо отождествляется в литературе с тем пророчеством, на которое ссылалась в Вокулере Жанна («женщина погубит — дева спасет»). Некоторые биографы говорят о распространении «пророчества Мерлина» в крестьянской среде и связывают с ним возникновение самого замысла Жанны (50, т. I, 136—139). Другие историки, в частности Ж. Кордьё, полагают, напротив, что до появления «во Франции» Жанна вообще не знала ни того, ни другого пророчества (41, 69). Утверждалось также, что Жанна, сама не веря этому пророчеству, но зная о его популярности, воспользовалась им, чтобы убедить в своей миссии других (64, 102). Источники, однако, не дают оснований для таких выводов и предположений. Они отчетливо показывают глубокое различие между «пророчеством Мерлина» и «пророчеством Жанны». Первое принадлежит миру книжной культуры, второе — фольклору. О «пророчестве Мерлина» упоминали в связи с Жанной поэтесса Кристина Пизанская, лицензиат богословия, бенедиктинец Пьер Мижье, крупный теолог Жан Брегалъ. О словах Жанны: «Разве не было предсказано, что Франция будет погублена женщиной, а затем возрождена девой?» — вспоминали крестьянин Дюран Лассар и жена ремесленника Екатерина Ле Ройе. Жанна не лукавила перед судьями, говоря, что не верила в «деву из дубового леса»: этот сложный «литературный» образ был совершенно чужд ее интеллекту. Употребляя понятия того времени, можно сказать, что персонаж «пророчества Мерлина» обитал в мире «мудрых», а та дева-спасительница, с которой отождествляла себя Жанна, — в мире «простецов».

Вот мы и произнесли, наконец, ключевое слово, которым современники Жанны определяли сущность «феномена Жанны-Девы» и без которого этот феномен действительно не может быть понят, — простота.

13 марта 1431 г. на одном из тайных допросе у Жанны спросили, почему бог послал ангела, как она утверждает, именно ей, а не кому-либо другому. Она ответила: «Потому что богу было

угодно действовать через {91} простую деву, дабы отразить недругов короля» (Т, I, 139). За этими словами стояло одно из фундаментальных представлений средневековья — представление о том, что «простецы» ближе богу, нежели «мудрые», и что господь часто избирает их своим орудием, демонстрируя всемогущество божественной воли и карая людскую гордыню. Такое представление опиралось на общеизвестные евангельские истины, в частности на знаменитые слова апостола Павла: «Но бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал бог, чтобы посрамить сильное» (I коринф., I, 27). Под простотой понималось не только «низкое» общественное положение, но в первую очередь комплекс нравственных качеств: бесхитрость, простодушие, чистота помыслов, неискушенность, а также целомудрие. Такому пониманию всецело соответствовал идеал юной девушки. В годы тяжелейших испытаний народное сознание, воспринимая беды, обрушившиеся на Францию, как божью кару за грехи ее правителей («мудрых» и «сильных»), обращалось с надеждой к их антиподам — к «простецам», «немудрым» и «немощным», моделируя образ грядущей девы-спасительницы.

В глазах тех, кто верил в божественный характер миссии Жанны, «простота» была главным качеством ее личности. Говоря о ней, чаще всего употребляли выражение «простая дева»; это было своего рода клише. Но даже когда говорили только «Дева», без обычного эпитета, в этом «имени» уже содержалось указание на «простоту», ибо французское *ruselle* (латинское *puella*) значило в собственном смысле слова «простая дева» в отличие от более высокого *vierge* (латинское *virgina*). Деву Марию никогда не называли *La Ruselle*, а только *La Vierge*, точно так же как Деву-Жанну никогда при жизни не называли *La Vierge*, а только *La Pucelle*. Одно из значений слова *ruselle* было «служанка» (подобно русскому «горничная девушка», немецкому *Mädchen* и английскому *Maid*). И некоторые биографы полагают, что именно такой смысл вкладывали современники в «прозвание» Жанны: служанка господа бога (63, 64). Во всяком случае ясно, что, относя Жанну к «простецам», ее сторонники связывали {92} с этим представлением о ней как об орудии божественной воли.²

Итак, вера в Жанну-Деву — спасительницу Франции, по-видимому, внезапно вспыхнувшая в Вокулере и распространившаяся вскоре по всей Франции, опиралась как на коренные ментальные структуры средневековья (представление о «простецах», традиционная оппозиция «Ева — Мария»), так и на «конъюнктурные», ситуативные унастроения широких масс, порожденные страданиями французского народа в период Столетней войны, в особенности после Труа (формирование образа девы-воина, появление пророчества «женщина погубит Францию — дева спасет»). Важнейшей объективной предпосылкой возникновения веры в Деву-Жанну было народное сопротивление оккупантам, и самый этот феномен представлял собой своеобразную форму выражения национально-патриотических чувств французского народа. Необходимо подчеркнуть социальный аспект этого явления. Вера в Деву-Жанну зародилась в демократической среде, и, какие бы оговорки относительно неправомочности отождествления «простецов» с «простыми людьми» мы ни делали, не подлежит сомнению, что в представлении о спасительнице Франции как «простой деве» отразилась активная роль народных масс в национально-освободительном движении на переломном этапе Столетней войны.

Вот что стояло за словами Екатерины Ле Ройе о том, как она была поражена, когда Жанна обратилась к Бодрикуру: «Разве вы не слышали пророчества...». Вот почему Дюран Лассар пошел за своей свойственницей, когда та сказала: «Разве не было предсказано...». Еще до появления Жанны д'Арк на исторической сцене замысел грандиозной мистерии был в общих чертах ясен, и главная роль ждала свою гениальную исполнительницу.

«Когда Жанна-Дева появилась в Вокулере и я ее там увидел, на ней было бедное женское платье красного цвета, и она жила у некоего Анри Ле Ройе. Я заговорил с ней, сказав: „Что вы здесь делаете, моя милая? {93} Разве нам не следует изгнать короля из королевства, а самим стать англичанами?“».

Так начал рассказ о первой встрече с Жанной человек, чье имя мы уже несколько раз упоминали, — Жан де Новеленпон, по прозвищу Жан из Меца. В 1456 г., когда он давал показания перед уполномоченными комиссии по реабилитации, ему было 57 лет. Следственный протокол называет его дворянином, но дворянство он получил только под старость за долгую и честную военную службу (Р, V, 366) и теперь доживал на покое в Вокулере — там, где четверть века тому назад он, простой оруженосец, служил под началом Бодрикура и где впервые увидел эту странную девушку, о которой так много тогда говорили. Каждое слово их первого разговора навсегда запечатлелось в его памяти. Он начал с шутки, в которой сквозила снисходительная ирония, а она ответила ему серьезно и искренно, как отвечала, наверное, каждому, кто спрашивал, что она здесь делает: «„Я пришла сюда, в королевскую палату, чтобы попросить Робера де Бодрикура проводить меня к королю или дать мне провожатых, но он не обратил внимания ни на меня, ни на мои слова. И все же нужно, чтобы до середины великого поста я была у короля, даже если мне пришлось бы ради этого стереть ноги до колен. Поистине никто на свете — ни короли, ни герцоги, ни дочь короля Шотландии (нареченная пятилетнего сына Карла VII. — В. Р.), ни кто-либо другой — не спасет королевство Французское и

² Понятие о «простецах» лежало, по всей видимости, в основе образа Жанны-пастушки, очень популярного уже у современников. Этот вопрос, однако, нуждается в специальном исследовании.

не поможет ему. Никто, кроме меня. Я предпочла бы прятаться подле моей бедной матери, как мне и подобает, но нужно, чтобы я пошла и сделала это, ибо так хочет мой господин".

Я спросил у нее, кто ее господин, и она ответила: „Бог". И тогда я клятвенно обещал деве, коснувшись ее руки, что с божьей помощью провожу ее к королю».

Последний жест иногда интерпретируется как принесение вассальной присяги: вкладывая свои руки в руки сеньора, вассал объявлял себя его «человеком», обязанным службой и верностью. Именно так, по мнению Р. Перпу, и поступил в данном случае Жан де Меца (91, 92). Думается, что для такой формальной трактовки его поведения текст оснований не дает, ибо вассальная присяга представляла собой гораздо более сложную систему символических действий, причем силу ей придавало точное соблюдение ритуала, безусловное {94} следование всем процедурным правилам. В Жане из Меца Жанна приобрела не вассала, а человека, уверовавшего в нее и готового следовать за ней по первому же слову. «Я спросил у нее, когда она хотела бы отправиться в путь, на что она ответила: „Лучше сегодня, чем завтра, и лучше завтра, чем послезавтра"» (D, I, 289, 290).

Рассказ Жана из Меца принадлежит к числу наиболее ярких свидетельств о Жанне. В нем прекрасно передано ее душевное состояние после того, как надежды на немедленную помощь Бодрикура рассыпались в прах. Мысль о гибнущей Франции владела всем ее существом. Более, чем когда-либо прежде, она утвердилась в своем призвании, и бездействие становилось невыносимым. «Время томило ее, как беременную женщину», — вспоминала Екатерина Ле Ройе. Она решается на отчаянный шаг: уйти втайне, самостоятельно, без ведома и согласия Бодрикура, взяв с собой верного Дюрана Лассара и его приятеля Жака Алена. Они уходят, но, дойдя до ближайшей деревни, возвращаются: Жанна говорит, что так уходить не годится (D, I, 298). Впрочем, если бы даже она и добралась до Шинона, дальше воров ее бы пустили.

И вот как раз в те дни, когда положение кажется безвыходным, происходит перелом. В пользу Жанны начинает действовать общественное мнение. «Многие поверили ее словам», — свидетельствует та же Екатерина Ле Ройе. Рассказ Жана из Меца показывает, как это выглядело: человек приходил в дом Ле Ройе, чтобы поглазеть и подивиться, а уходил уверенный, что видел предсказанную пророчеством девицу-спасительницу Франции. Сам Жан начинает разговор с насмешливого: Что вы здесь делаете, моя милая?» — а кончает клятвой проводить ее к дофину. Это, конечно, крайний случай, но в нем выражено существо перемен в отношении к Жанне.

На всех этапах эпопеи Жанны личные качества героини играли, разумеется, огромную роль, но никогда, пожалуй, эта роль не была так велика, как в те решающие дни. Ведь Жанне еще не сопутствует слава; не бежит впереди, расчищая дорогу, легенда; и не Деву-Жанну — в сверкающих доспехах, со знаменем и мечом — видит перед собой Жан из Меца, а девушку-крестьянку в бедном платье. Она не вооружена ничем, кроме веры в свое призвание, {95} и никому, кроме Бодрикура, не говорит о своих «откровениях» (T, I, 124). Какой же внутренней силой и даром убеждения нужно было обладать, чтобы в нее иоворил выдавший виды тридцатилетний солдат — да так, чтобы спустя четверть века сказать: «Я возымел великое доверие к словам Девы и был воспламенен ее речами и любовью к ней — божественной, по моему разумению» (D, I, 291).

Жан из Меца был именно таким человеком, в каком нуждалась Жанна. К ним присоединился Бертран де Пуланжи. Стали собираться в дорогу...

«Я спросил у нее, — вспоминает Жан, — намерена ли она отправиться в путь в своем платье, на что она ответила, что охотно переделалась бы в мужской костюм. Тогда я дал ей одежду одного из моих людей. А потом жители Вокулера изготовили для нее мужской костюм, и обувь, и все другое необходимое и купили ей коня ценою около шестнадцати франков» (D, I, 290). То же самое говорит и Пуланжи: «Мы с Жаном из Меца с помощью других жителей Вокулера сделали так, что, сняв свое красное платье, она переделалась в мужской костюм, надела плащ, сапоги и шпоры» (D, I, 306). Тогда же, очевидно, Жанна коротко, по-мужски, остриглась: когда она предстала перед дофином, ее темные волосы были подстрижены «в кружок».

Оба спутника Жанны говорят об этом эпизоде, как бы показывая членам следственной комиссии, что не видят здесь ничего предосудительного: дескать, решение Жанны надеть мужской костюм было продиктовано исключительно соображением практической целесообразности — я ничем иным. Они с готовностью признают, что помогли ей в этом деле, а Жан из Меца даже выставляет себя в качестве инициатора. Да и «другие жители Вокулера», подчеркивают они, приняли участие в экипировке Девы. Короче говоря, оба они явно стремятся снять с плеч Жанны все бремя ответственности за этот поступок и вообще преуменьшить его значение. Делают они это с очевидной целью помочь реабилитации Жанны: ведь над ней тяготеет обвинение в ереси, которое основывается едва ли не главным образом на том, что, надев не подобающее ее полу платье, она преступила канонические запреты. Вот ее спутники и пытаются внушить комиссарам реабилитационного {96} трибунала мысль, что, собственно говоря, ничего особенного не произошло; оба они бывалые солдаты и подходят к этому делу сугубо практически.

К вопросу об обвинении Жанны мы еще вернемся, а сейчас постараемся выяснить, почему она надела мужской костюм.

На первый взгляд здесь нет никакой проблемы. Поступок Жанны выглядит совершенно естественным. Она готовилась к долгому и опасному путешествию в Шинон — верхом, в распутицу, через вражескую территорию, и вполне понятно, что мужской костюм годился для этого куда больше, нежели женское платье. Соображения безопасности и удобства безусловно должны были повлиять на решение Жанны. Но только ли они одни? И даже в первую ли очередь они?

Эти вопросы, в сущности, еще не вставали перед биографами Жанны. Никто из них, за исключением, кажется, одного лишь Э. Люсай-Смита (см. с. 99), не шел дальше ссылок на практические преимущества мужского костюма, т. е. интерпретации данного действия только в плане «бытового поведения». Истинный смысл этого поступка ускользал от исследователей именно из-за кажущейся простоты и ясности его мотивов. В действительности же этот поступок совсем не прост и далеко не однозначен. В нем содержался второй, скрытый, план, который, пожалуй, более важен для понимания личности Жанны, нежели первый, явный.

Из показаний Дюрана Лассара нам известно, что впервые Жанна надела мужской костюм еще в самом начале пребывания в Вокулере, тотчас же после первой встречи с Бодрикурром. Возможно, это было связано с намерением добраться до дофина самостоятельно, но данных на сей счет в источниках нет. Во всяком случае, когда Жан из Меца пришел в дом Ле Ройе (предполагается, что это было в начале февраля), он увидел Жанну в женском платье. Затем последовала уже известная читателю сцена: Жанна якобы по совету своего нового друга взяла одежду одного из его людей, и они отправились в путь, но не в далекий Шинон, а в близлежащий Нанси, в резиденцию Карла Лотарингского.

От Вокулера до Нанси немногим более сорока километров: это день, от силы два езды даже для неопытного всадника. Жанна едет туда совершенно открыто по приглашению {97} самого герцога, причем первую часть пути, до Туля, ее сопровождает Жан из Меца (D, I, 290), а вторую, по территории герцогства, она продельвает под защитой охранной грамоты и, по-видимому, в сопровождении кого-то из герцогской стражи. Так что никакой практической надобности в необычной дорожной экипировке у нее нет, и тем не менее она совершает эту поездку в мужском костюме. Надо полагать, она немало удивила герцога, представ перед ним в странном одеянии, к тому же с чужого плеча. Создается впечатление, что ее поступок носил демонстративный характер.

Вернувшись в Вокулер, она надевает специально изготовленную для нее мужскую одежду, и больше в женском платье ее не видят — до того дня, когда по приговору инквизиционного трибунала она переодевается в одежду, подобающую ее полу. Но проходит еще два дня — и она снова надевает мужской костюм, совершая тем самым «рецидив ереси» и обрекая себя на смерть...

Мужской костюм Жанны д'Арк — не просто удобная одежда, наилучшим образом приспособленная к той необычной жизни, которую она вела. Жанна носила этот костюм не только тогда, когда этого действительно могли потребовать какие-то крайние обстоятельства (в дальней дороге, на войне, в тюремной камере), но и тогда, когда ситуация, казалось бы, должна была предписывать ей традиционные формы поведения. Решительно преступив через обычай и этикет, она явилась в мужском костюме к дофину, и об этом сразу же стало известно во всей Франции. В течение трех недель специальная комиссия проводила в Пуатье тщательную экспертизу ее слов и поступков с тем, чтобы выяснить степень их соответствия нормам христианской морали. И все это время члены комиссии — теологи и юристы — видели ее в мужской одежде. Позже бывало так, что перерывы в военных действиях продолжались по нескольку недель, а то и месяцев, и Жанна могла отдохнуть, но и тогда она не переодевалась в женское платье. Мужской костюм был особым одеянием Жанны-Девы, ее отличительным признаком.

Надев этот костюм, она совершила поступок, который в семантическом плане следует рассматривать как жест — символическое действие, «имеющее не только и не столько практическую направленность, сколько соотносимость к некоторому значению» (10, 34). Чтобы понять смысл {98} этой акции, нужно иметь в виду, что костюм был одним из важнейших элементов «знаковой системы» средневековья. Во времена Жанны д'Арк по одежде и встречали, и провожали; костюм являлся «текстом», содержащим достаточно полную информацию о социальном статусе его владельца.

Когда Жанна сменила крестьянское платье на мужской костюм, она изменила в глазах окружающих свой социальный статус.. С этого момента ее перестали воспринимать как крестьянку, и здесь Э. Люсай-Смит, первый отметивший данное обстоятельство, вполне прав (83, 34). Действительно, если бы в ней продолжали видеть крестьянку, ее «миссия» не имела бы ни малейших шансов на успех: с крестьянкой не стал бы считаться ни один солдат, не говоря уже о дворянах — рыцарях и командирах. Показательно, что источники называют Жанну «папушкой» только до ее появления в Вокулере или Шиноне.

Однако Э. Люсай-Смит заблуждается, когда усматривает признак нового социального статуса Жанны в том, что, придя «во Францию», она вскоре стала одеваться наподобие молодого дворянина. Как дворянку ее тоже не воспринимали — даже после того как она и ее родные получили дворянские права. Любопытно, что никто из современников вообще не упоминает об аноблировании Жанны, и мы узнаем об этом факте только из копии королевской грамоты, сделанной в середине XVI в. Еще более существенно, что, несмотря на аноблирование, сама Жанна отказывалась видеть в себе дворянку. «Спрошенная, имела ли она щит и герб, отвечала, что не имела ни того, ни другого, но что король даровал ее братьям герб, а именно щит лазоревого цвета с двумя лилиями и мечом посередине. . . Затем она сказала, что сей герб был дарован королем ее братьям без всякой просьбы с ее стороны или откровения» (Т, I, 115).

В своих собственных глазах и в восприятии современников Жанна занимала совершенно особое положение, которое не могло быть определено посредством традиционной сетки социальной координат индивида. В ней видели Деву, посланную богом для спасения Франции, т. е. существо, выполняющее уникальную «общественную функцию» и поэтому находящееся вне социальной стратификации, не принадлежащее ни к одной общественной группе {99} и не связанное в своей

деятельности с каким-либо групповым кодексом поведения. Мужской костюм Жанны и «выражал» как раз эту уникальность, символизировал исключительность, подчеркивал неповторимость. Он был как бы частью самой ее личности, проявлением и «знаком» ее особого предназначения. «Названная женщина утверждает, — говорилось в окончательном варианте обвинительного заключения, — что она надела, носила и продолжает носить мужской костюм по приказу и воле бога. Она заявляет также, что господу было угодно, чтобы она надела короткий плащ, шапку, куртку и штаны с многими шнурками, а ее волосы были бы подстрижены в кружок над ушами и чтобы она не имела на своем теле ничего, что говорило бы о женском поле, кроме того, что дано ей природой. .. Она утверждала также, что если бы [по-прежнему] находилась в мужском костюме среди тех, ради которых она некогда вооружилась, и продолжала бы действовать так, как действовала до своего плена и заточения, то это было бы одним из величайших благ для всего королевства Французского» (Т, I, 293).

Таким образом, смена женского платья на мужской костюм — это очень важный элемент программы поведения Жанны, связанный с представлением об особом характере ее миссии. И здесь сразу же встает еще один вопрос: что могло привести ее на эту мысль?

Этот вопрос чрезвычайно интересовал руанских судей. Уже на втором допросе, 22 февраля 1431 г., у подсудимой спросили, по чьему совету она надела мужской костюм.³ В этом месте «французской минуты» протокола процесса ее составитель, который основывался на двух не дошедших до нас «книгах», содержащих первоначальные заметки секретарей трибунала, сделал такую запись: «На сей вопрос я нашел в одной книге [ответ], что ей велели сделать это ее голоса, а в другой [книге], — что, спрошенная несколько раз, она не давала никакого ответа, а потом сказала: „Я не виню никого“. И нашел в сей книге, что она несколько раз меняла свой ответ» (Т, I, 50). В официальный латинский протокол вошел только вариант второй книги. {100}

Такие ответы не могли, разумеется, удовлетворить инквизиторов, и на протяжении всего разбирательства они неизменно возвращались к этой теме. Судьи подходили то с одной, то с другой стороны, задавали наводящие вопросы, предлагали различные варианты ответов, но все безрезультатно. Жанна либо отказывалась отвечать, либо давала неопределенные ответы, а когда не оставалось ничего другого, как сказать «да» или «нет», говорила «нет». «Спрошенная, кем ей было велено надеть мужской костюм, отвечала, что она сделала это не по совету кого-либо из людей, но по велению бога и его ангелов... Спрошенная, не сделала ли она это по приказу Робера до Бодрикура, отвечала, что нет» (Т, I, 75).

Вот извлечение из протокола шестого публичного допроса 3 марта 1431 г.; мы воспроизводим диалог между судьями и подсудимой дословно, убрав лишь мешающие восприятию протокольные формулы («спрошенная... отвечала...»): «Когда ты явилась к своему королю, он не спрашивал тебя, было ли тебе откровение, которое заставило тебя переменить женскую одежду на мужскую?» — «Я уже вам на это отвечала; я не помню, спрашивали ли меня об этом». — «А те магистры, что в течение трех недель или целого месяца экзаменовали тебя в Пуатье, они не расспрашивали о перемене одежды?» — «Не помню. Впрочем, они спросили меня, где я надела мужской костюм, и я ответила, что в Вокулере». — «А они не спросили тебя, надела ли ты его по приказу твоих „голосов“?» — «Не помню». — «А когда ты в первый раз явилась к твоей королеве, она не расспрашивала тебя о перемене одежды?» — «Не помню». — «И твой король, королева и другие твои сторонники никогда не просили тебя переодеться в женское платье?» — «Это не относится к вашему процессу». — «Если ты переменяла свое платье на мужской костюм по божественному откровению, то чей голос передал тебе это: святого Михаила, святой Екатерины или святой Маргариты?» — «Больше вы от меня нынче ничего не узнаете» (Т, I, 93—95).

Конечно, она все прекрасно помнила. И король, и королева, и «магистры» в Пуатье (они в первую очередь), и многие другие спрашивали у нее, почему она сочла возможным нарушить церковный запрет и надеть костюм, не подобающий ее полу. Но это относилось к области ее {101} «откровений», а о них не знал никто, кроме короля и отчасти Бодрикура (Т, I, 124). И на том она стояла до конца...

Чем могло объясняться и оправдываться «отклоняющееся поведение» Жанны в субъективно-психологическом плане, т. е. с ее собственной точки зрения? Что могло стоять для нее самой за словами, что она надела мужской костюм «по велению бога и его ангелов»? С какими «откровениями» мог связываться у нее этот поступок?

На первый взгляд кажется, что исследователь бессилён ответить на эти вопросы. Как он может проникнуть в тот сокровенный уголок внутреннего мира Жанны, который она столь тщательно охраняла? И все же попытаемся составить представление о возможном источнике «откровений» Жанны в данном конкретном случае, чтобы приблизиться тем самым к лучшему пониманию всего этого явления.

Будем исходить из того, что, как и всякий средневековый человек, Жанна ориентировалась в своем поведении на уже существующие образцы. Поэтому естественно предположить, что и в данном случае у нее имелась некая идеальная «модель поведения», т. е. очень авторитетный персонаж, чьи поступки она брала за образец. Причем авторитет этого персонажа должен был стоять в глазах Жанны

³Фактически это был первый допрос, потому что на предыдущем заседании трибунал занимался главным образом процедурными формальностями.

настолько высоко, что он оказывался сильнее церковного запрета носить неподобающее платье, а также страха пребывать в состоянии греха из-за отказа судей допустить ее в мужском костюме к мессе, исповеди и причастию. Скорее всего таким персонажем мог быть кто-то из «являвшихся» ей святых.

Но Жанне, как мы знаем, «являлись» только две святые женщины — Екатерина и Маргарита. Их жития хорошо известны, и ничто в них не может быть как-то увязано с необычным поступком Жанны. Поэтому любые поиски в этом направлении представлялись исследователям заведомо безрезультатными. А между тем именно они и приводят нас к цели.

До сих пор считалось само собой разумеющимся, что, говоря о святой Маргарите, Жанна имела в виду легендарную раннехристианскую мученицу, обезглавленную, по преданию, в Антиохии при Диоклетиане; в ней видели покровительницу рожениц; католическая церковь чтит ее память 20 июля. Неясно, правда, почему именно эта святая {102} была особенно близка Жанне. Почти никаких следов пересечения ее культа с жизнью орлеанской героини обнаружить не удастся (в отличие от культа св. Екатерины). Поэтому биографы обычно ссылаются лишь на широкое распространение культа св. Маргариты в XV в., о чем свидетельствует популярность этого имени среди женщин всех состояний, от принцесс до крестьянок (50, т. I, 159), а также на то, что Жанна могла видеть ее статую в церкви Домреми (35, т. II, 372). Католические авторы подчеркивают в этой связи невозможность рационального объяснения мистики «откровений» (62. 124—127).

Но оказывается, что во времена Жанны д'Арк была известна другая святая Маргарита, о которой, сколько мы знаем, никто из биографов Жанны не упоминает. Сведения о ней мы находим в знаменитой «Золотой легенде» Якова Ворагинского — сборнике житий святых, составленном в конце XIII в. видным деятелем доминиканского ордена для читателей-мирян и сразу же получившем широчайшую известность во всей католической Европе (3, 199). «Золотая легенда» была довольно быстро переведена на национальные языки и в течение по крайней мере двух столетий, до XVI в., оставалась одной из самых читаемых книг; причем наибольшим успехом она пользовалась у массового читателя: низшего клира, торговцев, грамотных ремесленников и т. п. Теологи никогда не принимали ее всерьез. Однако эта книга является ценным источником для изучения массовых религиозных представлений в средние века.

«Золотая легенда» построена по литургическому принципу: она рассказывает о деяниях святых в последовательности посвященных им дней. Так, под 20 июля приведено житие святой Маргариты, под 29 сентября — легенда об архангеле Михаиле, а под 8 октября значатся целых три святых — Пелагея, Таис и «Маргарита, именуемая Пелагием». Она-то нас и интересует.

Легенда рассказывает, что Маргарита была девицей очень красивой, знатной и богатой. Она была воспитана в столь великом благонравии и целомудрии, что избегала даже взглядов мужчин. К ней посватался знатный юноша, родители дали согласие, и был назначен день свадьбы. Но, когда городская знать веселилась на свадебном пире, юная невеста, простершись на земле, размышляла {103} в слезах о том, что все радости сей жизни не стоят утраты девственности.

А дальше мы читаем: «Итак, она отказалась от супружеских ласк, а когда муж заснул, остригла волосы, надела мужской костюм и бежала из дома» (79, 676).

Не будем подробно останавливаться на дальнейшей истории Маргариты, которая, укрывшись под именем брата Пелагия в мужском монастыре, подверглась там несправедливым гонениям, но терпеливо вынесла все испытания и окончила жизнь в святости, открыв свою тайну только перед смертью. Наше внимание в этой легенде привлекают обстоятельства бегства Маргариты из дома: «остригла волосы и надела мужской костюм». Не есть ли это потаенная «модель поведения» Жанны, высокий образец и внутреннее оправдание ее собственного необычного поступка?

Теперь становится более понятным, почему именно святая Маргарита занимала такое место в воображении Жанны. Проясняются также и некоторые важные особенности ее поведения — в частности, почему во время суда, поставленная перед выбором — мужской костюм или допуск к мессе, исповеди и причастию, — она отказалась расстаться с запрещенной церковью одеждой, не боясь смертного греха: ее поддерживал пример и авторитет одной из небесных «наставниц». В итоге внутренний мир героини становится нам яснее, и мы снова убеждаемся в том, что все ее значимые поступки имели для нее высший смысл, были ориентированы на высокие образцы, подчинены некоему доминирующему «королевому» началу и образовывали целостную программу поведения.

Не стоит гадать, когда и от кого могла она узнать легенду о Маргарите-Пелагии. Возможностей для этого было сколько угодно: сюжеты и мотивы «Золотой легенды» были популярны в той среде, к которой принадлежала Жанна. Гораздо важнее подчеркнуть, что, судя по всему, она не различала Маргариту-Пелагию и Маргариту Антиохийскую. Ей была известна только одна святая с этим именем, которая, как мы можем сейчас предполагать, вобрала в себя черты двух разных персонажей. Подобная контаминация — обычная вещь в средневековой агиографии, особенно характерная для фольклорной традиции.

В этой связи нужно указать еще на одно обстоятельство, которое существенно уточняет наше представление {104} о возможном источнике «видений» Жанны. Дело в том, что Маргарита-Пелагий из «Золотой легенды» — фигура апокрифическая. Она никогда не была канонизирована, а ее жизнеописание в сочинении Якова Ворагинского представляет собой весьма вольное переложение жития св. Марины в сочетании с некоторыми эпизодами из жития св. Пелагии. Характерный факт: когда в 1455—1456 гг., накануне реабилитации Жанны, несколько авторитетных богословов — в том числе Ж. Брегалъ — написали специальные трактаты в ее оправдание, то они, собрав все сведения о

святых женщинах, которым пришлось по каким-то причинам носить мужскую одежду, ни словом не упомянули о Маргарите-Пелагии, хотя «Золотая легенда» была им, разумеется, прекрасно известна. Ортодоксальная агиография такую святую не знала, и, видимо, именно поэтому история Маргариты-Пелагии никогда не связывалась с историей Жанны д'Арк.

13 февраля 1429 г., в первое воскресенье великого поста (D, I, 290), через Французские ворота Вокулера выехали семь человек: Жанна, Жан из Меца, Бертран де Пуланжи, двое их слуг, королевский гонец Коле де Вьенн и некий лучник по имени Ришар. Начался поход за освобождение Франции. {105}

ШИНОН И ПУАТЬЕ

Бертран де Пуланжи вспоминал: «За пределами [вокулерского] края хозяйничали английские и бургундские солдаты, и, опасаясь встречи с ними, мы провели в дороге всю первую ночь. Шанна-Дева хотела послушать мессу, но кругом шла война, а нам нужно было проехать незамеченными. Каждую ночь она ложилась рядом со мной и Жаном из Меца, не снимая плаща и сапог. Я был молод тогда, но, несмотря на это, не испытывал ни желания, ни телесного влечения и не посмел бы тронуть Жанну по причине той добродетели, каковую в ней видел.

Мы ехали одиннадцать дней, чтобы попасть к королю, в то время дофину. Нас одолевали большие сомнения, но Жанна повторяла, что не нужно бояться, потому что, когда мы приедем в Шинон, благородный дофин встретит нас с радостным лицом» (D, I, 307).

Такие же воспоминания остались и у Жана из Меца: дорога заняла около одиннадцати дней, иногда приходилось ехать ночью, Жанна успокаивала своих спутников, повторяя, что исполнит все то, для чего ее послал господь, и спасет королевство Французское. И, хотя она спала рядом с ним, он клянется, что никогда не желал обладать ею (D, I, 290, 291). Некоторые детали этого путешествия известны со слов самой Жанны: одну ночь они провели в бенедиктинском аббатстве Сент-Юрбен, а проезжая через Осер, прослушали мессу в кафедральном соборе (Т, I, 50).

Ехали быстро: за одиннадцать дней преодолели сто пятьдесят лье (более шестисот километров), большей частью по неприятельской территории. Приходилось объезжать города, в которых стояли бургундские гарнизоны, и переправляться вброд через вздувшиеся реки: зима в том году выдалась мягкой, и весна наступила рано. Так пересекли они Восточную Шампань и Бургундию, {106} переправились через Марну, Об, Сену, Ионну и на восьмой день вступили в пределы «Буржского королевства». Первым городом, через который Жанна проехала открыто, был Жьен.

«Я находился в Орлеане, который осаждали англичане, — рассказывал в 1456 г. граф Дюнуа, — когда туда дошли слухи о том, что через Жьен проехала некая девушка, называемая Девой: она уверяла, что направляется к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести дофина в Реймс для миропомазания. А так как я был королевским наместником и ведал обороной названного города, то послал к королю двух дворян, чтобы получить о сей Деве более полную информацию» (D, I, 317).¹

Последнюю остановку перед Шиноном Жанна и ее спутники сделали в аббатстве Сент-Катрин-де-Фьербуа; там они провели целый день. У этого аббатства была особая слава: существовало поверие, что святая Екатерина покровительствует пленным воинам, и многие из них, выкупившись из плена, совершали паломничество во Фьербуа и оставляли там по обету свое боевое оружие и доспехи. Оттуда Жанна послала дофину письмо, в котором спрашивала аудиенцию (см. выше, с. 78). «Кажется, в этом письме говорилось, что она узнает своего короля среди всех прочих», — сказано в протоколе ее показаний на четвертом публичном допросе (Т, I, 76).

Точная дата приезда Жанны в Шинон неизвестна. В старых работах чаще всего называлось 6 марта; однако в настоящее время большинство биографов принимает дату, которую указывает одна из ранних хроник: 23 февраля (Т, II, 55). Эта дата хорошо согласуется со свидетельствами спутников Жанны о том, что они выехали из Вокулера в первое воскресенье великого поста (13 февраля) и что дорога заняла у них одиннадцать дней.

На суде Жанна утверждала, что дофин принял ее немедленно: она въехала в Шинон близ полудня, остановилась на постоялом дворе, а уже во второй половине дня ей была дана аудиенция (Т, I, 51). Однако в других {107} источниках, которым в данном случае следует отдать предпочтение, содержатся иные сведения. Жанна получила аудиенцию не сразу и не просто. Этому предшествовало обсуждение вопроса о ее приеме в Королевском совете. Вот что рассказал об этом на процессе реабилитации один из доверенных советников Карла VII, президент Счетной палаты Симон Шарль, занимавший в 1429 г. должность докладчика прошений: «В тот год, когда Жанна явилась к королю, я

¹ Характерный штрих: титул «дофин» Дюнуа вкладывает в уста Жанны; сам же он, подобно другим приближенным Карла, называет его королем с момента смерти Карла VI.

был послан им в Венецию и вернулся только в начале марта. Тогда-то я и узнал от Жана из Меца, который сопровождал Жанну, что она была принята королем. Я знаю, что, когда Жанна прибыла в Шинон, в Совете спорили о том, должен ли король ее выслушать. С самого начала у нее спросили, зачем она пришла и чего хочет. Сначала она не желала говорить ни с кем, кроме короля, но, когда к ней обратились от имени короля, она согласилась поведать мотивы своей миссии. Она сказала, что царь небесный поручил ей совершить два дела: снять осаду с Орлеана и повести короля в Реймс для коронации и миропомазания.

Выслушав это, одни советники заявили, что король ни в коем случае не должен доверять сей Жанне, а другие были того мнения, что поскольку она называет себя божьей посланницей, то королю следует по крайней мере выслушать ее. Сам же король желал, однако, чтобы ее предварительно допросили клирики и священнослужители, что и было сделано.

Наконец, не без трудностей было решено, что король все же выслушает ее. Но, когда она уже прибыла в Шинонский замок, чтобы встретиться с королем, он под влиянием своих главных советников все еще колебался в намерении говорить с нею — до тех пор, пока ему не доложили, что Робер де Бодрикур написал ему, что посылает эту женщину, а также, что она пересекла занятые врагом провинции, переправившись почти чудом через многочисленные реки, чтобы прибыть к нему. Это убедило короля, и Жанне была дана аудиенция» (D, I, 399).

Хотя Симон Шарль и не был очевидцем описываемых событий, его точный и деловой рассказ основывался на надежной информации и заслуживает полного доверия. Особенно важным является сообщение о том, что накануне аудиенции Жанну допрашивали придворные {108} клирики, о чем сама она упомянула всего однажды и то мельком (Т, I, 76). Видимо, этот Первый «экзамен» имел в виду Персеваль де Буленвилье, когда он описывал появление Жанны в Шиноне: «Едва она сошла с коня, как была тщательным образом испытана в вере и добронравии архиепископами, аббатами и докторами обоих факультетов (теологии и канонического права. — В. Р.)» (Q, V, 118). Этот эпизод долгое время оставался, в сущности, вне поля зрения историков или во всяком случае не был по достоинству оценен ими; его заслонило эффектное зрелище самой аудиенции, а между тем, как справедливо подчеркивает бельгийский историк К. Дезама, благоприятные результаты этого предварительного расследования были определяющей причиной того, что король согласился принять Жанну (44,118).

Когда Жанна, увязая в дорожной грязи, ободряла своих спутников, рисуя картину радостной встречи, ожидающей их в Шиноне, она исходила из совершенно фантастического, фольклорного представления об идеальном государе. В действительности ее ждала встреча с человеком, который совсем не соответствовал этому идеалу

22 февраля 1429 г., как раз накануне приезда Жанны в Шинон, дофину исполнилось двадцать шесть лет. Он уже перешагнул рубеж, отделявший по тогдашним понятиям молодость от зрелого возраста, но по-прежнему производил впечатление юноши, не способного править королевством самостоятельно, без постоянной опеки и руководства. Ничто не позволяло угадать в этом нескладном молодом человеке совсем не королевской внешности щуплом, с неуверенной походкой, узким бледным лицом, вислым носом, ускользящим взглядом тусклых глаз — будущего энергичного государя, короля-реформатора, чье правление ознаменовалось важными преобразованиями в государственном хозяйстве Франции. Он был умен и прекрасно образован; современники отмечали его превосходные познания в латыни и истории. Но Франция менее всего нуждалась тогда в латинисте и историке, а в Карле еще не проснулось деятельное начало. «Буржским королевством» правили фавориты и временщики к лаврам же полководца Карл был всегда глубоко равнодушен, охотно уступая их честолюбивым принципам. {109}

Предпоследний из двенадцати детей Карла VI и Изабеллы Баварской, он стал наследником престола после смерти двух старших братьев, когда ему было уже четырнадцать лет. Кровавые распри, интриги и заговоры сопровождали его с колыбели; отрочество и юность пришлись на период военных катастроф и политических кризисов. В исторической литературе нередко можно встретить утверждение, будто Карл VII терзался сомнениями относительно своих прав на престол; говорят также, что он страдал «комплексом неполноценности», порожденным сознанием того, что он сын сумасшедшего отца и матери, репутация которой была, мягко выражаясь, не вполне безупречна. Но ничто в источниках, кроме слухов, распространяемых англо-бургундской пропагандой, и возникших на их основе позднейших легенд, не подтверждает подобные предположения. Что же касается Изабеллы Баварской, то в свете новейших исследований она выглядит хотя и политической интриганкой, но вполне добродетельной супругой (59). Другое дело, что сами жизненные обстоятельства наложили глубокий отпечаток на личность Карла; по словам известного бургундского писателя и хрониста Жоржа Шатлена, оставившего любопытную сравнительную характеристику государей-соперников, Карла VII и Филиппа Доброго, главными пороками французского короля были непостоянство, скрытность и завистливость (36, т. II, 178).

Он никому не доверял и ни к кому не испытывал прочной привязанности. Один временщик сменял другого. В течение нескольких лет реальная власть принадлежала бретонцу Артюру де Ришмону, который в 1425 г. стал коннетаблем (главнокомандующим королевской армией). Вскоре Ришмон совершил роковую ошибку: он приблизил ко двору знатного дворянина Жоржа Ла Тремуяля; тот, однако, быстро вытеснил своего покровителя. В июле 1428 г. произошел очередной дворцовый перево-

рот: коннетаблю была объявлена опала, и власть перешла в руки Ла Тремуиля. Его поддерживал канцлер королевства Реньо де Шартр, архиепископ Реймский (прелаты часто занимали высшие государственные должности).

Подробности обсуждения в Королевском совете вопроса о приеме Жанны нам неизвестны. Симон Шарль утверждал, что «главные придворные» не советовали королю {110} встречаться с Жанной. Очевидно, он имел в виду Ла Тремуиля и канцлера. Давняя историографическая традиция противопоставляет им группу других влиятельных членов Совета, чье мнение в данном случае взяло верх: тещу дофина Иоланту Арагонскую, женщину волевою и деятельную, великую мастерицу по части интриг, которая постоянно подталкивала своего зятя к решительным действиям, королевского духовника Жерара Маше, бывшего канцлера Робера Ло Масона и первого камергера Рауля де Гокура (50, т. I, 202 *ел.*). Впрочем, все это не больше, чем предположения.

В основе традиционного представления о первой встрече Жанны с дофином лежит версия, которая сложилась еще в середине прошлого века и не подвергалась до недавнего времени сколько-нибудь существенному пересмотру.

Согласно этой версии, аудиенция происходила на глазах всего двора. Поздним вечером Жанну ввели в ярко освещенный парадный зал, переполненный придворными: присутствовало более трехсот человек, а зал был освещен пятьюдесятью факелами. В письме, которое Жанна послала из Сент-Катрин-де-Фьербуа, говорилось, что она узнает дофина среди других людей. Поэтому решили подвергнуть ее испытанию: дофин затерялся в толпе, а Жанне, когда она появилась в зале, указали сначала на одного, потом на другого придворного со словами, что это и есть король. Но она быстро нашла Карла и обняла его колени: «Благородный дофин, меня зовут Жанна-Дева. Господь послал меня, дабы помочь королевству и короновать вас в Реймсе как своего наместника». На всех присутствующих и прежде всего на самого дофина это произвело ошеломляющее впечатление. Затем она во всеуслышание назвала дофина сыном короля и истинным наследником престола. После этого дофин отвел ее в сторону, и они о чем-то долго говорили. О чем именно — навсегда осталось тайной: Жанна свято хранила «королевский секрет», и все попытки руанских судей выяснить, посредством какого «знака» (или знамения) она убедила дофина в божественном характере своей миссии, и к чему по при- влели. Присутствующие заметили, однако, что дофин радостно улыбался, а такое случалось нечасто. {111}

Такова классическая версия рассказа о «свидании в Шиноне» — одной из самых знаменитых сцен эпопеи Жанны д'Арк. В такой интерпретации вошла эта сцена в сознание многих поколений, и хотя отдельные ее моменты историки подчас освещали по-разному, в главном они были согласны. Почти все они говорят о публичной аудиенции, об опознании дофина среди большой толпы придворных и о некоем «королевском секрете», угаданном Жанной.

В последнее время некоторые исследователи высказали сомнения по поводу достоверности этой версии. Наиболее основательными представляются суждения К. Дезама (а до него Ж. Кордые) относительно опознания дофина и «королевского секрета». Они, однако, не поколебали традиционной точки зрения на аудиенцию, которая в новейших биографиях Жанны обычно описывается по той же схеме, что в сочинениях столетней давности. А между тем весь этот эпизод безусловно нуждается в пересмотре.

Начнем с самого главного — представления о том, что Жанне была дана официальная публичная аудиенция, на которой присутствовал весь двор. Именно это представление является краеугольным камнем в господствующей по сей день концепции «свидания в Шиноне». Почти в каждой биографии Жанны, включая самые новейшие, можно найти описание парадного зала Шинонского замка, освещенного пятьюдесятью факелами и переполненного любопытствующими придворными; постоянно называется одно и то же число: более трехсот человек.

По вот что странно. Почему-то ни одна из многочисленных хроник, повествующих о деяниях Девы, не только не называет каких-либо цифр, но и вообще не упоминает о большом числе присутствовавших на ее первой встрече с дофином, хотя все они содержат более или менее подробный рассказ об этой встрече. А это решительно не в манере хронистов, склонных обычно преувеличивать количественные данные.

Нет никаких сведений на этот счет и в материалах процесса реабилитации. О «свидании в Шиноне» рассказывали семь свидетелей. Двое из них были очевидцами аудиенции, остальные описывали ее с чужих слов, но ни те, ни другие не упоминали о том, что дофин принимал Деву на глазах у многочисленных зрителей.

В посланиях Персевалья де Буленвилье и Алена {112} Шартье, направленных иностранным государям летом 1429 г., после решающих побед под Орлеаном, также ничего не говорилось о публичном характере аудиенции. Это тем более любопытно, что оба советника Карла VII уделили особое внимание обстоятельствам появления Девы в Шиноне.

И лишь в одном-единственном источнике мы находим те сведения, на основе которых возникла традиционная версия. Это показания самой Жанны на четвертом допросе 27 февраля. Однако биографы, заимствуя оттуда «цифровой материал», не обращали, насколько мы знаем, внимания на два очень важных обстоятельства: на общий контекст допроса и на один специфический термин, который Жанна в этом случае употребила.

Вот как выглядят интересующие нас показания в контексте допроса: -«Спрошенная,

сопровождался ли голос, когда он ей являлся, светом, отвечала, что он, как и подобает, сопровождался ярким светом, шедшим со всех сторон. Затем она сказала следователю, что весь тот свет до нее не доходил.

Спрошенная, был над головой ее короля, когда она впервые его увидела, ангел, отвечала: „Пресвятая дева! Если и был, я того не знаю и его не видела“.

Спрошенная, был ли там свет, отвечала: „Там было более трехсот рыцарей и пятьдесят факелов, не считая небесного света. И я редко имею откровения, которые не сопровождаются светом“» (Т, I, 75, 76).

Как видим, главный предмет допроса — не первая встреча Жанны с дофином, а ее «откровения». Вопрос об аудиенции затрагивается попутно в связи с темой небесного света. Особо заметим, что Жанна говорит не вообще о трехстах присутствовавших, а о трехстах рыцарях, хотя на официальной публичной аудиенции должны были присутствовать и высшие чиновники, и прелаты, и придворные дамы. А кто такие рыцари, Жанна, проведшая больше года на войне, прекрасно знала; она продемонстрировала это, назвав как-то одного своего спутника в Шинон рыцарем, а другого оруженосцем (Т, I, 50).

Пространство, залитое земным и небесным светом, а в нем король, Жанна-Дева и «более трехсот» воинов-рыцарей — не ясно ли, что это не описание реального события, {113} а фантастическая, визионерская картина мистического апофеоза? Здесь Жанна вопреки обыкновению рассказывает судьям об одном из своих «откровений». Она сама прямо говорит об этом: ее слова о том, что она редко имеет откровения, которые не сопровождаются светом, являются частью ответа на вопрос о встрече с королем.

Вообще ко всем показаниям Жанны, которые касаются ее отношений с Карлом VII, нужно подходить крайне осторожно, так как именно в этих показаниях особенно часто присутствует мистический элемент.

Таким образом, традиционное представление о том, что Жанне была дана официальная публичная аудиенция, что первая ее встреча с дофином произошла на глазах всего двора, следует, очевидно, отнести к числу историографических легенд. Это представление возникло не только вследствие ошибочной интерпретации показаний Жанны, которым был придан буквальный смысл (с той поправкой, что триста воображаемых рыцарей превратились в триста придворных); здесь, по-видимому, дала себя знать и своеобразная ретроспекция. На изображение первой встречи Жанны с дофином лег отблеск последующей славы героини. Историки, зная, кого принимал Карл и к каким результатам привело это событие, невольно преувеличивали его действительные масштабы.

Но ведь сам-то Карл не мог знать, что он принимает будущую спасительницу Франции. Его с трудом уговорили выслушать некую женщину, утверждавшую, что ее послал к нему сам господь. Он согласился, скрепя сердце, дать ей аудиенцию, но у него не было решительно никаких причин превращать этот прием в публичное зрелище. Напротив, все это дело требовало до поры до времени как можно меньшей огласки, так как никто не мог еще сказать наверняка, кем в действительности является эта женщина. А вдруг это ловушка сатаны? Ведь не случайно уже после королевской аудиенции Жанну в течение трех недель допрашивала специальная комиссия, и, только получив авторитетное заключение экспертов, французское правительство признало миссию Жанны-Девы.

По всей вероятности, дофин принял Жанну в присутствии лишь немногих приближенных. Можно с достаточным основанием предполагать, что на аудиенции были главным образом члены Королевского совета, которые до этого обсуждали вопрос о ее приеме. В Совет входили {114} принцы крови, пэры Франции, высшие военачальники и чиновники короны (80, 184). Королевский совет насчитывал всего около двадцати человек (103, 13—15), причем о некоторых из них известно, что, когда Жанна появилась в Шпине, их там не было. С другой стороны, в число присутствовавших на аудиенции нужно включить королевского лекаря (сохранились его показания) и личную охрану дофина. Видимо, мы не намного ошибемся, если определим общее число очевидцев первой встречи Жанны с Карлом VII в 20—25 человек.

Но если число присутствовавших на аудиенции сокращается по сравнению с традиционным представлением более чем в десять раз, с 300 до 20—25 человек, то совершенно иначе выглядит и самый эффектный, хрестоматийно известный эпизод «свидания в Шиноне» — опознание дофина. Одно дело — найти его среди большой толпы придворных, совсем другое — в небольшой группе людей, из которых следует заведомо вычесть прелатов и пожилых советников.

Однако и в таком «упрощенном варианте» этот эпизод продолжает оставаться во многом загадочным. Историографическая традиция изображает его испытанием Жанны: дофин смешался с толпой, а ее пытались ввести в заблуждение, указывая на других придворных, но она сразу нашла Карла. Биографы объясняли это по-разному — в частности тем, что ей предварительно описали его характерную и малопривлекательную внешность.

В какой мере эта версия соответствует действительности?

Нужно отметить, что в противоположность представлению о публичной аудиенции, единственным основанием для которого послужили неверно понятые слова самой Жанны, традиционный рассказ об опознании опирается на ряд свидетельств источников. Это прежде всего три основные хроники, повествующие о деяниях Жанны-Девы: официальная история Карла VII, написанная его историографом Жаном Шартье, «Хроника Девы» и «Дневник осады Орлеана». Первая из названных хроник была, очевидно, составлена в интересующей части раньше, чем две остальные, вторая — раньше, чем третья; однако все они известны нам в редакциях конца 1450—начала 1460 г., т. е. их

авторы имели возможность использовать материалы процесса реабилитации Жанны. Это обстоятельство {115} нужно иметь в виду, приступая к разбору свидетельств об опознании дофина.

Наиболее подробно описан этот эпизод в хронике Жана Шартье: «Представ перед королем, она сделала подобающие в таких случаях поклоны и реверансы, как будто всю жизнь воспитывалась при дворе. Затем она обратилась к нему со словами: „Дай бог Вам счастливой жизни, благородный король“, — хотя до этого она его не знала и никогда не видела, а в зале было немало сеньоров, одетых богаче, чем он. На что король ей ответил: „Но я вовсе не король, Жанна“ — и показал на одного из сеньоров: „Вот король“. Она же ему отвечала: „Во имя бога, благородный король, это Вы и никто другой“» (Q, IV, 52, 53). Как видим, по версии Жана Шартье, испытание Жанны проводит сам Карл, который, однако, не прячется в толпе, но, сразу же опознанный, пытается сбить Деву с толку.

Несколько иначе и более кратко рассказано об этой сцене в «Хронике Девы»: «Когда названную Жанну привели к королю, она попросила не обманывать ее и показать того, с кем нужно говорить. Короля окружала немалая свита, но, хотя многие выдавали себя за короля, она обратилась прямо к нему» (Q, IV, 207). Еще короче говорится об этом в «Дневнике осады Орлеана»: «Она с ним заговорила и сделала реверанс, узнав его среди других, хотя многие выдавали себя за короля, думая ее обмануть — и не без надежды [на успех], потому что она его никогда не видела» (Q, IV, 127). По версии обеих хроник, королю отведена пассивная роль: он молчаливо санкционирует испытание, которое проводят его приближенные. Несмотря на существенные различия этой версии с рассказом Шартье, все три хроники обрисовывают одинаковую ситуацию: когда Жанну вводят в зал, там уже находится король.

Совсем другая версия содержится в самой ранней хронике — так называемых «Записках секретаря ларошельской мэрии», которые представляют собой обширные извлечения из особого регистра, куда секретарь магистрата заносил сведения о достопамятных событиях. Предполагается, что записки, касающиеся Жанны д'Арк, были сделаны осенью 1429 г., после неудачной попытки взять Париж (98, 325 сл.). Однако самый регистр («Черная книга») не сохранился, а извлечения {116} из него дошли до нас в более позднем списке XV в. Известия о Жанне поступали в Ларошель самыми разными путями, и в «Записках секретаря» достоверные сведения соседствуют с пересказом слухов.

Так, рассказывая о появлении Жанны в Шиноне, ла-рошельская хроника сообщает ряд любопытных подробностей, отсутствующих в других источниках. В ней сказано, что Дева явилась в Шинон 23 февраля (эта дата, как уже отмечалось выше, принята ныне почти всеми биографами), описывается ее костюм и даже упомянуто, что темные волосы были подстрижены «в кружок». По-видимому, здесь составитель хроники опирался на информацию, поступившую непосредственно из Шпиона. Самое же опознание дофина описывается следующим образом: «Когда она прибыла в Шинон, то потребовала встречи с королем. И тогда ей показали монсеньора Шарля де Бурбона, делая вид, что это король. Но она сразу сказала, что это не король, потому что короля она узнает, как только увидит, хотя никогда прежде его не видела. Потом ввели некоего оруженосца, выдавая его за короля, но она легко распознала, что это не так. А затем из соседней комнаты вышел сам король, и, увидев его, она тотчас же сказала, что это он» (98, 336).

Это сообщение производит двойственное впечатление. С одной стороны, благодаря хронологической близости описываемому событию, некоторым реалиям и общему уверенному тону оно кажется вполне достоверным, и можно понять тех историков (в частности, А. Дюнана и Э. Люсай-Смита), которые изображали «свидание в Шиноне», следуя тексту ларошельской хроники. С другой — обращает на себя внимание типично фольклорный мотив «троекратного испытания», который наводит на мысль о том, что перед нами — исторический анекдот, построенный по канонам этого жанра. Во всяком случае версия «Записок» является совершенно изолированной, и ничто во всем гигантском своде источников по истории Жанны д'Арк не подтверждает ее ни прямо, ни косвенно.² Более того, этой версии противостоит не только вся остальная летописная традиция, но, как мы увидим ниже, и показания самой Жанны. {117}

Перейдем к показаниям свидетелей на процессе реабилитации. Об обстоятельствах первой встречи дофина с Жанной говорили семь человек, но лишь двое из них были ее очевидцами — один из ближайших советников дофина Рауль де Гокур, занимавший в 1429 г. должности первого камергера двора, коменданта Шинонского замка и орлеанского губернатора (бальи), а также королевский медик Реньо Тьерри. Их показания представляют несомненно наибольший интерес, и мы приведем их полностью.

Рауль де Гокур: «Я находился в Шиноне, когда она прибыла туда, и видел, как она предстала перед его королевским величеством со смирением и простотой, подобно бедной пастушке. Я слышал ее слова, обращенные к королю: „Светлейший сеньор дофин, меня послал бог, дабы помочь вам и вашему королевству“. Увидев и выслушав ее, король, чтобы быть лучше осведомленным о том, кто она такая, распорядился передать ее под надзор Гильома Белье, своего дворецкого, бальи Труа и моего наместника в Шиноне, чья супруга была известна своим благочестием» (D, I, 326).

В этом свидетельстве, исходящем от очень осведомленного человека, мы не только не находим подтверждение версии испытания Жанны и опознания дофина, но и вообще не обнаруживаем ничего,

² Наблюдения над текстом хроники позволяют предполагать, что рассказ об опознании дофина представляет собой интерполяцию; однако этот вопрос требует специального исследования.

что говорило бы о впечатлении, которое она произвела на Карла. Аудиенция в изображении Гокура носила сугубо официальный характер: дофин выслушал Жанну и отправил под надзор. Еще более краткими были показания второго очевидца аудиенции, Реньо Тьерри: «Я видел Жанну, когда она предстала перед королем в Шиноне, и слышал, как она сказала, что ее послал бог к благородному дофину, чтобы снять осаду с Орлеана и повести короля в Реймс для коронации и миропомазания» (D, I, 330).

Но гораздо важнее, конечно, что версия об испытании не находит подтверждения в показаниях самой Жанны. О трехстах рыцарях и небесном свете она говорила на четвертом публичном допросе 27 февраля. А несколькими днями раньше на втором допросе (22 февраля) она так описывала свою первую встречу с Карлом: «Когда я вошла в палату, где находился король, то узнала его среди прочих по совету моего голоса, который указал мне на {118} него. Я сказала королю, что хотела бы пойти на войну с англичанами» (Т, I, 51).

Заметим, что на этом же допросе она только что уже ссылалась на «голос», который помог ей в аналогичной ситуации: «Когда я пришла в Вокулер, то сразу же узнала Робера де Бодрикура, хотя никогда прежде его не видела. А узнала его потому, что мне сказал об этом голос» (Т, I, 49). Утверждая, что она узнала короля по совету «голоса» (так же, как и Бодрикура, «опознать» которого в вокулерском замке было, конечно, совсем нетрудно), Жанна в то же время ничего не говорит о том, что ее пытались обмануть, что кто-то выдавал себя за дофина и т. д., хотя вряд ли можно сомневаться в том, что если бы ее действительно подвергли такому испытанию, она не преминула бы сказать об этом на суде.

Трудно также представить, чтобы в инсценировке испытания мог участвовать Карл VII — этот, по словам его новейшего биографа, «церемонный король» (100а, 194). Французский двор, когда там появилась Жанна, был еще полупризнанным и, стало быть, особенно этикетным. Прятаться среди придворных, роняя свое достоинство, было не в характере Карла.

И еще одно соображение. Согласно традиционной версии, смысл испытания Жанны заключался в том, чтобы выяснить, сможет ли она опознать истинного государя. Но ведь в таком случае испытанию подвергалась, в сущности, не столько Жанна, сколько сам дофин. А если бы «посланница неба» его не опознала? Немедленно усилились бы толки, что он претендует на трон не по праву. Одной мысли о возможности такого исхода аудиенции было достаточно, чтобы Карл отказался от замысла испытания, если он даже у него и возник.

Мы присоединяемся к тем исследователям, которые считают традиционный рассказ об испытании легендой. По мнению К. Дезама, эту «басню» пустила в ход молва, когда под впечатлением от французских успехов начал распространяться миф о Жанне (44, 120). Если верить показаниям руанского купца Жана Моро на процессе реабилитации, уже весной 1429 г. слухи о чудесном опознании дофина достигли столицы оккупированной Нормандии; Жан Моро узнал об этом от двух заезжих торговцев медной посудой (D, I, 462). Тогда же, по свидетельству ремесленника Юссона Леметра, {119} заговорили об опознании и на родине Жанны (D, I, 468). Наконец, версия трехкратного испытания, попавшая на страницы ларошельской хроники, также есть не что иное, как слух, обработанный по стереотипам фольклорного мышления. Трудно сказать, возникли ли эти слухи спонтанно или же целенаправленно распространялись «карлистской» пропагандой, но разошлись они во всяком случае очень широко — как территориально, так и в социальном плане: о необыкновенных обстоятельствах «свидания в Шиноне» говорили в разных краях Франции купцы, ремесленники и крестьяне. Легенда об опознании дофина делала одновременно два дела: творила образ Жанны-Девы и укрепляла представление о Карле — законном наследнике французского престола. В том же направлении работала и легенда о «королевском секрете». Многие современники (но не очевидцы) «свидания в Шиноне» утверждали, что после того, как Дева чудесным образом опознала короля, он отвел ее в сторону и они о чем-то долго говорили. Утверждали, будто именно тогда она убедила его в божественном характере своей миссии, раскрыв секрет, который был ведом лишь богу и королю.

Сама Жанна отказывалась сообщать судьям какие-либо подробности; она была глубочайшим образом убеждена в том, что между ней и королем существует мистическая связь и все, что касалось короля, относилось к заповедному миру ее «откровений».

«Голоса мне велели сказать о неких вещах королю, а не вам»; «откровения, которые мне были, касаются короля Франции, а не тех, кто о них спрашивает»; «что же до откровений, которые относятся к королю, я ничего не скажу вам об этом без разрешения голосов» (Т, I, 60, 69, 72) — такие и подобные ответы слышали судьи, когда речь заходила о «королевском секрете». Вот, например, характерный диалог, состоявшийся 1 марта 1431 г. на пятом публичном допросе: «Спрошенная, какой знак она подала своему королю, чтобы показать, что явилась к нему от бога, отвечала: „Я вам все время повторяю, что этого вы не вырвете из моих уст. Спросите у него самого“.

Спрошенная, разве она не поклялась говорить обо всем, что относится к процессу, отвечала: „Я уже вам однажды сказала, что не буду говорить о том, что имеет {120} отношение к королю; но о том, что относится к процессу и вере, я отвечу“.

Спрошенная, какой знак она подала королю, отвечала: „Этого вы от меня не узнаете“.

Тогда ей было сказано, что это относится к процессу.

Отвечала: „Я бы вам охотно рассказала об этом, но я обещала крепко хранить секрет и поэтому не скажу ничего. Я обещала это в таком месте, что не могу сказать вам что-либо без клятвоступления“.

Спрошенная, кому она это обещала, отвечала, что святой Екатерине и святой Маргарите, о чем известно королю» (Т, I, 88).

Из слов Жанны явствует, что под «секретом» (или «знамением») она разумела откровения, о которых говорила королю — и никому другому. Однако ничто в ее показаниях не указывает на то, что она говорила об этом уже на первой их встрече. Очевидцы аудиенции также не упоминают о каком-либо секретном разговоре.

Более того, судя по некоторым данным, Карл впервые выслушал «секрет» Жанны значительно позже — после того как она выдержала трехнедельный «экзамен» в Пу-атье. Именно так освещает этот момент очень осведомленный современник — королевский секретарь Ален Шартье в послании, написанном сразу же после коронации Карла (17 июля 1429 г.) и адресованном кому-то из европейских государей. Это одно из наиболее ранних документальных свидетельств о Жанне, появившееся на свет в дни ее величайшего триумфа, исходящее из прекрасно информированного источника и излагающее официальную точку зрения французского правительства. В то же время это яркое литературное произведение (Ален Шартье был, как известно, выдающимся писателем), прославляющее подвиги Жанны (см. ниже, с. 160).

Разумеется, Шартье видит в Жанне орудие божественного провидения, Деву, посланную небом для спасения Французского королевства. Тем не менее первую встречу Жанны с дофином он описывает в весьма сдержанном тоне. По его словам, король, узнав о замысле Девы, поступил как мудрый государь. Он решил «ни отринуть ее, ни привлечь прежде, чем не будет выяснено, кто она такая, несет ли добро или зло, притворство или истину, красоту или уродство; на этом экзамене{121} Дева должна была вступить в поединок с ученнейшими мужами». И только после того, как она вышла с честью из труднейшего испытания, король, осведомленный о мудрости ее ответов и твердости в вере, повелел ей явиться к нему и выслушал ее речи. «Никто не знает, что она ему сказала, — пишет Шартье, — однако все видели, что король был полон радости, как будто на него снизошел святой дух» (Q, V, 133).

Послание Шартье рассматривается обычно в историографии как произведение изящной словесности; Шартье — писатель заслоняет в глазах историков Шартье — королевского секретаря. Но бесспорные литературные достоинства эпистолы вовсе не мешают ей оставаться ценным документальным свидетельством. Из этого послания ясно видно, что дофин впервые говорил с Жанной наедине, уже располагая благоприятным заключением авторитетных богословов, т. е. в конце марта. В свете этих данных становится понятным и молчание очевидцев «свидания в Шиноне», и странное, на первый взгляд, отсутствие упоминаний о «королевском секрете» в связи с первой аудиенцией в материалах руанского процесса.

Однако последующая легенда не только создала версию о «королевском секрете», угаданном Жанной во время первой аудиенции, но и связала эту версию с самой сокровенной «тайной» Карла VII — сомнениями, которые он якобы испытывал относительно своих прав на престол.

В литературе уже отмечалась любопытная особенность формирования этой легенды: чем дальше отстоит источник от описываемых событий, тем более уверенно и подробно повествует он о «королевском секрете» (44, 123). Действительно, в тех текстах, которые появились на свет при жизни Жанны и подлинность которых не вызывает сомнений, нет никаких данных о тайной беседе во время «свидания в Шиноне». Но спустя четверть века, на процессе реабилитации, некоторые свидетели говорили о каком-то секретном разговоре, хотя сами его очевидцами не были и никаких подробностей не сообщали. Видимо, тогда это был еще только слух; во всяком случае ни хроника Жана Шартье, ни «Дневник осады Орлеана», рассказывая о первой встрече Девы с королем, об этом разговоре вообще не упоминают, а «Хроника Девы» относит его к одной из последующих встреч. {122}

Но зато авторы, писавшие в конце XV—начале XVI в., уже доподлинно знали, что именно Жанна сказала королю. Оказывается, она поведала ему о том, чего не знал никто, кроме бога: о тайной молитве, которую он вознес господу в сердце своем, прося, если он сын короля, ниспослать ему помощь, а если он не является законным наследником престола, дать надежное убежище и спасти от гибели или плена. Известно несколько вариантов этой легенды, которая представляет определенный интерес в плане изучения эволюции образа Жанны.

Итак, в изображение и трактовку знаменитой сцены «свидания в Шиноне» должны быть внесены существенные уточнения. Критический анализ источников не подтверждает ни традиционного представления о публичной аудиенции, на которой присутствовал весь двор, ни тезиса об испытании Жанны, ни, наконец, версии о «королевском секрете». Первая встреча Жанны д'Арк с Карлом VII, породившая множество толков, слухов и легенд, прошла, насколько мы можем судить, иначе, нежели это обычно изображается.

Дофин принял Жанну на заседании Королевского совета. Он не прятался ни за чьи спины и не пытался ввести Жанну в заблуждение. Возможно, она сама узнала его, что, впрочем, было не столь уж трудно. Между ними состоялся короткий разговор, который слышали все присутствующие. Жанна назвала себя, сказала, откуда и зачем прибыла. Карл выслушал, ничем не выражая своего отношения, и тотчас же распорядился передать ее под надзор благочестивой госпоже де Белье. Затем, по словам очевидца аудиенции Рауля де Гокура, он «повелел, чтобы Жанну обследовали клирики, прелаты и доктора [богословия], дабы выяснить, должно ли и можно верить тому, что она говорит» (D, I, 326).

Несколько дней Жанна провела в Шиноне; ее снова допрашивали прелаты-придворные, «почему

она пришла и что заставило ее явиться к королю» (D, I, 382), и она снова повторяла, что царь небесный послал ее на помощь королевству Французскому. Дофину доложили о благоприятных результатах допроса, но они его не удовлетворили, и было решено подвергнуть Жанну более основательному экзамену. {123}

В самом начале марта Жанну отвезли в Пуатье, где находились парламент (верховный суд) «Буржского королевства» и университет. Там она предстала перед особой комиссией, которой было поручено произвести тщательное расследование ее личности, образа жизни, поступков и слов для того, чтобы Королевский совет мог затем решить вопрос о ее допуске к войску. Комиссия была многочисленной и очень авторитетной. Известны имена восемнадцати ее членов, это профессора богословия, ученые монахи, королевские чиновники-юристы. Председательствовал сам канцлер королевства Реньо де Шартр, архиепископ Реймский. Все это говорило о том, что правительство придавало данному делу исключительно важное значение.

Двор тоже переехал в Пуатье, но Жанну поместили не « замке, а в частном доме, у королевского адвоката Жана Работе. Над ней установили тайный надзор. Хозяин дома и приставленные к ней женщины докладывали о ее поведении Королевскому совету. Иоланта Арагонская и другие опытные матроны удостоверились, что она девственница. Об этом также доложили дофину.

Расследование продолжалось около трех недель. Почти каждый день в дом метра Работе приходили члены комиссии, по три-четыре человека, и подолгу расспрашивали Жанну о различных обстоятельствах ее жизни. Все ее ответы фиксировались. Известно, что существовал протокол допросов: на руанском процессе Жанна несколько раз ссылалась на записи своих ответов в «книге Пуатье» (Т, I, 71, 78, 93). Однако источник, который мог бы дать множество ценнейших сведений о девушке из Домреми, до нас не дошел. Его искали, но не могли обнаружить уже по времени процесса реабилитации. Предполагается, что протоколы комиссии в Пуатье уничтожил ее председатель Реньо де Шартр после казни Жанны по приговору инквизиционного трибунала; возможно, прелат опасался, что его могут заподозрить в покровительстве еретичке (93, 75). Историки не перестают сокрушаться по поводу утраты этого драгоценного документа.

Сохранилось, однако, заключение комиссии; дошли до нас и показания некоторых ее членов на процессе реабилитации. Известны, наконец, два трактата, написанные весной 1429 г. по материалам расследования в Пуатье и целиком посвященные Жанне-Деве. Автором одного из {124} них был эмбренский архиепископ Жак Желю; второй принадлежал крупнейшему теологу того времени Жану Жерсону. На основе этих источников исследователям удалось осветить весьма важный этап в истории Жанны д'Арк. Здесь нужно в первую очередь назвать работы Ш. Буассонада (23), Ж. Кордье (41, 109—117) и Р. Перну (93, 75).

Комиссия уделила главное внимание двум моментам: нравственным качествам Жанны и «знамению» того, что она действительно является божьей посланницей. Первый аспект расследования был связан с определением природы ее «голосов и видений»: считалось, что судить о том, являются ли те или иные видения божественным откровением или дьявольским наваждением, можно в первую очередь по личным качествам визионера, его поведению и (что особенно важно) цели деятельности. Что касается второго аспекта, то от Жанны требовали представить убедительное доказательство того, что ее миссия от бога.

Трехнедельный «экзамен» в Пуатье был труднейшим Испытанием для Жанны. Ей приходилось отвечать на многочисленные, разнообразные и нередко каверзные вопросы. Спустя четверть века один из членов комиссии, семидесятилетний профессор теологии доминиканец Сеген де Сеген, которого «Хроника Девы» называет человеком въедливым (ашге), вспоминал о некоторых эпизодах расследования: «Метр Гильом Эмери спросил у нее: „Ты утверждаешь, что голос сказал тебе, что бог хочет избавить французский народ от бедствий. Но если это хочет сделать сам бог, то для чего тогда нужны солдаты?“ И тогда Жанна ответила: „Солдаты будут сражаться, а бог пошлет им победу“. Метр Гильом остался доволен этим ответом.

Я сам спросил, на каком языке говорили с ней святые, и она мне ответила, что на лучшем, чем мой; я же говорил на лимузенском наречии. Потом я спросил, верит ли она в бога, и она ответила, что да, больше, чем и я сам. И тогда я сказал названной Жанне, что богу не * будет угодно, чтобы ей поверили, если не появится нечто показывающее, что ей следует верить. [Я сказал ей также], что мы не можем советовать королю доверить ей солдат, основываясь только на ее [голословном] утверждении, ибо это значило бы подвергнуть их опасности. Она ответила: „Мой бог, я пришла в Пуатье вовсе не {125} для того, чтобы давать знамения. Пошлите меня в Орлеан, и там я явлю знамение того, ради чего я послана"» (D, I, 472).

Разумеется, в этих ответах ярко проявилась личность Жанны: независимый характер, живой и ясный ум, находчивость. Вместе с тем чувствуется, что она теряет терпение. И вот еще какое обстоятельство надо бы, на наш взгляд, подчеркнуть. Расследование в Пуатье — не только дотошный экзамен, которому полтора десятка богословов подвергли невежественную крестьянку. Здесь можно в известном смысле говорить о противостоянии ученой и народной религиозности.

Когда метр Эмери спросил у Жанны, для чего нужны солдаты, если сам бог хочет избавить французский народ от бедствий, то он затронул сложную теологическую проблему соотношения божественного провидения и человеческой деятельности. За этим вопросом стояли труды Августина и Фомы. Но что стояло за безукоризненным с догматической точки зрения ответом Жанны: солдаты будут сражаться, а бог пошлет им победу?

На руанском процессе судьи-богословы задали ей точно такой же, по существу, вопрос: почему она

пыталась бежать из плена, хотя была уверена, что ее спасет бог? В этом месте протокола допроса мы читаем: «Она сослалась на французскую поговорку: „Помогай себе, и бог поможет тебе (Aide — toi Dieu t'aidra — совершеннейший аналог русской поговорки «На бога надейся, а сам не плошай». — В. Р.)"» (Т, I, 156). Как видим, существовала некая фольклорная «модель» ответов на подобные вопросы, с помощью которой Жанна оба раза блестяще вышла из затруднения.

Уже упоминавшаяся Маргарита Ла Турульд, которая осенью 1429 г. принимала Жанну в Буржо, приводила, ссылаясь на рассказ своей гостьи об экзамене в Пуатье, ее слова, обращенные к клирикам: «В книгах господ нашего написано больше, чем в ваших [сочинениях]» (О, I, 377). Эти дерзкие слова, по-видимому, действительно были ею сказаны: ведь говорила же она ученому монаху Сегену, что верит в бога больше, чем он, и что святые говорили с ней на лучшем языке, нежели язык самого экзаменатора. Отсюда, разумеется, еще вовсе не следует, будто Жанна, сама того не зная, высказывала еретические мысли, близкие идеям Яна Гуса: в таком случае {126} богословы не санкционировали бы ее миссию. Здесь проявилось лишь извечное недоверие «простецов» к «книжникам». Оставаясь в пределах ортодоксального католицизма, испытываемая и экзаменаторы говорили на языках разных культур. Утверждая, что в «книгах господ» сказано больше, чем в сочинениях «книжников», неграмотная крестьянская девушка имела, очевидно, в виду даже не священное писание, но начертанную рукою создателя «книгу божьего мира» (очень распространенный образ в это время)— точнее, мира тех народных религиозных представлений, из которых складывалось ее понимание собственной роли посланницы неба.

Комиссию, конечно же, смущал мужской костюм Жанны. Налицо было явное нарушение библейской заповеди: «На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок перед господом твоим всякий делающий сие» (Второзаконие, 22, 5). Из материалов руанского процесса видно, что в Пуатье Жанну расспрашивали о причинах и обстоятельствах этого поступка, но подробности нам неизвестны. Мы знаем, однако, точку зрения самого авторитетного теолога Жана Жерсона, что позволяет судить об общей позиции в этом вопросе богословов про-французской ориентации. Суть рассуждений Жерсона, при помощи которых он полностью оправдывал Жанну-Деву, сводится к тому, что запрет носить не подобающую своему полу одежду представляет собой не столько правовую норму, сколько этический принцип, и его соблюдение требует учета всех конкретных обстоятельств. «Ни право, ни мораль, — писал Жерсон, — не запрещают нашей Деве носить одежду мужчины и воина, поскольку она делает мужское дело и сама является воином» (D, II, 39).

По окончании работы комиссия представила Королевскому совету заключение, в котором говорилось, что тщательное расследование образа жизни, нравов и намерений Девы не выявило в ней никакого зла, «но лишь добро, смирение, целомудрие, честность и простоту». Поскольку она обещает явить знамение божественной помощи в Орлеане, король не должен мешать ей пойти в этот город с солдатами; напротив, ему следует распорядиться, чтобы ее проводили туда с почетом (Q, III, 391, 392). Миссия Жанны получила, таким образом, официальную {127} санкцию. Важнейшее значение имело здесь то обстоятельство, что к этому времени (конец марта 1429 г.) она уже была очень известна. Вокруг нее сложилось широкое общественное мнение; народ видел в ней спасительницу страны, а население осажденного Орлеана связывало с ней надежды на освобождение. С этим не могло не считаться правительство.

О результатах расследования доложили Карлу. «Выслушав это, — свидетельствует очевидец заседания Королевского совета Жан д'Олон, — король, принимая во внимание великую добродетель сей Девы, а также то, что она, по ее словам, послана к нему богом, постановил в своем Совете, что отныне воспользуется ею в своих войнах. . . Было решено послать ее в Орлеан, который тогда осаждали наши давние недруги» (D, I, 476). {128}

ОРЛЕАН

Из Пуатье Жанна возвратилась в Шиной, провела там несколько дней, а затем отправилась в Тур и занялась приготовлениями к предстоящему походу.

Тур славился своими оружейниками, и одному из них королевский казначей Эмон Рагье уплатил 2 апреля сто ливров «за изготовление полного доспеха для Девы» (Q, V, 257). Это был, по-видимому, стальной пластинчатый доспех, состоявший из полутора десятков предметов (закрытый шлем с забралом, панцирь, наплечники, налокотники, рукавицы, набедренники, наколенники и т. д.). Весил такой доспех от восемнадцати до двадцати трех килограммов, но так как тяжесть равномерно распределялась по всему телу воина, а система шарниров обеспечивала большую свободу движений, то воевать в нем можно было не только на коне, но и спешившись.

О знаменитом мече Жанны нужно сказать особо. Вскоре после снятия осады с Орлеана широко разнесся слух о том, что Дева вооружена чудесным оружием. «Она нашла в какой-то церкви старинный меч, который, как говорят, был помечен девятью крестами; и больше у нее никакого другого оружия нет», — говорилось в одном частном письме, посланном 9 июля из Брюгге в Венецию (89, т. III, 108; подробно об авторе и адресате см. ниже, с. 147). Об этом эпизоде упоминают несколько хроник, в том числе и самая ранняя, ларошельская (сводку различных версий см.: 53). Рассказ «Записок секретаря Ларошели» в основном совпадает с показаниями самой Жанны на четвертом публичном допросе.

По словам Жанны, когда она была в Туре или Шиноне, то послала в аббатство Сент-Катрин-де-

Фьербуа за мечом, о котором ей сказали «голоса». Этот меч нашли неглубоко в земле, за алтарем; он весь проржавел, и на нем {129} было выгравировано пять крестов. Монахи очистили его от ржавчины и отослали в Тур, где для него изготовили двойные ножны из алого бархата и золототканой материи. Позже Жанна распорядилась сделать еще одни ножны из прочной кожи. Этот меч был при ней до того дня, когда она ушла из-под Парижа (8 сентября 1429 г.) (Т, I, 76). По версии ларошельской хроники, меч был найден не в земле, а в сундуке, который не открывали двадцать лет (98, 337). Объясняя, почему Жанна послала за мечом во Фьербуа, биографы указывают на два уже известных читателю обстоятельства: в аббатстве хранилось оружие, оставляемое по обету воинами после выкупа из плена; по пути в Шинон Жанна провела там целый день.

«Чудесный меч Фьербуа» был чисто символическим оружием, атрибутом образа девы-воина. Молва связывала с ним военные успехи Жанны. Официальный королевский историограф Жан Шартъ утверждал, что удача отвернулась от нее с того момента, когда она сломала свой меч, «который, как все считают, был найден благодаря чуду» (Q, IV, 93).

На том же четвертом допросе у Жанны спросили, что она любила больше — свой меч или знамя, и она ответила, что гораздо больше, «раз в сорок», любила знамя (Т, I, 78). Это было длинное белое полотнище, затканное лилиями; его изготовил в Туре художник (рашлге) шотландец Джеймс Пауер, которому казна уплатила 25 ливров (Q, V, 258). Изображение на знамени вседержителя с двумя ангелами по бокам и девиз «Иисус-Мария» указывали на божественный характер миссии Девы. Жанна имела также второй штандарт меньшего размера, служивший опознавательным знаком во время боя. По ее словам, «она сама держала названный штандарт во время атак на неприятеля; она старалась избежать смертоубийства и сама никого не убила» (Т, I, 78).

Сведения о знамени и боевом штандарте позволяют, как нам кажется, лучше разобраться в не совсем ясном вопросе о формальном статусе Жанны во французском войске. Некоторые авторы, ссылаясь на показания С. Шарля (O, I, 400), утверждают, что после «экзамена в Пуатье» дофин официально возвел Жанну в ранг военачальника (21, т. II, 211; 50, т. I, 298); а по мнению других биографов, она никогда не занимала {130} даже низшей командной должности (41, 361). Сама Жанна не была, очевидно, вполне уверена, следует ли ей считать себя военачальником. Когда на суде ей прочли текст ее «письма к англичанам», в котором фигурировали слова «я — военачальник», то она заявила, что в оригинале этих слов не было (Т, I, 82). С другой стороны, отвечая на обвинение в присвоении функций полководца, она сказала, что «если и была военачальником, то лишь для того, чтобы бить англичан» (Т, I, 262). По всей вероятности, дав Жанне право иметь личное знамя, дофин приравнял ее к так называемым «знаменным рыцарям», которые командовали отрядами своих «людей» (38, 14, 15).

Жанна имела под своим началом небольшой отряд, который состоял из свиты, нескольких солдат и обслуги. В свиту входили оруженосец, духовник, два пажа, два герольда, а также Жан из Меца и Бертран де Пуланжи и братья Жанны, Жан и Пьер, которые присоединились к ней в Туре. Еще в Пуатье дофин поручил охрану Девы опытному воину Жану д'Олону, который стал ее оруженосцем. В этом храбром и благородном человеке Жанна нашла наставника и друга. Он обучал ее военному делу, с ним она провела все свои походы, он был рядом с ней во всех битвах, штурмах и вылазках. Они вместе попали в плен к бургундцам, но ее продали англичанам, а он выкупился на свободу и спустя четверть века, будучи уже рыцарем, королевским советником и занимая видную должность сенешала одной из южнофранцузских провинций, написал по просьбе реабилитационной комиссии очень интересные воспоминания, в которых рассказал о многих важных эпизодах истории Жанны д'Арк. До нас дошли также показания одного из пажей Жанны — Луи де Кута; о втором — Раймоне — мы ничего, кроме имени, не знаем. Духовником Жанны был монах-августинец Жан Паскерель; ему принадлежат весьма подробные показания, но в них, очевидно, не все достоверно.

В конце апреля Жанна направилась в Блуа, ближайший к Орлеану город, не занятый англичанами; там формировалось войско для похода на Орлеан. В него влились отряды маршалов Буссака (ему было поручено общее командование) и де Рэ, адмирала Кюлана, капитанов Ла Гира, Сантрайля и Амбруаза де Лоре, т. е. лучших военачальников. На суде Жанна говорила, что «король {131} дал ей десять или двенадцать тысяч человек» (Т, I, 75). Историки, однако, сходятся во мнении, что общая численность войска не превышала четырех тысяч. Армию сопровождал большой обоз с продовольствием. Французское правительство, кажется, не слишком верило в успех операции: по словам герцога Алансонского, который ведал набором солдат и закупкой продовольствия, перед армией была поставлена задача — «попытаться спясть осаду, если это окажется возможным» (D, I, 382).

Перед тем как выступить в поход, Жанна послала к англичанам, стоявшим под стенами Орлеана, своих герольдов с письмом, которое она продиктовала еще месяц тому назад в Пуатье. В нем содержалось требование отдать Деве, посланной богом, ключи от всех захваченных городов и предлагался мир на условиях ухода англичан из Франции и возмещения ущерба. В противном случае Дева грозила учинить «такой разгром, какого не видали во Франции уже тысячу лет» (Т, I, 221). Герольды испокон века пользовались правом неприкосновенности, но англичане задержали одного из посланцев «арманьякской ведьмы», а второго отослали с ответом, что сожгут ее, как только она окажется в их руках.

В четверг, 28 апреля, войско вышло из Блуа по направлению к Орлеану. Впереди шли монахи, несли кресты, пели «Приди, создатель». За ними на белом коне, в сверкающих латах, с развернутым

знаменем ехала Дева, и каждый, кто шел за ней, чувствовал себя участником великого и святого дела...

«Все жители сего города с нетерпением ожидали прихода Девы, — говорил на процессе реабилитации почтенный орлеанский купец Жан Люилье, — по причине ее славы, а также слуха о том, что она сказала королю, что послана богом, чтобы снять осаду с сего города. А его обитатели и граждане были доведены до такой крайности врагами, державшими их в осаде, что уж и не знали, от кого им ждать помощи, кроме как от бога» (D, I, 331).

К маю 1429 г. Орлеан находился в осаде уже более полугода. И для того, чтобы лучше понять значение подвига Жанны, нужно коротко рассказать о предшествующих событиях. {132}

12 октября четырехтысячное английское войско подошло к стенам Орлеана. Английское командование придавало исключительно важное значение взятию этого большого и хорошо укрепленного города (42). Расположенный на правом берегу Луары, в центре ее плавной и обороненной в сторону Парижа излучины, Орлеан занимал ключевую стратегическую позицию, контролируя дороги, которые связывали Северную Францию с Пуату и Гиенью. В случае его захвата англичане получали возможность перейти в развернутое наступление, так как к югу от Орлеана у французов не было крепостей, способных остановить натиск противника. От исхода сражений на берегах Луары зависела судьба Франции.

Операция по овладению Орлеаном была тщательно спланирована и подготовлена. Понимая, что с их наличными силами город вряд ли удастся взять штурмом, англичане возлагали основные надежды на успех длительной осады. В августе и сентябре они захватили небольшие крепости и замки, прикрывавшие Орлеан с обеих сторон по течению Луары и по обоим берегам реки. Выйдя на левый берег они заняли предместье Портеро и предмостный форт Турель, лишив город прямой связи с не-оккупированной территорией. Затем они переправились на правый берег и начали возводить вокруг городских стен цепь осадных сооружений.

Правительство дофина Карла полностью отдавало себе отчет в значении борьбы за Орлеан и направило туда лучшие воинские части. В конце октября в город были введены отряды гасконцев и находившихся на службе у дофина итальянских арбалетчиков. Во главе этих отрядов стояли опытные и надежные военачальники — ветеран многочисленных битв, удачливый и храбрый Ла Гир, маршал Буссак, капитан Потон де Сантрайль. Общее командование осуществлял граф Дюнуа, побочный сын герцога Орлеанского. Молодой, честолюбивый, талантливый, он тогда еще только начинал путь полководца, но успел уже приобрести популярность в армии и народе.

Осада затянулась. Англичане предпринимали частые, но безуспешные атаки на укрепления перед городскими воротами, подвергали город непрерывному артиллерийскому обстрелу, нападали на обозы, подвозившие осажденным продовольствие и боеприпасы. Французы не оставались {134} в долгу, производя частые вылазки и контратаки. Так прошло три месяца.

В начале февраля 1429 г. осажденные получили сильное подкрепление. В город вошел отряд шотландских стрелков, состоявших на службе у дофина; он насчитывал тысячу бойцов. Вместе с ним пришла еще одна рота гасконцев. Теперь четверем с половиной тысячам англичан, стоявшим под стенами Орлеана, противостояли две с половиной тысячи солдат гарнизона и трехтысячное ополчение горожан. На подходе к Орлеану находилось также трехтысячное войско, которое вел молодой Шарль де Бурбон, граф Клермонский. При таком соотношении сил французы имели вполне реальную возможность снять осаду и самим перейти в контрнаступление. Но дело обернулось против них. 11 февраля в Орлеане стало известно, что из Парижа идет английский отряд, насчитывающий полторы тысячи рыцарей и солдат, в том числе несколько сот лучников. Его сопровождает большой обоз с продовольствием. Сообщивший об этом Клермон просил французских капитанов выслать ему подмогу, так как он намерен {135} был напасть на англичан и хотел действовать наверняка.

Сразу же по получении этого известия из Орлеана вышли шотландцы, предводительствуемые Вильямом Стюартом, и гасконцы во главе с Ла Гиrom, Буссаком и Сантрайлем. Дюнуа со своей ротой двинулся навстречу Клермону еще раньше. Предполагалось, что удар по английскому войску будет нанесен соединенными силами орлеанских отрядов и дворянской конницы Клермона. Исход боя ни у кого сомнений не вызывал: на стороне французов был подавляющий численный перевес, и им же принадлежала инициатива.

Поначалу все шло как нельзя лучше. Утром 12 февраля отряды, вышедшие из Орлеана, обнаружили англичан у деревни Рувре-Сен-Дени, близ Арженвиля. Французские капитаны решили немедленно атаковать растянувшееся на марше английское войско. По в тот самый момент, когда их люди изготовились для атаки и ждали сигнала к ее началу, подоспел гонец с письмом от Клермона: граф сообщал, что подойдет с минуты на минуту и категорически запрещал начинать бой без него.

Французы замешкались, и благоприятный момент был упущен. Противник перестроился в боевой порядок. Его конница укрылась за заграждением из обозных возов, перед которым вырос густой частокол. Вперед выдвинулись лучники.

В два часа пополудни шотландцы, не дождавшись Клермона, пошли в атаку, но отступили с большими потерями. Такая же участь постигла и гасконскую роту. Захлебнулась и атака конницы, которую повел сам Дюнуа. А когда из-за укрытия вылетели на свежих конях английские рыцари, французское войско обратилось в бегство. В битве при Рувре, получившей название «битва селедок»

(английский обоз вез главным образом соленую рыбу), защитники Орлеана потеряли более пятисот человек.

Клермон так и не вступил в сражение. Увидев, что дело приняло скверный оборот, он направился прямо в Орлеан, но, пробыв там всего несколько дней, неожиданно ушел, уведя с собой Ла Гира и нескольких других капитанов с двумя тысячами бойцов. В источниках имеются сведения, что его уход сопровождался каким-то конфликтом с городскими властями, но эти сведения неясны {136} и противоречивы. Судя по «Дневнику осады Орлеана», горожане «не были довольны» уходом капитанов и не слишком верили их обещаниям вернуться (Q, IV, 130). По версии другой анонимной хроники, автор которой был, по всей вероятности, очевидцем событий, сами горожане, видя, как быстро истощаются запасы продовольствия, явились к Клермону и попросили его увести своих людей (Q, IV, 289).

Так или иначе, исход «битвы селедок» резко изменил соотношение сил в пользу англичан. После ухода Клермона орлеанцам стало казаться, что они брошены на произвол судьбы, и можно легко себе представить, как жадно ловили они первые, еще неясные, слухи о Жанне-Деве, которые дошли до них в конце февраля. Дюнуа, как мы уже знаем, сразу же послал в Шинон двух дворян за более подробными сведениями. «По возвращении из поездки к королю, — вспоминал он на процессе реабилитации, — [посланцы] рассказали сначала мне, а затем публично, всему народу, который жаждал узнать истину о приходе сей Девы, что они сами видели, как она прибыла к королю в Шинон» (D, I, 317). Это известие пробудило у осажденных новую надежду.

Тем временем англичане смыкали осадное кольцо. Они перерезали дорогу, ведущую к северным Парижским воротам, и построили против западной стены несколько фортов («бастилий»), соединенных глубокими траншеями. Захвативший в первые дни осады форт Турель по-прежнему блокировал город с юга. Орлеан еще не утратил связи с внешним миром, но дело шло к этому: неподалеку от восточных Бургундских ворот, через которые осуществлялась эта связь, англичане захватили высокий холм Сен-Лу и укрепили его. Все труднее стало доставлять продовольствие, и над осажденным городом нависла угроза голода. Магистрат направил делегацию к герцогу Бургундскому с предложением взять город под свою опеку. Возможно, орлеанское посольство ездило к Филиппу даже дважды (45, 290). Это предложение пришлось герцогу по душе, но его попытки договориться с Бедфордом оказались безуспешными. Регент ответил, что не желает расчищать кустарник для того, чтобы другие ловили в нем птиц. В его глазах судьба Орлеана была предрешена...

Армия, вышедшая из Блуа 28 апреля, могла пройти к Орлеану по правому берегу Луары или по левому. {137} Первая дорога вела прямо к стенам Орлеана, но в этом случае нужно было миновать занятые неприятелем города Божанси и Менг, а потом прорываться сквозь линию английских укреплений. Французское войско пошло левым берегом и на второй день оказалось напротив осажденного города.

Однако для переправы через широкую Луару большого конного войска и обоза не хватало лодок и плотов. К тому же дул противный ветер, а переправу, проходим-шую на глазах у противника, нельзя было затягивать. Поэтому решено было переправить обоз и артиллерию, а армия должна была вернуться в Блуа и оттуда снова двинуться к Орлеану, но уже по правому берегу. Дюнуа уговорил Жанну переправиться вместе с ним и войти в город сегодня же.

Едва она села в лодку, как ветер переменил направление и надул парус. Разумеется, сопровождавшие Жанну люди увидели в этом божье чудо (Q, IV, 290), и уверенность в том, что Дева действительно является посланницей неба, еще больше окрепла.

В пятницу 29 апреля Жанна д'Арк вошла в Орлеан через восточные ворота.

Из «Дневника осады Орлеана»: «Она въехала в 8 часов вечера в полном вооружении на белом коне; впереди несли ее знамя и боевой штандарт. По правую руку от нее ехал монсеньор Орлеанский бастард (это был титул Дюнуа, который он носил до 1439 г. — В. Р.), также вооруженный, на богато убранном коне. За ними ехало и шло множество благородных и храбрых сеньоров, оруженосцев, капитанов и солдат, а также горожан, которые вышли ей навстречу за ворота.

Их встречали воины гарнизона и горожане, мужчины и женщины, с факелами в руках. Они ликовали так, словно к ним спустился с небес сам господь, — и не беспричинно: им пришлось вынести такие тяготы и пережить такие страдания, что они уже почти потеряли надежду на помощь и спасение. Теперь же они чувствовали себя так, как будто с них уже сняли осаду. Вот почему все они — и мужчины и женщины, и дети — смотрели с большой любовью на эту простую девушку, в которой, как им сказали, была заключена божественная добродетель. Была такая чудовищная давка из-за того, что каждый хотел дотронуться до нее или до {138} ее коня, что один из факельщиков случайно поджег ее штандарт. И тогда она пришпорила коня и так ловко погасила пламя, словно была опытным воином. Солдаты сочли это за великое чудо, и горожане были согласны с ними» (Q, IV, 153).

Так пересекла она весь город до западных Ренарских ворот, где в доме казначея Жака Буше ей было приготовлено жилье.

Этот рассказ очевидца свидетельствует о крутом переломе в настроении защитников Орлеана и во многом объясняет, почему уже на девятый день после въезда Жанны осада была снята и англичане потерпели жестокое поражение. Конечно, на стороне французов было численное превосходство —

впрочем, не столь уж значительное.¹ Но не следует забывать, что накануне «битвы селедок» у них был еще больший перевес (по свидетельству орлеанской хроники, шестикратный) (Q, V, 288), что, однако, не помешало англичанам одержать победу.

Мы не будем подробно рассматривать ход сражения за Орлеан, но и общего ознакомления с событиями первой недели мая достаточно, чтобы понять, какое огромное значение имел здесь высокий боевой дух армии, а он поддерживался в первую очередь той уверенностью в победе, которую с самого начала сумела внушить всем защитникам Орлеана Жанна-Дева.

30 апреля Жанна послала к английским военачальникам двух герольдов с письмом, в котором требовала освободить ее посланца, доставившего им ее предыдущее письмо и схваченного вопреки закону и обычаю. Ходили слухи, что его собираются предать церковному суду как {139} прислужника колдуньи. Дюнуа присовокупил к этому угрозу перебить всех пленных англичан. Угроза подействовала: герольды вернулись со своим освобожденным товарищем. Но англичане повторили, что сожгут «бесстыжую девку», как только она попадет к ним в руки; они советовали ей вернуться домой и заняться своим прямым делом — пасти коров.

«Дева была сильно разгневана, — сообщает «Дневник осады», — и вечером отправилась к баррикаде Бель-Круа на мосту». Всего несколько десятков шагов отделяли эту баррикаду от захваченной англичанами Турели, гарнизоном которой командовал Вильям Гласдель. «Оттуда она говорила с Гласделем и другими англичанами, засевшими в Турели. Она сказала им, чтобы они вняли господу и спасли свои души. Но названный Гласдель и его солдаты отвечали ей гнусной бранью, оскорбляли, снова называли коровницей, громко кричали, что сожгут ее, как только схватят. Но она без видимого гнева сказала им, что они лгут, и вернулась в город» (Q, IV, 155).

В среду 4 мая Жанна поднялась на рассвете. Еще накануне было получено известие о том, что армия, вернувшаяся в Блуа, вышла оттуда и по всем расчетам должна была наутро прибыть в Орлеан. Войско под командованием маршалов Буссака и Рэ двигалось по правому берегу и благополучно миновало занятые англичанами крепости.

Вместе с Ла Гиrom и другими капитанами Жанна выехала навстречу блуазцам. Она взяла с собой 500 солдат на случай, если англичане попытаются помешать проходу армии. Дюнуа со своим отрядом выехал еще раньше. Но дело обошлось без потерь, так как засевшие в своих укреплениях англичане пропустили войско, не рискнув напасть на него.

Около полудня Жанна вернулась домой и прилегла отдохнуть. Внезапно раздавшиеся звуки набата и громкие крики разбудили ее. Она вскочила и подбежала к окну: по улице в сторону Бургундских ворот бежали люди. Выяснилось, что на холме Сен-Лу идет бой: французский отряд напал на укрепление, но англичане оказывают ожесточенное сопротивление.

Жанна выбежала на улицу, где уже ее ждал оседланный конь. Не успели окружающие опомниться, как она уже мчалась к Бургундским воротам. Навстречу несли {140} раненых. Жанна придержала коня и, наклонившись к одному из них, заглянула в лицо. Потом сказала нагнавшему ее д'Олону, что волосы встают дыбом, когда она видит, как льется французская кровь (D, I, 479).

После трехчасового штурма бастилия Сен-Лу была взята. Англичане потеряли убитыми более ста человек. Победители сожгли укрепление и вернулись в город, ведя с собой сорок пленников.

Взятие Сен-Лу было крупным успехом. Теперь к востоку от города на правом берегу у неприятеля не осталось ни одного опорного пункта, и французы получили возможность подготовиться к атаке на форт Турель, так как англичане уже не могли помешать им переправиться на левый берег со стороны Бургундских ворот. Это была первая победа французов за долгие месяцы осады, после многих неудач и поражений. Вместе с тем сражение на холме было первой битвой, в которой участвовала Жанна, и нетрудно представить себе, как воспряли духом орлеанцы и с каким воодушевлением приветствовали они юную победительницу.

Вечером 5 мая французские командиры собрались на военный совет. На нем присутствовали все военачальники. Но Жанну на совет не пригласили. За ней послали уже после того, как выработали план действий. Ей было сказано, что совет решил произвести на завтра атаку правобережного английского лагеря Сен-Лорен, который находился против западных ворот. Это была правда, но не вся. На самом деле штурм Сен-Лорена был задуман как отвлекающая операция. Предполагалось, что, пока часть солдат будет штурмовать лагерь, остальные переправятся через Луару и нападут на Турель — ключевую позицию осаждающих.

Жанне ни слова не сказали о штурме Турели, но она сразу заподозрила, что от нее что-то скрывают. Здравый смысл подсказывал ей, что, если даже атака правобережного лагеря окажется успешной, это не приведет к снятию осады; пока неприятель владеет Турелью, он является хозяином положения.

Далее произошла сцена, о которой рассказывает лишь один источник, но в данном случае

¹ Силы сторон могут быть определены лишь приблизительно. По мнению Р. Перну (94, 57), которая опирается здесь на подсчеты Буше де Моландона (24, 131—143), общая численность англичан к концу осады достигала семи тысяч человек, куда входили и гарнизоны крепостей на Луаре. С другой стороны, Ф. Лот (81, II, 214) полагал, что войско осаждающих насчитывало самое большее три с половиной тысячи бойцов. Что касается французов, то их силы, действующие в Орлеане, состояли из гарнизона, численность которого у разных авторов колеблется от семисот (Ф. Лот) до двух тысяч (41, 138) человек, трехтысячного городского ополчения, отрядов, пришедших в Орлеан в конце апреля, накануне вступления Жанны, и насчитывавших в общей сложности шестьсот пятьдесят бойцов, и трехтысячного войска, собранного в Блуа и посланного с Жанной (89, III, 20).

надежный, — официальная хроника королевского историографа Ж. Шартье: «Выслушав это, Жанна ответила: „Скажите мне, что вы решили. Я умею хранить и более важные секреты". {141} Говоря это, она ходила по комнате взад и вперед, не присаживаясь. И тогда Орлеанский батард сказал ей следующее: „Не сердитесь, Жанна, невозможно сказать все сразу. Мы действительно так решили. Но если [англичане] с левого берега придут на помощь гарнизону бастилии Сен-Лорен и другим бастилиям на этой стороне, мы переправимся на левый берег и нападём на тех, кто там остался. Это решение кажется нам разумным". Жанна-Дева ответила, что она вполне удовлетворена и что этот план кажется ей вполне разумным» (Q, IV, 57). Она и в самом деле была довольна, так как узнала все, что хотела, и теперь ей было ясно, что нужно делать.

Утром 6 мая Жанна высадилась на левый берег одной из первых. Пока солдаты в поисках добычи обшаривали покинутый пост Сен-Жан-Ле-Блан, девушка повела своих людей на приступ укрепления Огюстен, прикрывавшего подступы к Турели. Первая попытка была неудачной. Нападающих было слишком мало, и англичане оттеснили их почти к самой реке. Жанна и Ла Гир со своими людьми прикрывали отход. И вдруг, когда гибель отряда казалась неминуемой, Жанна обернулась в сторону преследователей и ровным мерным шагом с развернутым знаменем двинулась им навстречу. Англичане опешили. Они растерялись на какие-то минуты, но то были решающие минуты. В этот момент на помощь подоспели отряды маршала Рэ, и англичане отступили.

Преследуя врага, французы ворвались на земляной вал. Жанна укрепила на насыпи свое знамя, к которому устремились бойцы. В проходах между рвами завязался рукопашный бой. Но англичане не смогли противостоять натиску атакующих, и французы овладели укреплением.

Теперь предстояло самое трудное — взятие Турели. Штурм форта был назначен на следующий день. Оставив в захваченном укреплении отряд, французы вернулись в Орлеан.

Утром 7 мая французское войско пошло на штурм Турели. Сражение за Турель длилось весь день. Форт обороняли лучшие английские солдаты, которыми командовал опытный Гласдель. Главный удар французы наносили против высокой баррикады, защищавшей форт со стороны предместья Портеро. Жанна шла впереди штурмующих. Французы уже несколько раз достигали самого подножья баррикады, но взобраться на нее не могли. {142}

После полудня натиск заметно ослабел. Солдаты устали, потеряли многих своих товарищей, уже с меньшей энергией подымались они для атаки на казавшуюся неприступной баррикаду. Тогда Жанна схватила лестницу, приставила ее к стене и с криком: «Кто любит меня, за мной!» — начала подыматься к гребню укрепления. Она преодолела несколько ступеней, как вдруг зашаталась и упала в ров. Стрела из арбалета вонзилась ей в правую ключицу.

Ее подняли, отнесли в сторону и положили на траву. Она приказала снять с себя панцирь и вытащила из тела стальной наконечник стрелы. К ране приложили тряпку, пропитанную жиром, вскоре девушка снова была на ногах.

Возобновившийся штурм не дал никакого результата. Французские военачальники поговаривали о том, чтобы отложить сражение на завтра. Дюнуа уже приказал было трубить отбой, и Жанна с трудом уговорила его подождать немного. «Не отступайте, — сказала она, — вы очень скоро возьмете крепость, не сомневайтесь в этом. Пусть люди немного отдохнут, поедят и попьют. Англичане не сильнее вас» (Q, IV, 160).

После короткого отдыха солдаты выстроились для решающего штурма. «Идите смело, — сказала Жанна. — У англичан нет больше сил защищаться. Мы возьмем укрепление и башни!» И первая бросилась к баррикаде, увлекая за собой остальных. У подножья укрепления взвился хорошо известный всем штандарт: его доставил туда солдат Баск. Французы ворвались на баррикаду. Одновременно другой отряд пошел в атаку со стороны моста. Через разрушенный пролет было переброшено несколько бревен, и по ним устремились солдаты.

Англичане побежали. Они толпились на узком подъемном мосту, соединяющем форт с берегом. Тогда французы подожгли заранее припасенную барку, которую нагрузили смолой, паклей, хворостом, оливковым маслом и другими горючими материалами, и пустили ее по течению. Огромный пылающий «снаряд» ударился о деревянный настил и поджег его. Огонь перекинулся на форт, запылала балка и стропила. Когда по настилу проходила последняя группа англичан с Гласделем во главе, мост рухнул, и все находившиеся на нем оказались на дне Луары. {143}

В шесть часов вечера остатки гарнизона Турели прекратили сопротивление. Спустя еще три часа Жанна первая проехала по только что восстановленному мосту и вошла в Орлеан через южные ворота.

А назавтра, в воскресенье 8 мая, английские военачальники Суффолк и Талбот увели своих людей из-под стен города.

За снятием осады с Орлеана последовало несколько блестящих побед, завершивших разгром англичан в долине Луары. 11 июня семитысячное французское войско вышло из Орлеана и направилось к крепости Жаржо, где находилась часть английской армии. На следующий день город был взят штурмом. Под Жаржо французы захватили в плен многих англичан, в том числе графа Суффолка и его брата Джона Пуля. Другой английский отряд, ушедший из-под Орлеана, укрылся в стенах Менга и Божанси; им командовали Талбот и Фастолф. Французы 15 июня овладели Менгом, а 17 июня они появились у Божанси, и в тот же день гарнизон крепости капитулировал. Назавтра войска сошлись для битвы у деревни Пате. {144}

До сих пор французы выбивали англичан из укреплений, теперь же им предстояло встретиться с ними в открытом поле. Англичане, получившие незадолго до этого подкрепления, были еще

очень сильны, и многие французские военачальники сомневались в исходе сражения. Вот какой разговор состоялся между Жанной и главнокомандующим французской армией герцогом Алаисонским: «Будем ли мы сражаться, Жанна?» — «Есть ли у вас добрые шпоры?» — «Чтобы удирать?» — «Нет, чтобы преследовать! Побегут англичане, и вы должны будете крепко пришпорить вашего коня, чтобы догнать их» (D, I, 322).

Эти слова оказались пророческими: 18 июня в битве при Пате французы одержали полную победу. Их авангард внезапно атаковал английских лучников, которые еще не успели приготовиться к бою, и смял их ряды. А в это время основные силы французов двинулись в обход. В рядах английских рыцарей, которые за последнее время утратили свою былую самоуверенность, поднялась паника. Сигнал к отступлению подал Фастолф, умчавшись первым с поля боя. За ним последовали другие всадники, оставив пехоту без защиты. Победители захватили в плен 200 человек, среди них был сэр Джон Тал-бот, знаменитый английский полководец того времени, одно имя которого наводило ужас на противников. Говорили, что число убитых англичан чуть ли не в десять раз превышало число пленных.

В результате «недели побед» вся долина Средней Луары была очищена от англичан. Наступал перелом в ходе Столетней войны. {145}

ПОСЛЕ ОРЛЕАНА. НА ГРЕБНЕ СЛАВЫ

Каковы были отклики на известие о победе под Орлеаном? Начнем с далеких. О реакции за пределами Франции мы можем судить по очень интересному источнику. Это «Хроника Антонио Морозини», названная так по имени ее составителя, знатного венецианца, жившего в первой трети XV в. Отчасти это действительно хроника Венеции, отчасти же собрание писем и донесений, адресованных самому Морозини и другому нобиллю Марко Джустиниани. Эти документы охватывают почти четыре десятилетия (1396—1433 гг.), причем особенно обильная корреспонденция приходится на 1429—1433 гг.

Венецианцы недаром слыли в те времена самыми искусными дипломатами, самыми ловкими разведчиками и самыми осведомленными политиками. Они раньше других поняли, каким ценным товаром является информация, и приобретали этот товар везде, где могли. Корреспонденты Морозини и Джустиниани занимали очень удобные наблюдательные пункты в Генуе, Марселе, Авиньоне и Брюгге — в центрах коммерции, банковских спекуляций и политических интриг, на биржах секретов, слухов и сплетен. Оттуда регулярно поступала ценная информация, причем преимущественное внимание уделялось дипломатии и войнам.

С лета 1429 г. в корреспонденции, поступающей в Венецию, начинают преобладать сюжеты, связанные с деятельностью Жанны д'Арк. Впрочем, мы напрасно стали бы искать в этих письмах точные сведения о самих событиях: их авторы наблюдали эти события издали, из-за рубежа (ни Марсель, ни Авиньон не входили тогда в состав Французского королевства), часто пользовались информацией из вторых и третьих рук, а подчас и просто передавали непроверенные слухи и предположения. Но именно этим их письма и интересны. В них можно услышать {146} «глас молвы», можно проследить, как складывалось вокруг Жанны общественное мнение, как формировалась оценка ее личности и действий.

Наибольший интерес в этом плане представляет серия писем, которые послал в мае—июле 1429 г. Пан-краццо Джустиниани своему отцу Марко. Он писал из Брюгге, который был не только одним из крупнейших торгово-ремесленных центров Западной Европы, но и столицей Фландрии, входившей, как и другие провинции Нидерландов, в состав «империи» Филиппа Бургундского. Герцог часто наведывался в этот город и оставался там подолгу.

Панкраццо имел обыкновение писать одно письмо в течение многих дней, дополняя его все новыми известиями: видимо, не часто была возможность послать до-верительную информацию с надежным человеком. В результате каждое такое донесение становилось как бы мини-хроникой.

Вот перед нами его письмо, начатое 10 мая. Оно было получено в Венеции 18 июня, т. е. закончено и отправлено из Брюгге 26—28 мая. Оно почти целиком посвящено французским делам.

«Мессир, — начинает Панкраццо, — я уже вам писал 4-го сего месяца и сообщал о том, как упорно осаждали англичане Орлеан в течение полугода. Я писал вам также с том выстреле из бомбарды, коим был убит их предводитель граф Солсбери. Вслед за этой потерей англичане, не щадя ни денег, ни людей, употребили все силы, дабы еще больше сжать осаду, — как для того, чтобы отомстить за смерть своего предводителя, так и для того, чтобы стяжать победу. В самом деле, если бы они взяли Орлеан, то смогли бы легко стать хозяевами Франции, а дофина отправить в богадельню» (89, т. III, 16).

Сказано очень точно. Ни у кого из других современников мы не обнаружим такой лаконичной и выразительной оценки ситуации.

Затем следует пассаж, посвященный безрезультатным переговорам Филиппа Доброго с Бедфордом о снятии осады с Орлеана и установлением над этим городом англо-бургундского кондоминиума. Джустиниани подчеркивает, что союзники расстались весьма недовольные друг другом. {147}

Он продолжает через несколько дней: «Пришли сюда известия из Парижа — в письмах, через

курьеров и купцов и многими другими путями, и мы знаем, что эти новости достоверны. Стало известно, что 4-го сего месяца все силы, которые мог собрать дофин, числом в 12 000 отборных рыцарей под командованием Шарля Бурбона, сына герцога, а также зятя герцога Орлеанского (т. е. герцога Алансонского. — *В. Р.*) и Орлеанского батарда, и которые уже долгое время продвигались вперед, вошли в город с большим количеством продовольствия. Оттуда они беспрестанно устраивали вылазки и стычки, а затем, 7-го сего месяца, в полдень, взяли самое большое и очень сильное укрепление, которое находилось на противоположном берегу реки и поэтому не могло получать помощь из других укреплений. Они не штурмовали это укрепление, но подожгли его так искусно, что оно полностью сгорело, и все англичане, которые находились там, погибли в огне, их было 600 человек, цвет армии.

Были взяты и другие укрепления, числом двенадцать, а все их защитники убиты, кроме около полутора сотен французов и англичан, каковым удалось спастись. Пленных взяли мало. Среди капитанов называют лишь одного убитого (то был Вильям Гласдель. — *В. Р.*), среди пленных же — графа Суффолка, графа Талбота, сьера де Скаль и многих других сеньоров, людей ценных¹» (89, т. III, 34).

Любопытно, как в этом рассказе отразились две противоположные версии. Одна исходит от побежденных. Она объясняет успех французов теми причинами, которыми побежденная сторона обычно оправдывает свою неудачу: противник имел большой перевес сил (12000 отборных рыцарей), обороняющиеся действовали в невыгодной обстановке (форт Турель был отрезан от остальных укреплений), противник воевал не по правилам и варварскими методами (французы не штурмовали Турель, а сожгли форт). Другая версия исходит от сторонников «французской партии» в Париже; она преувеличивает потери англичан, называет среди пленных тех военачальников, которыми еще предстояло оказаться в плену. Не было в те {148} дни под Орлеаном ни «героя» злополучного «дня селедок» графа Клермона (Шарля Бурбона), ни герцога Алансонского. О Жанне — ни слова.

Очень интересна следующая часть письма. В ней Джустиниани говорит о значении победы под Орлеаном и о позиции Филиппа Бургундского по отношению к своим союзникам. Герцог находился тогда в Брюгге, и Джустиниани имел, очевидно, падежных осведомителей в его окружении. «А теперь отдайте себе отчет в том, что за все шестнадцать лет, что уже длится война, [у англичан] не было столь скверного дня. Один бог знает, как вся страна радуется этой вести. И если меня доверительно спросят, я отвечу, что сеньор герцог, который сейчас находится здесь, испытывает от этого не меньшее удовольствие, чем другие. В его интересах, чтобы могущественные англичане были бы слегка побиты и чтобы другие истребляли бы друг друга, и еще я вам скажу, что если бы герцог Бургундский захотел, хотя бы на словах, помочь своему родичу из другой партии (т. е. дофину Карлу. — *В. Р.*), то уже к Иванову дню (24 июня) не осталось бы [во Франции] ни одного вооруженного англичанина» (89, т. III, 38).

Затем Джустиниани возвращается к событиям, предшествовавшим снятию осады, и вот тогда впервые появляется в его письме Жанна — впрочем, неназванная: «Недели за две или даже больше до этого известия без конца говорили о множестве пророчеств, которые ходили по Парижу; они были согласны друг с другом в том, что дофин должен очень преуспеть. По правде говоря, мы с одним итальянцем держались одного и того же мнения и сильно потешались над этим, особенно над некоей девственницей, овечьей пастушкой (ч-агйагеза ас р!е§оге) родом из Лотарингии, которая месяца полтора тому назад явилась к дофину и желала говорить только с ним и ни с кем больше. Короче говоря, она ему заявила, что ее послал к нему бог, а потом сказала, что он наверняка будет к Иванову дню в Париже, даст сражение англичанам, выиграет его и будет коронован в Париже. Затем [она сказала, что] он должен собрать своих людей, доставить продовольствие в Орлеан, дать англичанам сражение, которое он наверняка выиграет и заставит их снять осаду к их великому конфузу. Я мог бы также вам упомянуть о том, что дофин имел благодаря ей откровение о великих {149} событиях, относительно чего я, как все прочие, пребываю в недоумении.

Я сообщил вам слово в слово и лишь то, что содержится в полученных мною письмах. На сегодня же то, что она говорила, исполнилось. Говорят, что автором этих писем является некий англичанин по имени Лоуренс Трент, человек почтенный и не болтун, так что он и сам пишет, видя, что говорится об этом в донесениях стольких достойных и заслуживающих доверия людей: „Это сводит меня с ума". Он сообщает, между прочим, что многие бароны относятся к ней с почтением, равно как и простолудины, а те, кто смеялся над ней, умерли плохой смертью. Ничто не является, однако, столь ясным, как ее бесспорная победа в диспуте с магистрами теологии, так что кажется, будто она — вторая святая Екатерина, сошедшая на землю, и многие рыцари, которые слышали, какие удивительные речи произносила она каждый день, считают это за великое чудо.

Раньше, до того как французы вошли в Орлеан, я не знал, чему я должен верить из того, что мне сообщали, кроме того, что поистине велико могущество господина. И если бы не письмо, которое я получил по этому поводу из Бургундии, я бы ничего не сказал вам об этом, ибо все это может показаться скорее баснями, нежели правдой. А я за что купил, за то продаю».

Упомянув затем о последней новости — предстоящем браке Филиппа Бургундского и португальской принцессы, Джустиниани вновь возвращается к Жанне в самом конце письма:

¹ «Ценных» — здесь в прямом смысле слова, т. е. тех, за кого можно взять большой выкуп.

«Сообщают далее, что сия девица должна свершить два великих дела, а потом умереть. Да поможет ей бог...» (89, т. III, 54).

Такое первое сообщение о Жанне в письме Панкраццо Джустиниани. Какой же видится она из далекого Брюгге? Что из ее реального облика и действительной истории сохранила молва, передавая вести о ней с гонцами и купеческими караванами? Какой предстает она перед венецианцем эпохи Кватроченто, перед купцом, дипломатом и разведчиком, т. е. перед человеком совершенно иной культуры, иного психологического склада, нежели она сама и ее окружение?

Джустиниани растерян. Это чувствуется даже по стилю той части его послания, где говорится о Жанне. {150} Эта часть очень заметно отличается от других: исчезает уверенный тон, пропадают трезвые оценки, прозорливые суждения, меткие метафоры. Джустиниани не знает, чему верить. Он не берет на себя ответственность за достоверность сведений («за что купил, за то продаю») и готов повторить вслед за Лоуренсом Трентом: «Это сводит меня с ума». И хотя его симпатии явно на стороне Жанны, знает он о ней очень мало. Ему известен самый факт ее появления при дворе дофина. До него дошли какие-то слухи о первом свидании Жанны с Карлом. Он знает в самой общей и неопределенной форме о расследовании в Пуатье, причем само это расследование понимает как диспут (аезри Басшп), а его результаты — как победу Жанны над теологами. Вот, пожалуй, и все, что он знает.

Но он не знает даже ее имени. И самое главное — ему неизвестен факт кардинального значения: непосредственное участие Жанны в боевых действиях под Орлеаном. Мы уже видели, что сообщение Джустиниани об обстоятельствах снятия осады вообще изобилует неточностями, но непонятно, каким образом даже в этом рассказе не {151} нашлось места для Жанны. Здесь возможно единственное объяснение: по всей вероятности, об этом не было упоминаний той поступившей в Брюгге «многими путями» информации, на которую опирался Джустиниани. А это в свою очередь вызывает недоумение, так как известно, что уже 10 мая, через день после ухода англичан из-под Орлеана, в Париже не только официально объявили, что «люди дофина» сняли осаду, но и говорили, что они имели в своих рядах некую «деву со знаменем». Именно ее изобразил в тот день на полях регистра Парижского парламента секретарь Клеман де Фо-кемберг. Этот рисунок на полях важнейшего государственного документа — красноречивое свидетельство того, как сильно был поражен парламентский секретарь новостью о «деве со знаменем». Легко представить себе, как должны были обсуждать эту новость на парижских площадях, улицах, в лавках... И тем не менее в первом потоке сообщений, достигшем Брюгге где-то около 20 мая, об этом, очевидно, ничего не говорилось, так как в противном случае Джустиниани безусловно упомянул бы о столь важном факте. Возможно, это произошло потому, что сами информаторы Джустиниани не поверили на первых порах слуху о «деве со знаменем» или не придали ему серьезного значения. (Поначалу это был именно слух; Клеман де Фокемберг сообщает об этом в очень осторожной форме: «как говорили»). Впрочем, они вообще еще очень плохо знали, каковы были действительные обстоятельства снятия осады: вспомним, что это с их слов Джустиниани поставил во главе французского войска графа Клермона и герцога Алансонского.

Но как бы там ни было, роль, которая отведена Жанне в послании Панкраццо Джустиниани, вполне ясна. Это прежде всего роль прорицательницы. Безымянная девица (аапихеIа), появившаяся при дворе дофина, предвещает грядущие победы. Она сама становится объектом пророчества (должна свершить два великих деяния, а потом умереть); при ее посредстве дофин посещает откровение. Впрочем, она — нечто гораздо большее, нежели придворная сивилла. «.. Кажется, будто она — вторая святая Екатерина, сошедшая на землю». Овечья пастушка, она выходит победительницей из диспута с учеными мужами; те, кто смеялся над ней, умирают плохой смертью. В ее речах содержится «много чудесного», они кажутся слушателям {152} «великим чудом». «Чудесное» и «чудо» — здесь не просто эпитет и метафора; точно так же как сопоставление со святой Екатериной не является в данном случае лишь образным сравнением. Все это — определение самой сущности явления: согласно господствовавшим представлениям, чудо — привилегия и атрибут святого. Мы видим, как быстро молва (общественное мнение) са-кразлиует образ Жанны, приписывая (точнее, предписывая) ей «нормативное» поведение чудотворной Девы, как быстро массовое сознание перерабатывает реальные факты в легенду. В этом плане письмо Джустиниани представляет собой очень ценное свидетельство.

Итак, судя по письму Джустиниани, Жанна, еще в сущности ничего не сделав, одним своим появлением произвела на современников впечатление чуда. Легко представить, как должно было усилиться это впечатление после победы под Орлеаном. «Чудеса», «великие чудеса», «божья посланница», «прекрасный ангел, посланный богом для спасения славной земли Французской», — эти и подобные выражения постоянно встречаются в сообщениях корреспондентов Морозины летом 1429 г. Один из них, мессир Джованни де Молина, писал 30 июня из Авиньона: «Вот уж воистину великие чудеса! Чтобы за два месяца девчоночка смогла бы одна, без солдат, завоевать столько земель, — разве не верный знак того, что все эти деяния свершены не человеческой доблестью, но богом?.. Я вас уверяю, что без божественного вмешательства дофин еще два месяца тому назад должен был бы бежать, все бросив, потому что ему нечего было есть и не на что было содержать даже пятьсот воинов. Но посмотрите, как помог ему бог. Подобно тому как через женщину, богородицу святую Марию, он спас род человеческий, он таким же образом спас через эту чистую и непорочную деву лучшую часть христианского мира» (89, т. III, 80). Здесь мы имеем дело с дальнейшей мифологизацией образа Жанны: она одна освобождает обширные территории, и сравнивают ее уже не со святой Екатериной, а с самой пречистой девой.

Победа под Орлеаном и разгром англичан в долине Луары произвели на современников ошеломляющее впечатление. Решительно всем было ясно, что это не только выигрыш одной, пусть

даже очень важной, кампании и не просто блестящий военный успех, но событие, которое {153} в корне изменило всю политическую обстановку в стране. «Все шло хорошо до осады Орлеана, предпринятой бог знает по чьему совету», — мрачно констатировал в 1434 г. сам Бедфорд в письме к Генриху VI. По его мнению, нужно было идти на Анжер. «А затем, — продолжал он, — рука всевышнего, как кажется, причинила великий ущерб вашим людям, собравшимся там в большом числе. Причина этого ущерба во многом состоит, по-моему, в их ложной вере и безумном страхе перед приспешницей и ищейкой дьявола, прозванной Девой, которая пользовалась чародейством и колдовством. Все эти неудачи и поражения не только намного уменьшили число ваших людей, но и удивительным образом отняли мужество у тех, кто остался; храбрость же и число ваших противников и врагов намного возросли» (Q, V, 137). Орлеан и Пате заставили английское правительство отказаться от планов завоевания Франции. Бедфорд приказал готовить Париж к обороне.

Многим уже казалось, что окончательное изгнание англичан из Франции — дело самого близкого будущего. Слухи намного опережали события, отражая ту обстановку нетерпеливого ожидания полной победы, в которой жила страна. Уже упоминавшийся выше Джованни де Мо-лина писал в июле из Авиньона, что, по дошедшим туда слухам, 23 июня Дева вступила в Руан, а назавтра, в ива-нов день, дофин без боя занял Париж, объявив общую амнистию (89, т. III, 61). В другом письме из Генуи от 1 августа говорилось о сенсационном известии, которое якобы привез в Милан некий Джорджо де Валеперга, итальянский капитан на службе дофина: армия Девы одержала новую грандиозную победу, ходит слух, будто дофин уже в Париже, Бедфорд убит в бою, а герцог Бургундский взят в плен. В действительности же Париж был освобожден только через семь лет, а Руан ждал своего часа целых два десятилетия...

До полной военной победы было еще очень далеко. Но сами слухи о ней свидетельствовали о перевороте в общественном настроении, говорили о том, что французы уже одержали очень важную моральную победу. После Орлеана и Пате англичане навсегда лишились того ореола непобедимости, который окружал их почти полтора десятилетия, со дня битвы при Азенкуре. Французы и сами окончательно убедились в том, что ведут справедливую {154} войну, и убедили в этом общественное мнение в других странах: ведь они победили с помощью «посланницы неба», а, согласно господствовавшему тогда теологическому учению о войне, бог дарует победу лишь тому, кто воюет за правое дело. Именно так, кстати сказать, объяснял прежде английские успехи Генрих V. Теперь же роли переменялись.

Летом 1429 г., когда Жанна находилась на гребне славы, ее популярность принимала подчас самые неожиданные формы. Так, 2 июня муниципалитет Тулузы принимает решение: сообщить Деве о тех пагубных последствиях, к которым приводит порча монеты, и спросить у нее, как с этим бороться (Q, V, 217). Порча монеты, т. е. ухудшение состава входящих в нее благородных металлов, уменьшение веса и т. д., действительно оказывала пагубное влияние на финансы и торговлю. Но какой же могущественной должна была казаться юная «посланница неба», чтобы члены городского совета Тулузы, богатейшие купцы и денежные воротилы обратились к ней за советом! Трудно сказать, ждали ли они от нее некоего «экономического чуда» или рассчитывали на ее влияние при дворе, но так или иначе этот эпизод ярко характеризует настроение умов во Франции и отношение к Жанне после Орлеана. А ведь Тулуза — это Лангедок, далекий Юг...

Тулузские магистраты смотрят на Жанну издали. А вот двое знатных юношей, братья де Лаваль, видят ее с очень близкой дистанции. Они описывают встречу с Жанной в письме от 8 июня к матери и бабке. Собственно говоря, пишет старший из братьев — Ги; младший же, Андре, будущий адмирал и маршал Франции, лишь ставит свое имя. Письмо Ги де Лавала замечательно во многих отношениях. Написанное через месяц после снятия осады с Орлеана, в самый канун «недели побед» (до Жаржо оставалось три дня, до Божанси — девять, до Пате — десять), оно с редкостной непосредственностью и свежестью восприятия воспроизводит и облик Жанны, и окружавшую ее атмосферу общего энтузиазма.

Описав свой приезд в Сент-Эньян, где находился тогда двор дофина и где его ждал ласковый прием, Гп де Лаваль переходит к рассказу о первой встрече с Жанной: «В понедельник [6 июня] я оставил короля и {155} отправился в Селль-ан-Берри, что в четырех лье от Сент-Эньяна. Король приказал Деве, которая там находилась, прибыть к нему; некоторые говорили, что это было сделано в мою честь, чтобы я мог ее увидеть. Названная Дева была очень добра ко мне и к брату; она была в полном вооружении, но без шлема и держала в руке копье.

Когда мы приехали в Селль, я навестил ее в том доме, где ей было отведено жилище. Она распорядилась подать мне вина и сказала, что скоро я буду пить вино в Париже. Видеть и слышать ее — кажется, что в этом есть нечто божественное. В тот же понедельник вечером она отправилась из Селля в Роморантен, что на три лье ближе к месту предстоящих военных действий (речь шла о Жаржо.—В. Р.); ее сопровождал маршал де Буссак с большим числом воинов и простолудинов.

Я видел, как она садилась на коня в простых доспехах, без шлема, держа боевой топорик. К ней подвели большого вороного коня; он бесновался и не давал сесть на себя».

И тогда прямо на глазах восхищенного юноши Жанна сотворила маленькое чудо: «Она сказала: „Подведите его к кресту“. Этот крест стоял перед церковью, у дороги. И конь встал, как вкопанный, и не пошевелился, пока она на него садилась. Потом, обратившись к священникам и церковным служкам, стоявшим у входа в храм, она сказала: „Молитесь и устраивайте процессии!“ После чего обернулась к своим людям и приказала: „Вперед! Вперед!“ И милостивый паж поскакал за ней со свернутым штандартом, а сама она по-прежнему держала боевой топорик.

Вместе с ней уехал ее брат, который прибыл сюда дней восемь тому назад; на нем тоже были до-<спехи» (D, V, 103-107).

Многое объясняет нам эта зарисовка с натуры. Она живо передает обаяние Жанны, ее глубокую веру в победу («скоро я буду пить вино в Париже») и отношение к ней окружающих. В самом деле, мы никогда не узнаем, что там произошло с конем и почему он вдруг смирился, да это и неважно. Важно, какими глазами смотрит на эту сцену сам Ги де Лаваль, который уже заранее настроен на волну ожидания сверхъестественного. Поэтому он с готовностью интерпретирует в этом ключе каждый жест Жанны, могущий дать основание для такой интерпретации. {156} Здесь перед нами вполне отчетливо раскрывается механизм создания легенды о чудотворной Деве.

Письмо братьев де Лаваль носит глубоко личный характер. Это не литературная эпистола и не деловое послание, а обычное письмо, предназначавшееся для родных и друзей. В нем содержатся сведения, интересные только для авторов и адресатов: шурин Лавалей, де Шо-виньи, по-прежнему любит их сестру; Ги де Лаваль выиграл партию в мяч у герцога Алансонского; братьев очень беспокоит здоровье их матушки и т. п. На таком интимном фоне упоминания о Жанне тоже звучат как-то по-домашнему: «Дева сказала мне, когда я был у нее в гостях, что три дня тому назад она послала вам, бабушка, золотое кольцо, но что это мелочь по сравнению с тем, что она хотела бы послать столь достойной женщине, как вы». Этот эпизод объясняется просто: бабушка Лавалей была вдовой прославленного Дюгеслена, «великого коннетабля», который полувеком раньше руководил операциями по изгнанию англичан.

Это письмо, впрочем, интересно не только сведениями о Жанне. Не менее ценно в нем и то, что пишет Ги де Лаваль о самом себе, о своих товарищах и об общем боевом духе французской армии накануне «недели побед». Никто, впрочем, еще не знал наверняка, какой она будет, эта неделя. «В сей понедельник прибыл в Селль монсеньор герцог Алансонский с очень большим отрядом... Говорят, что сюда прибывает монсеньор коннетабль с шестьюстами всадниками и четырьмястами пехотинцами и что Жан де Ла Рош также находится на подходе. У короля такое большое войско, которого давно уже не видели и не чаяли увидеть, потому что никогда еще люди не шли на [ратное] дело с такой охотой, как нынче. Моя рота также растет, но у двора сейчас так мало денег, что я не надеюсь тут ни на какую помощь и поддержку. Поэтому я прошу вас, матушка, продать или заложить мои земли либо же найти другой способ [раздобыть деньги] ради спасения нашей чести, потому что если мы не выплатим жалования [нашим людям], то станемя совсем одни... Я думаю, что завтра к армии присоединится король; люди же приходят сюда каждый день со всех сторон. Как только что-то произойдет, я немедленно сообщу вам об этом. Полагают, что все дело не займет более десяти дней, так как ни одна из сторон не намерена медлить. Наши {157} все имеют столь крепкую надежду на бога, что он, я верю, нам поможет».

Заканчивается письмо так: «Сегодня вечером сюда прибыли монсеньор де Вандом, монсеньор де Буссак и другие [капитаны], на подходе Ла Гир, и скоро мы начнем действовать. Да соблаговолит господь, чтобы все произошло по наитому желанию» (Q, V, 111).

Имя Ги де Лавала вскоре начнут упоминать хроники в ряду имен сподвижников Жанны, а его письмо, обнаруженное в семейном архиве еще в середине XVII в. и тогда же опубликованное, сохранится в истории как яркое свидетельство патриотического подъема во Франции на переломном этапе Столетней войны.

«... Никогда еще люди не шли на [ратное] дело с такой охотой, как нынче». «... Прошу вас, матушка, продать или заложить мои земли». «... Люди приходят сюда каждый день со всех сторон...». После этого письма уже как-то по-другому, с полным доверием и более глубоким пониманием, читаешь сообщение «Хроники Девы» о солдатах, согласившихся служить за мизерную плату, о сеньорах, капитанах и всадниках, приходивших во французскую армию со всех сторон, о бедных дворянах, которые, не имея средств на покупку боевого коня и доспехов, шли служить простыми лучниками и копейщиками. «Ибо каждый имел великую надежду на то, что благодаря сей Жанне причинится много блага королевству Французскому» (D, IV, 254).

Еще один отклик.

«Я, Кристина, та, что одиннадцать лет проливала слезы, заточив себя в монастырь, когда измена изгнала принца Карла из Парижа, — я теперь смеюсь в первый раз» (Q, V, 4).

Это пишет 31 июня 1429 г. знаменитая Кристина Пи-занская. Уроженка Венеции, она почти всю жизнь прожила во Франции и приобрела там славу первой поэтессы королевства. Она ратовала за политическое единство страны и еще в 1417 г., когда Филипп Добрый заключил союз с англичанами, демонстративно покинула Париж и удалилась в монастырь.

И вот теперь, узнав о победе под Орлеаном, эта старая женщина (ей было около 70 лет) берется за перо и {158} прославляет подвиг Жанны поэмой, полной юношеского энтузиазма. Эта поэма, отрывки из которой даются здесь в прозаическом переводе, — последнее творение поэтессы и первое литературное произведение, посвященное Жанне д'Арк.

Кристина воспринимает недавние бедствия Франции как национальную катастрофу и личное несчастье — в этом и заключается гражданский пафос ее поэмы. Франция была долгие годы погружена во мрак, но «в год четыреста двадцать девятый вновь воссиял солнечный свет в снова настало то доброе время, которого долго не видели наши глаза. Многие жили в печали, и я в том числе, а ныне нет больше печали и горя, и радуюсь я, потому что взираю на то, что желала

увидеть».

Своим возрождением Франция обязана Жанне: «Ты, Жанна, в добрый час рожденная...». Кристина сравнивает Жанну с библейскими героинями — Эсфирью, Юдифью и Деборой, находя, что Дева превосходит их доблестью.²

Жанна в глазах Кристины Пизанской — существо необыкновенное. «Разве не против природы, что девочка шестнадцати лет не чувствует тяжести лат, но носит их так, словно приучена к этому с детства?» Никто не может ей сопротивляться: она обращает в бегство врагов, очищает от них Францию, освобождает крепости и города. «Она первый предводитель наших храбрых и искусных воинов и обладает силой, какой не имели ни Гектор, ни Ахилл» (Q, V, 7, 14).

Подобно другим своим соотечественникам, Кристина видит в этой «девочке шестнадцати лет» орудие бога, называет ее «божьем ангелом», а ее деяния объявляет чудом. В этом она неоригинальна. Но вот что интересно: деяния Девы не сводятся, по мысли Кристины Пизанской, к «конкретным» чудесам локально-событийного плана, даже таким важным и явным, как снятие осады с Орлеана. Дева сотворила чудо более высокого и общего порядка: она спасла Францию. «Вот невиданная вещь, достойная {159} памяти в любом краю: Франция, о которой уже шла молва, будто она повержена и прах, вдруг так изменилась божественной волей к великому благу» (Q, V, 17).

Восставшая из праха страна, воскресший народ — в этих образах раскрывается основная мысль поэмы Кристины Пизанской о национальной катастрофе и о возрождении, а Жанна предстает в качестве национальной героини. Именно на такое осмысление роли Девы наводило читателя и сравнение с библейскими героинями.

В этом суждении о Жанне Кристина Ливанская не была одинока. Ей вторил здесь другой известный поэт и ученый-гуманист Ален Шартье. Поборник независимой Франции, он еще в 1422 г., в самую мрачную пору англобургундской оккупации, написал знаменитый «Обвинительный диалог», в котором воззвал к национальным чувствам французов. А спустя семь лет, в июле 1429 г., Ален Шартье, подобно Кристине Пизанской, славит в Жанне д'Арк спасительницу отечества и национальную героиню. В его латинском послании, адресованном кому-то из европейских государей (по всей вероятности, германскому императору или савойскому герцогу), но явно предназначенном для широкого распространения, мы читаем: «Подобно тому как Троя могла бы воснеть Гектора, Греция гордится Александром, Африка — Ганнибалом, Италия — Цезарем... так и Франции, хотя она и без того знает много великих имен, достало бы одного имени Девы, чтобы сравниться в славе с другими народами и даже превзойти их» (Q, V, 136).

И опять-таки здесь отнюдь не риторика и не просто образное историческое сравнение. Общественная мысль Средневековья и Ренессанса обращалась к библейским и античным образцам для осмысления современности: историческая аналогия была средством познания. Сравнивая Жанну с величайшими героями древности, которые характеризуются в данном случае с точки зрения их «национальной принадлежности», Ален Шартье определял как природу «феномена Девы», так и масштабы ее личности. И для него, так же как и для Кристины Пизанской, Жанна, будучи посланницей неба (он говорит об этом в другом месте своего послания), является вместе с тем и великой национальной героиней, спасшей и прославившей свое отечество. {160}

Современному читателю это может показаться трюизмом. Для современников Жанны это было открытием.

Жанна «не создала национального чувства, так как это чувство существовало до нее и помимо нее», — справедливо замечает А. Боссюа, изучавший проблему становления национального самосознания во Франции в период Столетней войны (26, 132). Действительно, само появление Жанны д'Арк на исторической арене было обусловлено наряду с другими причинами уже существовавшим к этому времени национальным чувством. Но верно также и то, что деятельность Жанны знаменовала собой важный этап в развитии национального самосознания французского народа. Она способствовала кристаллизации патриотических и национальных чувств, в том числе и национальной гордости. В этом состоит один из важнейших объективных результатов подвига Жанны. {161}

² Такое же сравнение содержится в богословском трактате Жана Жерсоиа о божественном характере миссии Девы, написанном летом 1429 г., а на миниатюре рукописи поэмы Мартина Леф-рапа «Защитник женщин» (ок. 1440 г.) изображены «Дама Юдифь и Жанна-Дева» (см. с. 86).

РЕЙМС -ПАРИЖ -КОМПЬЕНЬ

После Пате Жанна посетила Орлеан, где ей была устроена триумфальная встреча. Ждали дофина, даже украсили улицы к его торжественному въезду, но он так и не появился. Все эти дни Карл оставался гостем Ла Тре-мулья в замке Сюлли-сюр-Луар, всего в пятидесяти километрах от Орлеана. «И многие были тем недовольны», — замечает по этому поводу автор «Хроники Девы».

Первая после «недели побед» встреча дофина с Жанной произошла в знаменитом аббатстве Сен-Венуа-сюр-Луар, на полпути между Сюлли и Орлеаном. Свидетель этой встречи, президент Счетной палаты Симон Шарль рассказывал в 1456 г., что Карл, «испытывая к ней жалость из-за выпавших на ее долю тяжких трудов, приказал ей отдохнуть. И тогда Жанна сказала королю со слезами, чтобы он не сомневался в том, что вернет все королевство и в скором времени будет коронован» (D, I, 400). Что стояло за этой сценой? Почему дофин настаивал на отдыхе, когда было ясно, что нельзя медлить ни дня? И почему Жанна должна была со слезами па глазах умолять дофина не сомневаться в том, что он будет коронован?

Ответить на это трудно. Возможно, Карлу было действительно жаль измученную девушку: уже больше четырех месяцев она не знала, что такое отдых. Вокулер, Ши-нон, Пуатье, Орлеан, Пате — каждый из этих этапов требовал колоссального напряжения сил. Но возможно, что мы имеем здесь дело с попыткой если не отстранить Жанну от участия в государственных делах, то по крайней мере сократить степень ее влияния. Предполагать это позволяет та подчеркнутая сдержанность в официальном признании заслуг Жанны со стороны правительства, которая находится в резком контрасте с восторгами общественного мнения. {162}

Из всех людей, с которыми связана история Жанны д'Арк, самой загадочной личностью был Карл. Мы не знаем и, очевидно, никогда не узнаем, что он о ней в глубине души думал и как к ней относился. Но вот бесспорный факт: имя Жанны очень редко встречается в документах, вышедших из канцелярии дофина в период решающих успехов, включая поход на Реймс и коронацию. О ней мельком упоминает «циркулярное письмо», разосланное 10 мая городам в связи с победой под Орлеаном: «... в осуществлении всего этого лично участвовала Дева» (Q, V, 103). Так же мимоходом — в письме к членам Королевского совета Дофине от 19 июня, после Пате: «... наш племянник д'Алапсон и другие сеньоры и капитаны вместе с Девой...» (18, 328). Вот, пожалуй, и все.

Есть, правда, один официальный документ, датированный июнем 1429 г., в котором всячески превозносятся заслуги Жанны, но некоторые обстоятельства заставляют усомниться в его подлинности. Речь идет о грамоте аноблирования некоего Ги де Кайи, орлеанского буржуа, уже владевшего замком Рейи вблизи города. Согласно грамоте, права дворянства были даны ему и его потомкам по мужской и женской линиям по просьбе Жанны и в награду за важную услугу: он, дескать, принимал Деву у себя в замке, «когда она в первый раз подошла к Орлеану», т. е. 29 апреля, после переправы через Луару.

Большая вступительная часть грамоты была посвящена деяниям Жанны. Называя снятие осады с Орлеана великой милостью неба, грамота утверждала: «Сия милость была ниспослана нам покровительством, счастливым появлением и предводительством прославленной Девы, Жанны д'Арк из Домреми, заслуги которой перед нами бесконечны».

«Мы можем достойно вознаградить названную Жанну, — говорилось далее в этом документе, — окружив особыми почестями не только ее одну, но и тех славных воинов, которые поспешили последовать за ней в столь памятной снятии осады, а потом ревностно служили ей в различных сражениях вокруг названного города и в дальнейших походах». Среди этих воинов Жанна якобы назвала первым Ги де Кайи (Q, IV» 343).

Грамота видит в Жанне спасительницу страны: ее появление было той главной милостью неба, «коей была столь счастливо отвращена осада Орлеана, когда наши {163} дела все время клонились к упадку». «Милость неба», «прославленная Дева», «бесконечные заслуги» — судя по этим выражениям, приведенным в документе, дофин превозносит Жанну в словах, едва ли не оставляющих позади себя самые пылкие и возвышенные речи поэтов.

Но при изучении грамоты аноблирования Ги де Кайи выясняется следующее.

1. Происхождение этого документа неясно. Подлинника его никто никогда не видел, а издание было сделано по копии, обнаруженной в бумагах известного провансальского эрудита XVII в. Никола-Клода де Пейреска (1580-1637 гг.).

2. Остается неподтвержденным сообщение грамоты о том, что Ги де Кайи принимал Жанну в своем замке перед тем, как она вошла в Орлеан. Об этом эпизоде не упоминает на процессе реабилитации ни один из свидетелей, сопровождавших Жанну в Орлеан и подробно описавших события 29 апреля. Ничего не говорится об этом и в «Дневнике осады Орлеана», который прослеживает действия Жанны в этот день буквально шаг за шагом. Из «Дневника» видно, что

Жанна и ее спутники действительно провели какое-то время в деревне Шесси, близ которой находится замок Рейи, но ни этот замок, ни его владелец там не названы.

3. Грамота называет Ги де Кайи первым среди соратников Жанны. Но это имя больше не встречается ни в одном источнике.

4. Непонятно, почему Ги де Кайи был аноблирован на полгода раньше самой Жанны и ее родных (декабрь 1429 г.), если грамота определенно связывала получение им дворянства с тем, что он служил Жанне.

5. Заслуги Жанны расписаны в грамоте де Кайи гораздо более подробно, нежели в грамоте аноблирования самой Жанны. При этом, как справедливо заметил (но не объяснил) еще Ж. Кишера, грамоту де Кайи пронизывает общий тон ликования и энтузиазма, вообще не свойственный такого рода документам (Q, IV, 343). Действительно, королевская грамота от 31 июля 1429 г., освобождающая по просьбе Жанны и в знак признания ее заслуг (ситуация, аналогичная аноблированию Ги де Кайи) жителей Домреми от налогов, употребляла для характеристики этих заслуг обычный канцелярский оборот: «большие, важные, знатные и прибыльные». {164}

Эти, а также некоторые другие соображения дают право предположить, что мы имеем здесь дело с подделкой, цель которой заключалась, очевидно, в том, чтобы бросить отблеск славы Жанны д'Арк на безвестного Ги де Кайи и его потомков. Как известно, именно документы генеалогического характера очень часто бывали предметом всевозможных подлогов и фальсификаций. Кто же и почему мог быть в этом заинтересован?

В 1628 г., т. е. спустя два столетия после описываемых событий, появилось второе издание «Краткого трактата об имени, гербе, происхождении и родне Орлеанской девы и ее братьев». Это — единственное сочинение, в котором мы снова встречаем имя де Кайи и узнаем новые подробности. Оказывается, он не только оказал Жанне гостеприимство перед у пленением в Орлеан, но и принимал самое деятельное участие в последующих событиях. По утверждению «Краткого трактата», когда французы штурмовали Турель, именно ему Жанна поручила проследить, когда ее знамя коснется гребня баррикады. Этот эпизод взят из «Дневника осады Орлеана», который к 1628 г. много раз издавался. Там-то как раз имя этого человека не названо; говорится лишь, что он был дворянином.

Итак, автор «Краткого трактата» ставит Ги де Кайи рядом с Жанной в решающий момент решающего сражения. .. А этим автором был, как мы знаем, но кто иной, как Шарль дю Лис (ок. 1559—ок. 1632 г.г.), праправнук младшего брата Жанны, Пьера. А женат он был на Екатерине де Кайи, происходившей по прямой линии от владельца Рейи. .. И вот что еще очень важно: хотя «Краткий трактат» специально посвящен генеалогии семьи дю Лис и ее родственными связям, в нем ничего не говорится об аноблировании Ги де Кайи в июне 1429 г.

Нам представляется, что грамота аноблирования Ги де Кайи появилась на свет после 1628 г. для того, чтобы документально «подтвердить» тезис «Краткого трактата» о давней связи семейств дю Лис и де Кайи, освященной якобы совместными ратными подвигами предков. Во всяком случае ничто не говорит в пользу подлинности этого документа, и очень многое заставляет видеть в нем подделку. Мы не можем, следовательно, принимать за официальную оценку деятельности Жанны и те фразы грамоты, в которых превозносились ее заслуги. Уж очень {165} они отдают, помимо всего прочего, риторикой эпохи барокко. ..

Вернемся, однако, к встрече Жанны с дофином после Пате.

Жанна просила за опального коннетабля Артюра до Ришмона; он со своими людьми участвовал в битве при Пате, мог рассчитывать на прощение и теперь ждал в Божанси решения своей участи. Но перевесило влияние соперника и злейшего врага коннетабля Ла Тремуиля. Дофин не позволил де Ришмону присоединиться к войску, и коннетабль ушел, уведя с собой несколько сотен рыцарей и лучников. «Дева была очень огорчена, — комментирует этот эпизод «Дневник осады Орлеана», — равно как и другие капитаны и члены совета, видя, как он [Карл] отсылает прочь столько добрых и храбрых воинов. Но они не смели говорить об этом, понимая, что король делает все, что угодно Ла Тремуилю» (Q, IV, 178-179).

Демонстративный отказ посетить Орлеан, неожиданное предложение Жанне «отдохнуть», отказ в просьбе допустить в войско отряд де Ришмона — все эти поступки дофина выстраиваются в определенную линию поведения, и за спиной Карла начинает вырисовываться фигура Ла Тремуиля. В самом деле, уж если и было кому опасаться влияния Жанны, так это всемогущему тогда временщику.

Двор переехал в Жьёе, где был назначен общий сбор войска. Со всех сторон приходили добровольцы, привлеченные именем Девы. «Дневник осады Орлеана» определяет общую численность армии в двенадцать тысяч человек (Q, IV, 180), но в этой цифре следует видеть скорее качественный показатель, нежели количественный. Она, так же как и другое круглое число — десять тысяч — часто встречается в различных текстах того времени, означая «много» (ср. наше — «тыма» — первоначально десять тысяч человек). Вспомним, например, что первое письмо Панкраццо Джустиниани также говорит о двенадцати тысячах французов, участвовавших в снятии осады с Орлеана, тогда как их действительное число не превышало семи—восьми тысяч человек. Просто одни считали на десятки, а другие на дюжины. В Жьёе, по-видимому, тоже собралось тысяч семь—восемь; по крайней мере такое число участников похода называет «Хроника герцога Берри». А из текста хроники Жана {166} Шартье можно заключить, что в походе участвовало не более шести—семи тысяч человек (Q, IV, 73). Но дали; и этих людей не на что было содержать, и солдаты получили в качестве аванса за участие в предстоящем походе лишь по три франка, «что было очень мало». Впрочем, этих солдат влекли не

деньги.

Тем временем в Королевском совете спорили о направлении похода. Дюнуа позже вспоминал: «После побед сеньоры королевской крови и капитаны хотели, чтобы король пошел не на Реймс, но в Нормандию. Однако Дева постоянно была того мнения, что нужно идти на Реймс, чтобы короновать короля. Она доказывала это мнение, говоря, что, как только король будет коронован и миропомазан, сила врагов будет все время убывать и в конце концов они не смогут более вредить ни королю, ни королевству» (D, I, 323).

Торопя дофина с походом на Реймс, где по традиции совершалось коронование и помазание на царство французских королей, Жанна исходила из представления о том, что только эта торжественная церемония, таинство превращают наследника престола в полновластного короля, единственного законного правителя страны. Приближенные Карла называли его королем, но в народном сознании грань между наследником престола — дофином и божьим помазанником — королем была очень четкой. Один из королевских советников, Франсуа Гаривель, вспоминал на процессе реабилитации, что, когда Жанну спрашивали, почему она называет короля дофином, а не королем, она отвечала, что не станет называть его королем до тех пор, пока он не будет коронован и миропомазан в Реймсе (D, I, 328). В условиях, когда формально оставалось в силе соглашение в Труа, создавшее двуединую англо-французскую монархию, коронация дофина Карла выбивала из-под ног англичан ту шаткую правовую основу, которой они оправдывали оккупацию Франции. Коронация дофина в Реймсе становилась в этих условиях актом провозглашения государственной независимости Франции. Такова была основная политическая цель похода.

Кроме того, поход на Реймс сулил в случае удачи важные стратегические преимущества. Проходя от берегов Луары в глубь Шампани, заняв Осер, Труа, Шалон и Реймс, французы отрезали бы Бургундию от областей, {167} занятых англичанами. Они смогли бы оказать энергичное давление на Бургундского герцога с тем, чтобы принудить его расторгнуть союз с Англией. В руки французов перешли бы переправы на Сене (Труа) и Марне (Шалон); создалась бы возможность для освобождения всего Иль-де-Франса и наступления на Париж с нескольких сторон.

Казалось бы, столь простой, ясный и многообещающий план не должен был вызывать возражений. Но у него нашлись противники. Герцог Алансонский предлагал пойти в Нормандию: он хотел отвоевать свое герцогство. Некоторые капитаны, не веря в успех далекого похода, предлагали ограничиться занятием близлежащих крепостей на Луаре. Историки полагают, что против плана похода на Реймс выступали также и самые влиятельные советники дофина — Ла Тремуиль и канцлер Реньо де Шартр. Судя по их поведению во время самого похода, так оно и было.

Для сомнений в успехе предприятия были серьезные основания. Армия не имела ни артиллерии, ни осадных машин, а ей предстояло овладеть хорошо укрепленными городами. Как будет снабжаться войско по мере удаления от своих баз, сосредоточенных в долине Луары? Не приведет ли поход к обострению отношений с бургундцами и укреплению англо-бургундского союза?

Но Жанна и ее единомышленники твердо стояли на своем. Хорошо осведомленный Персеваль де Каньи, доверенный человек герцога Алансонского, позднее его хронист, так описывает обстановку во французской ставке в эти дни: «Король находился в Жьене до среды 29 июня. Дева была сильно огорчена тем, что он там долго задерживается из-за некоторых придворных, которые не советовали ему предпринимать поход на Реймс, говоря, что на пути из Жьена в Реймс расположено много укрепленных городов, замков и крепостей с гарнизонами из англичан и бургундцев. Дева же отвечала, что это она хорошо знает, но что все это неважно. За два дня до отъезда короля она в досаде выехала из ставки и отправилась в полевой лагерь. И хотя у короля совсем не было денег для оплаты армии, все рыцари, оруженосцы, солдаты и простолюдины были согласны служить ему в этом походе, заявляя, что они пойдут за Девой, куда угодно. И она говорила: „Клянусь, я надежно поведу {168} благородного дофина Карла и его войско, и он будет коронован в Реймсе"» (Q, IV, 18).

Итак, план похода на Реймс был поддержан армией а, по сути дела, навязан дофину. Решающую роль сыграл при этом огромный авторитет Жанны в войске, готовность воинов — от рыцарей до обозной обслуги — идти за ней, куда бы она их ни повела. «Чудо» спасения Франции продолжалось.

27 июня Жанна повела авангард армии на Реймс. Через день за ней последовали основные силы. Начался новый этап освободительной борьбы. 30 июня французское войско подошло к Осеру. Этот город принадлежал Филиппу Доброму, и в нем стоял бургундский гарнизон. Прошло совсем немного времени с того февральского дня, когда через Осер проехали, не вызвав ни у кого интереса, несколько мужчин и юноша-паж; там они слушали мессу, и вот Жанна снова у ворот Осера — во главе армии.

Город послал к дофину депутацию: Осер отказывался открыть ворота и одновременно заявлял о своем нейтралитете. Жанна настаивала на штурме. Но вмешался Ла Тремуиль, который владел неподалеку землями и имел в среде горожан обширные связи. В результате дофин отказался от штурма, а горожане согласились продать армии необходимое ей продовольствие. Ходили упорные и, по-видимому, достоверные слухи, будто Ла Тремуиль получил от горожан крупную взятку. Автор «Хроники Девы» называет даже сумму — две тысячи экю.

Беспрепятственно заняв несколько мелких городов, французское войско 5 июля приблизилось к Труа. Это был большой и хорошо укрепленный город, занимавший важное стратегическое положение в верховьях Сены. Его защищал англо-бургундский гарнизон, насчитывавший пятьсот-шестьсот солдат. Жители Труа вовсе не были намерены открывать ворота армии дофина, боясь

мести и репрессий: ведь именно в их городе был подписан в 1422 г. договор, лишавший Карла права на отцовский трон.

8 июля дофин собрал совет. Жанна на нем не присутствовала. Канцлер Реньо де Шартр настаивал на отказе от дальнейших военных действий и на немедленном возвращении в Жьен: Труа взять невозможно, осадных машин и артиллерии нет, армия голодает. В устах канцлера это предложение прервать поход звучало особенно {169} весомо, так как Реньо де Шартр был реймским архиепископом и, казалось, больше, чем кто-либо другой, должен быть заинтересован в возвращении своей епархии. Канцлера поддержали другие члены совета. Но, когда настал черед высказаться старейшему советнику, бывшему канцлеру, Роберу Ле Масону, он предложил послать за Девой: ведь в конце концов весь этот поход был предпринят по ее настоянию. Жанна явилась, и произошла сцена, которую Жан Шартье и другие хронисты описывают следующим образом: «Жанна громко постучала в дверь, ей открыли, и она вошла и поклонилась королю. Канцлер сказал: „Жанна, король и его совет в сильном замешательстве из-за того, что следует предпринять". И он ей подробно изложил то, что он ранее говорил, прося ее высказать королю свое мнение. Тогда, обратившись к королю, она спросила, будет ли ему угодно ей поверить. Король ответил: „Да" — и предложил ей высказаться. Тогда она произнесла такие слова: „Благородный король Франции, этот город — ваш. Если вы пробудете под его стенами еще два-три дня, он окажется в вашей власти по любви или насильно; не сомневайтесь в этом". На что канцлер ей ответил: „Жанна, если бы это было наверняка, то мы охотно подождали бы и шесть дней, но верно ли это?" И она снова заверила, что в этом нет никаких сомнений. Король и совет согласились с мнением Жанны, и было решено остаться» (Q, IV, 75).

Жанна немедленно села на коня, взяла в руки жезл и принялась разезжать в виду городских стен. Она распорядилась готовиться к штурму. Изготавливали фашины, чтобы заполнить рвы; приносили из брошенных домов двери, столы, чтобы укрываться за ними от вражеских стрел; установили и ту единственную бомбарду, которая сопровождала армию в походе. По словам хрониста, Жанна «обнаружила удивительную сноровку, как будто она была капитаном, проводившим на войне всю свою жизнь» (Q, IV, 76). Это же отмечает и Дюнуа, вспоминая в 1456 г. о подготовке штурма Труа. Она «отдавала превосходные распоряжения, так что самые известные и опытные военачальники не могли бы сделать лучше» (D, I, 324).

За этими демонстративными приготовлениями наблюдали с городских стен жители Труа; многие потом уверяли, будто своими глазами видели, как над штандартом {170} Девы вилось множество белых бабочек. Решительные действия французов произвели должное впечатление. Многие горожане и без того уже склонялись к соглашению с дофином; эту группировку возглавлял местный епископ Жан Легизе. К этому же призывал и популярный проповедник брат Ришар, который обосновался в Труа с весны — после того как его изгнали из Парижа, где проповеди этого монаха-кармелита против роскоши имели огромный успех. Его послали власти Труа к Жанне прежде, чем принять окончательное решение. Жанна потом рассказывала на суде о первой встрече с братом Ришаром: «Его послали ко мне, как я думаю, жители Труа, которые сомневались, что я действую именем бога. Когда он приблизился, то осенил меня крестным знаменем и окропил святой водой. Я ему сказала: „Подходите смело, я не улечу"» (T, I, 98).

10 июля Труа открыл ворота. Предварительно было подписано соглашение: горожане получали прощение, дофин гарантировал им безопасность, англо-бургундский гарнизон мог беспрепятственно покинуть Труа со всем принадлежащим солдатам имуществом. Но, когда солдаты гарнизона уходили из города, выяснилось, что они намерены увести с собой нескольких пленных французов: это и было их имущество. По просьбе Жанны дофин выкупил пленников.

Освобождение Труа решило исход всей кампании. Примеру этого города последовал Шалон, который впустил французское войско на тех же условиях, что и Труа. Жанна была теперь совсем неподалеку от родных мест, и несколько крестьян Домреми пришли в Шалон посмотреть на знаменитую землячку. Одному из них, Жану Моро, своему крестному, она подарила красное платье. Другому, Жерару д'Эпиналю, сказала, что не боится ничего, кроме предательства (D, I, 255, 279).

16 июля армия вступила в Реймс. При ее подходе англо-бургундский гарнизон ушел из города, не приняв боя. Успех похода превзошел самые смелые ожидания: менее чем за три недели армия прошла почти триста километров и достигла конечного пункта, не сделав ни одного выстрела, не оставив на своем пути ни одной сожженной деревни, ни одного разграбленного города. Предприятие, которое поначалу представлялось столь трудным и опасным, превратилось в триумфальный марш. Современники {171} приписывали этот успех исключительно Жанне: в их глазах она оттеснила всех остальных военачальников. Панкраццо Джустиниани сообщал в конце июля из Брюгге в Венецию: «Все это произошло благодаря Деве, которая, говорят, взяла в свои руки командование, распоряжение и управление всем» (89, III, 178).

Реймский поход представляется нам не обычной военной кампанией, но своего рода общественным движением, участники которого преследовали высокие патриотические цели. Именно это в конечном счете и определило его успех.

В Реймсе Жанна встретилась с родителями. В счетах городского казначейства сохранились записи о том, что отец и мать Девы были гостями магистрата; они остановились в гостинице «Полосатый осел».

В воскресенье 17 июля Карл был коронован в Реймс-ском соборе. И хотя церемония была организована поспешно, без обычной пышности и торжественности, ее совершили по всем

правилам, с соблюдением всех процедур, придававших ей сакральный характер. Когда она закончилась, Франция имела своего единственного законного короля — Карла VII. Государственная самостоятельность и независимость Франции были провозглашены.

Многозначительная деталь: на коронации присутствовало посольство Филиппа Бургундского.

Жанна стояла в соборе, держа в руке знамя. Потом на суде у нее спросят: «Почему ваше знамя внесли в собор во время коронации в предпочтении перед знаменами других капитанов?» И она ответит: «Оно было в труде и по праву должно было находиться в почести» (Т, I, 178-179).

Жанна и ее единомышленники считали, что целью следующего этапа летней кампании 1429 г. должно стать освобождение Парижа. В Реймсе не задержались. Уже 21 июля армия вышла оттуда во главе с королем и Девой.

Коронация достигла своей политической цели, и города, расположенные между Реймсом и Парижем, с энтузиазмом встречали французское войско. Триумфальный марш продолжался. Уже 23 июля был освобожден Суас-сон, 29 июля — Шато-Тьерри, 2 августа — Провен. Велись {172} переговоры о подчинении Компьня. Прибыла депутация с ключами от Дана, «... и в эти же дни [французы] вошли в город Бове, епископ которого, Пьер Кошон, — по словам одной из хроник, — был очень предан англичанам, хотя и родился в Реймсе. Однако горожане отдались под полную власть королю, как только завидели его герольдов с гербами» (цит. по: 93, 153). Епископ бежал. Так впервые пересеклись судьбы Жанны и Пьера Кошона, хотя они еще друг друга не видели...

В середине августа после освобождения Компьня и Санлиса в руках французов была большая территория к востоку от Парижа, в междуречье Сены, Марны и Уазы. Освобождение столицы казалось делом нескольких дней. Бедфорд вышел из Парижа с большим отрядом, намереваясь дать генеральное сражение. Он обнаружил французов близ Санлиса, но в бой вступить не решился.

Однако, вместо того чтобы идти к Парижу, французское войско вдруг начало совершать сложные маневры и контрманевры. Оно повернуло на юг, попыталось перейти Сену в Монторо, но так как этот город вновь был занят англичанами, то французы вернулись на север. И только 26 августа Жанна и герцог Алансонский, оставив короля в Санлисе, расположились с частью армии в Сен-Дени, в непосредственной близости от Парижа.

Но как раз в этот момент франко-бургундские переговоры, которые велись уже в течение месяца, завершились в Компьне подписанием перемирия. Это было странное соглашение: оно не только лишало французов многих преимуществ, которые они получили в результате военных успехов, но и значительно укрепляло позиции Бургундии. По перемирию, заключенному на четыре месяца, за бургундцами признавалось право оборонять Париж от французов. Чтобы понять реальное значение этого условия, нужно иметь в виду, что гарнизон Парижа состоял главным образом из бургундцев и командовал им бургундский офицер. В то же время действие перемирия было распространено на Пикардию, крупные города которой — такие как Амьен и Сен-Кантен — выражали ясное намерение отдаться под власть Карла VII. Французский король не отказал своему бургундскому кузену решительно ни в чем (25, 50). {173}

Перемирие в Компьне было триумфом «партии политиков» при французском дворе; эту группировку возглавляли Ла Тремуйль и Реньо де Шартр, которые стремились упрочить свое влияние на короля в противовес сторонникам решительных действий. Жанна и ее единомышленники также выступали за соглашение с Бургундией, но это соглашение они представляли себе совершенно иначе. Еще из Реймса в день коронации Жанна послала письмо Филиппу Бургундскому, в котором призывала герцога заключить с Карлом VII «добрый, прочный мир и на долгое время». Это письмо осталось без ответа.

Жанне и герцогу Алансонскому пришлось затратить немалые силы и продолжительное время для того, чтобы получить согласие Карла VII на штурм Парижа. Но благоприятный момент был упущен, бургундский гарнизон приготовился к обороне.

Лишь 8 сентября, в день рождества богородицы, французы предприняли штурм западной стены и ворот Сент-Опоре. Они легко преодолели земляной вал и первый ров, в котором не было воды, по второй ров с водой их остановил. Жанна распорядилась заполнить ров фашинами и звала своих людей на приступ. «Штурм был упорный и долгий, — сообщает хронист герцога Алансонского, — и было странно слышать грохот пушек и кулеврин и видеть невообразимое количество летящих стрел всех видов» (Q, IV, 26).

Жанна шла впереди штурмующих. Ее знаменосец был убит, сама она ранена стрелой в бедро. Но она отказалась покинуть поле боя, и лишь после захода солнца, когда уже никаких надежд на успех не осталось, ее почти насильно увели в лагерь. Она намеревалась возобновить штурм назавтра, однако король приказал ликвидировать наплавной мост, соединявший лагерь в Сен-Дени с парижским берегом Сены, и армия ушла из-под стен столицы.

Это было первое поражение Жанны после такой непрерывной полосы побед и успехов. Ходили слухи, что к этой неудаче причастны ее недоброжелатели и завистники. По словам «Хроники Девы», Жанне не сообщили о том, что рвы заполнены водой, хотя «некоторые» об этом хорошо знали и, «как можно судить, очень хотели из зависти, чтобы с названной Жанной случилась какая-нибудь неприятность» (18, III, 108). По мнению А. Бос-сюа, для самой Жанны неудача под Парижем была свя-

зана с горьким разочарованием в короле. Когда она покидала Вокулер, то была уверена, что найдет в дофине энергичного государя. Нашла же нерешительного принца, чье недоверие ей приходилось преодолевать на каждом шагу. Карла и раньше нужно было постоянно подталкивать к действию, а теперь под Парижем он просто-напросто упустил победу, которая сама просилась в руки. Верх взяли сложные политические комбинации, смысл которых от Жанны ускользал. Восторжествовала устаревшая стратегическая концепция (25, 52), согласно которой необходимым предварительным условием победы над англичанами должно являться примирение с Бургундией. До Орлеана такое условие действительно было необходимым, но советники Карла VII не смогли или не захотели понять, что Орлеан и Реймс изменили ситуацию в корне, что французы теперь достаточно сильны, чтобы справиться с англичанами самостоятельно, и Бургундия не в состоянии этому помешать. Следствием этого грубого {175} политического просчета было перемирие в Компьене, давшее бургундцам неожиданные преимущества. А за Компьень пришлось расплачиваться поражением под Парижем.

21 сентября армия вернулась на берега Луары, в Шьен, и тотчас же была распущена. Первое время Жанна была не у дел. В октябре Королевский совет решил по предложению Ла Тремуяля отвоевать близлежащие крепости Козн, Ла-Шарите и Сен-Пьер-ле-Мутье, расположенные на Луаре, выше Жьена. Все три крепости находились в руках некоего Перрине Грессара — предводителя отряда наемников, ловкого и фактически независимого авантюриста. Особенно важное стратегическое значение имела крепость Ла-Шарите, откуда Грессар предпринимал грабительские набеги, держа в постоянном страхе население нескольких провинций. Однажды он даже блокировал в Бурже самого дофина. Эти разбойничьи гнезда давно уже следовало уничтожить, тем более что они могли стать плацдармами для предполагаемого контрнаступления англичан и бургундцев.

Во главе небольшого войска, набранного для этой цели, поставили сводного брата Ла Тремуяля Шарля д'Альбре и маршала де Буссака. С войском отправилась Жанна. В начале ноября взяли штурмом Сен-Пьер-ле-Мутье. Но Ла-Шарите взять не удалось: каким-то искусным маневром, подробности которого нам неизвестны, Грессар принудил осаждающих к поспешному отступлению.

Зиму 1429/30 г. Жанна провела в тяготившем ее бездействии. Король дал ей и ее родным права дворянства. Но сама она этой милости не добивалась. За весь тот год, который она провела в прямых контактах с Карлом, она лишь однажды, в Реймсе, после коронации, обратилась к королю с личной просьбой: освободить жителей Домреми и Гре от налогов.

Тем временем война с Бургундией возобновилась. Жанну не оставляла надежда освободить Париж, и она решила действовать самостоятельно. В конце марта она неожиданно оставила замок Сюлли, где находился двор, и с небольшим отрядом отправилась в Иль-де-Франс. Она появляется то в одном, то в другом городе, призывая их жителей к сопротивлению. Узнав, что бургундцы осадили {176} Компьень, она бросается на выручку. Она входит в город утром 23 мая, а вечером, во время вылазки, попадает в плен...

Произошло это при следующих обстоятельствах. Французы сравнительно легко опрокинули бургундцев и преследовали их, когда на поле боя неожиданно появился отряд англичан. Среди французов поднялась паника, и они бросились к подъемному мосту и воротам. Жанна и ее товарищи, отбиваясь, прикрывали отступление. Им оставалось пройти совсем немного, когда они увидели, что мост поднят и воротная решетка опущена. Путь к спасению был отрезан. К Жанне кинулось несколько вражеских солдат, и какой-то бургундский лучник стащил ее с коня...

Вскоре заговорили о предательстве. Утверждали, будто комендант Компьеня Гильом де Флави специально распорядился поднять мост и опустить решетку, чтобы выдать Жанну врагам. Намекали на то, что он был тесно связан с Реньо де Шартром и Ла Тремуилем и, возможно, выполнял их тайное поручение. Эту точку зрения {177} разделяли многие авторитетные биографы Жанны прошлого века, в частности Ж. Кишера (97, 77—94), благодаря чему она получила широкое распространение в научной и особенно в околonaучной литературе. Однако дальнейшие углубленные исследования, среди которых нужно прежде всего назвать книгу П. Шампиона (34), убедительно опровергли версию о предательстве. На совести Гильома де Флави было немало преступлений, но в выдвинутой Жанне врагам он, по всей видимости, не повинен. Жанна и ее товарищи скорее всего стали жертвами трагического стечения обстоятельств.

Предательство произошло позже. Полгода пробыла Жанна в бургундском плену. Она ждала помощи, но напрасно. Французское правительство ничего не сделало для того, чтобы выручить ее из беды, хотя возможности для этого у него были (14, 55—58). Карл VII отступился от самого славного своего «капитана». А реймский архиепископ Реньо де Шартр обратился к прихожанам своей епархии с пастырским посланием, в котором утверждал, что несчастье, случившееся с Девой, произошло по ее собственной вине: «она не слушала ничьих советов, но всегда поступала по-своему» (Q, V, 168).

В конце 1430 г. бургундцы продали Жанну англичанам, и те немедленно предали ее суду инквизиции.¹ Жанна предстала перед трибуналом, состоящим преимущественно из «лжефранцузов».

¹ Подробнее об этом см.: *Райцес В. И.* Процесс Жанны д'Арк. Л., 1964. — История руанского процесса обстоятельно рассмотрена в исследованиях П. Тиссе, составивших большую часть третьего тома подготовленного им же нового издания материалов суда над Жанной (Т, III, 17—218).

Главным судьей был бовеский епископ Пьер Кошон — видный прелат-политик, сделавший свою карьеру на службе у Филиппа Бургундского и Бедфорда.

Суд над Жанной д'Арк был политическим процессом, задуманным в качестве средства воздействия на общественное мнение. По замыслу его организаторов, Жанна должна была умереть от руки правосудия, как официально осужденная еретичка и колдунья, пытавшаяся с помощью дьявола сокрушить поставленную богом власть. Только такая смерть могла опорочить ее успехи — и прежде всего коронацию Карла VII, которую общая молва приписывала юной «посланнице неба». И еще одно: казни должно было предшествовать публичное отречение подсудимой.

Судили Жанну в Руане. Ее доставили туда под сильной охраной в конце декабря, а уже 3 января 1431 г. его величество Генрих VI, король Англии и Франции, передал своему «любимому и верному советнику» епископу Бовескому «женщину, которая называет себя Жанной-Девой», и приказал, «чтобы каждый раз, когда это понадобится названному епископу, люди [короля] и чиновники, которым поручена ее охрана, выдавали ему сия Жанну, дабы он мог ее допрашивать и судить согласно богу, разуму, божественному праву и святым канонам» (Т, I, 14, 15), {179}

РУАН. ПОСЛЕДНЯЯ ПОБЕДА

Прошел год с того дня, когда Жанна попала в плен., Год и один день...

В четверг 24 мая, в 8 часов утра, ее привезли на кладбище аббатства Сент-Уэн. За ночь там соорудили два помоста — один большой, другой поменьше.

На большом помосте разместились судьи — епископ Кошон и инквизитор Леметр, многочисленные заседатели-ассесоры трибунала и именитые гости, приглашенные присутствовать на церемонии оглашения приговора.

Жанна поднялась на малый помост и стала рядом с проповедником Эраром, которому полагалось обратиться к ней с последним увещанием. Там же находились секретари трибунала и судебный исполнитель Жан Массье. Оба помоста были окружены английской стражей.

Толпа горожан заполнила площадку между помостами, а поодаль стояла тележка палача, готовая отвезти осужденную к месту казни.

... Позади был бургундский плен — отчаяние, надежды и снова отчаяние, когда она узнала, что ее продадут англичанам. Позади были две попытки побега. Вторая едва не кончилась трагически: Жанна выбросилась из окна на верхнем этаже и упала на камни замощенного двора. Это дало судьям повод обвинить ее в смертном грехе — попытке самоубийства. Ее объяснения были просты: «Я сделала это не от безнадежности, но в надежде спасти свое тело и пойти на помощь многим славным людям, которые в этом нуждаются» (Т, I, 153).

... Позади была железная клетка, в которой ее держали первое время в Руане, в подвале королевского Буврейского замка. Потом, когда начались допросы, ее перевели в камеру. Пятеро английских солдат стерегли ее круглые сутки, а на ночь приковывали к стене ной цепью: боялись, что «ведьма» ускользнет. {180}

... Позади были изнурительные допросы — вначале публичные, а потом, когда судьи начали опасаться, что ее ответы могут произвести благоприятное впечатление на публику, тайные, прямо в камере. Каждый раз на нее обрушивались десятки вопросов. Ловушки подстерегали ее на каждом шагу. Ее нередко втягивали в такие богословские дебри, где легко мог бы заблудиться и опытный теолог.

С безмятежным цинизмом говорили об этом спустя четверть века, на процессе реабилитации, сами члены трибунала. Секретарь суда Гильом Маншон: «Жанну изнуряли многочисленными и разнообразными вопросами. Почти каждый день по утрам происходили допросы, которые продолжались по три-четыре часа. И очень часто из того, что Жанна говорила утром, извлекали материал для трудных и каверзных вопросов, по которым ее допрашивали еще два-три часа после полудня» (D, I, 421). Ассесор трибунала каноник Ришар де Круше: «Я припоминаю, как однажды аббат Фекама сказал мне, что и великий ученый с трудом ответил бы на те вопросы, которые ей задавали» (D, I, 229). Помощник инквизитора Изамбар де Ла Пьер: «Жанна была молоденькой девушкой — лет девятнадцати или около того, наделенной светлым умом, и она очень осмотрительно отвечала на труднейшие вопросы» (D, I, 223).

Какое чудовищное неравенство сил! Сто тридцать два члена трибунала: кардинал, епископы, профессора теологии, ученые аббаты, монахи и священники... И юная девушка, которая, по ее собственным словам, «не знает ни а, ни б». Она должна вести с ними поединок — одна, в плену, без совета и помощи.

... Позади были те два дня в конце марта, когда ее ознакомили с обвинительным заключением. В семидесяти статьях перечислял прокурор преступные деяния, речи и помыслы подсудимой, восполняя по мере надобности отсутствие весомых улик передержками и измышлениями. По его мнению, «сия женщина Жанна, обычно именуемая Девой», была колдуньей, чародейкой,

идолопоклонницей, лжепророчицей, заклинательницей злых духов, осквернительницей святынь, смутьянкой, раскольницей и еретичкой. Она предавалась черной магии, злоумышляла против единства церкви, богохульствовала, проливала потоки крови, обольщала государей и народы, требовала, {181} чтобы ей воздавались божественные почести (Т, I, 191, 192).

Но, нагромождая одну небылицу на другую, заполняя страницы обвинительного заключения нелепостями и клеветой, переплетая откровенную ложь с полуправдой, прокурор упустил из виду одно чрезвычайно важное обстоятельство.

Он не учел, с каким противником имеет дело, не принял во внимание интеллект и характер подсудимой — живой ум, прекрасную память, умение моментально схватывать существо дела, поразительную способность мобилизовать в критические минуты все свои душевные силы.

Она отводила одно обвинение за другим. Но с отдельными статьями обвинительного акта была согласна — полностью или частично. Только иначе объясняла свои слова и поступки. Так бывало, когда прокурор касался ее военной деятельности. Да, она действительно взялась за неженский труд, но ведь «на женскую работу всегда найдется много других». Неверно, будто она была врагом: мира. Она и письменно, и через послов просила герцога Бургундского помириться с ее королем. «Что же касается англичан, то мир с ними будет заключен лишь после того, как они уберутся к себе в Англию». Ее обвиняют в том, что, присвоив права военачальника, она стала во главе 16-тысячного войска? Что же, «если она и была военачальником, то только для того, чтобы бить англичан» (Т, I, 213, 216, 217, 263).

Двухдневное чтение обвинительного акта закончилось поражением прокурора. Судьи убедились, что составленный ими документ никуда не годится, и заменили его другим.

Второй вариант обвинительного заключения содержал только двенадцать статей. Отсеялось второстепенное, осталось самое главное: «голоса и видения», мужской костюм, «дерево фей», обольщение короля и отказ подчиниться воинствующей церкви, т. е. фактически признать право этого трибунала судить ее.

Трибунал разослал «Двенадцать статей» для экспертизы многочисленным богословам и знатокам канонического права. И только один человек ничего не знал о содержании обвинительного акта: сама подсудимая.

...Позади были требования отречься, «милосердные увещания», угрозы пыток. «Вы можете вывернуть все {182} члены и даже убить меня, но и тогда я не скажу ничего другого. А если и скажу, то потом не перестану повторять, что вы вырвали эти слова силой» (Т, I, 348). От пытки решили отказаться, «дабы не дать повода для клеветы на образцово проведенный процесс» (Т, I, 351).

И вот теперь «образцовый процесс» подходил к концу. Оставалось вынести приговор..

Темой проповеди метр Эрар взял текст из евангелия от Иоанна: «ветвь не может приносить плода сама собой, если не будет на лозе». Он торжественно развил эту тему, подчerkнув, что своими многочисленными заблуждениями и пагубными деяниями подсудимая поставила себя вне церкви — истинного вертограда божьего, насаженного рукой Христа: «Перед тобой сидят судьи, которые много раз убеждали и просили тебя передать свои слова и поступки определению нашей святой матери церкви, доказав, что среди этих слов и поступков есть многое, чего, по мнению клириков, не следовало бы ни говорить, ни поддерживать». — «Я вам отвечаю. Что касается подчинения церкви, то я просила судей отослать мое дело в Рим, на суд святому отцу-папе, которому я вручаю себя, — первому после бога. Что же касается моих слов и поступков, то в них не повинен ни король, ни кто-либо другой. А если в них и было что дурное, то в ответе за это только я» (Т, I, 387).

Это была просьба об апелляции — если не формально, то по существу. Просьба передать дело на суд папы была с точки зрения канонического права вполне законной, и если бы трибунал придерживался правовых норм, то он был бы обязан отложить вынесение приговора, рассмотреть просьбу обвиняемой и сообщить ей Свое мотивированное решение. Но Жанне заявили, что папа находится слишком далеко и что каждый епископ является полновластным судьей в своей епархии. Затем ей трижды предложили отречься. И трижды она отвечала отказом.

Кошон начал читать приговор. Он читал медленно и громко и прочел уже большую часть, когда произошло то, чего так нетерпеливо ждали постановщики этого трагического спектакля. Прервав епископа на полуслове, Жанна закричала, что она согласна принять все, что соблаговолят постановить судьи и церковь, и подчиниться во всем их воле и приговору. «Тогда же, — сказано в протоколе, — на виду у великого множества клириков и мирян {183} она произнесла формулу отречения, следуя тексту составленной по-французски грамоты, каковую грамоту собственноручно подписала» (Т, I, 389).

Жанна произнесла слова покаяния, и ожидавший ее смертный приговор заменили другим, который судьи заготовили заранее, рассчитывая на то, что обвиняемая отречется. В нем говорилось, что суд учел чистосердечное раскаяние подсудимой и снял с нее оковы церковного отлучения. «Но так как ты тяжко согрешила против бога и святой церкви, то мы осуждаем тебя окончательно и бесповоротно на вечное заключение, на хлеб горести и воду отчаяния, дабы там, оценив наше милосердие и умеренность, ты оплакивала бы содеянное тобою и не могла бы вновь совершить то, в чем ныне раскаялась» (Т, I, 393).

Огласив приговор, Кошон распорядился увести осужденную в Буврейский замок. Инквизиционный процесс по делу о впадении в ересь «некой женщины Шанны, обычно именуемой Девой», закончился.

Почему Жанна отреклась? Что заставило смириться девушку, которая выдержала многомесячную неравную борьбу со своими судьями? На этот вопрос ответила сама Жанна: страх перед костром.

До сих пор ее поддерживали не только исключительная сила духа и естественный оптимизм юности, отвергающий самую мысль о возможности близкой смерти, ее поддерживала также вера в свою счастливую судьбу. Эту веру Жанна черпала из собственного короткого, но богатого жизненного опыта. Ее судьба и впрямь была необыкновенной. В 17 (семнадцать!) лет она достигла того, о чем мечтала, осуществив самые, казалось бы, несбыточные планы. И именно поэтому она была уверена, что бог, избравший ее орудием своей воли, не допустит, чтобы она погибла, не завершив того, для чего была призвана. Она твердо верила в свое спасение, верила до самого последнего момента.

Но вот ее привезли на кладбище, окружили стражей» подняли над толпой, показали палача и начали читать приговор. Вся эта до мелочей продуманная процедура была рассчитана на то, чтобы вызвать у нее душевное потрясение и страх смерти. {184}

Расчет оправдался. Никогда еще Жанна не чувствовала себя такой одинокой. Ее окружала враждебная толпа. Английские солдаты осыпали ее проклятиями и угрозами. Они вопили: «На костер ведьму!» В воздухе свистели камни.

Никогда еще смерть не казалась ей такой неотвратимой — неотвратимой и близкой. И только теперь она поняла, что чуда не произойдет, что никто не придет к ней на помощь и что она стоит перед выбором: отречься или умереть. И она отреклась.

От чего? В официальном протоколе процесса мы находим грамоту, которую Жанна якобы собственноручно подписала на кладбище Сент-Уэн (Т, I, 389, 390). Это истинное, составленное по всей форме покаяние еретички, вероотступницы и колдуньи, в котором Жанна признавалась во всевозможных преступлениях против веры. Там говорилось, в частности, что она взялась за оружие с умыслом проливать людскую кровь. Документ многословный и торжественно-велеречивый: напечатанный убогим шрифтом, он занимает в последнем издании протокола процесса страницу с лишним (почти 50 строк).

Но вот что заявили членам комиссии по реабилитации Жанны очевидцы сцены отречения. Доктор медицины Гильом де Ла Шамбр (он лечил Жанну во время ее болезни): «Жанна прочла короткий текст, состоявший из 6—7 строчек на сложенном вдвое листе бумаги; я стоял так близко, что мог легко различить строчки и их расположение» (D, I, 352). Секретарь инквизитора Никола Такель: «Я хорошо помню Жанну в момент, когда метр Жан Массье читал ей текст отречения. В этой бумаге было около шести строк, написанных крупным почерком» (D, I, 466). Ассессор трибунала Пьер Мижье: «Чтение текста отречения заняло столько же времени, сколько нужно для того, чтобы прочесть „Отче наш“» (D, I, 414). И, наконец, сам судебный исполнитель Жан Массье: «[Проповедник] Эрар передал мне грамоту, чтобы прочесть ее Жанне. Я читал ее перед ней. Я помню, что в этой грамоте было сказано, что Жанна не будет впредь носить оружие, мужской костюм и короткие волосы, не считая других пунктов, каковые я не припоминаю. Я утверждаю, что эта грамота содержала не более 8 строк! Я твердо знаю, что это не та грамота, которая помещена в протоколе процесса, ибо та, что помещена там, {185} отличается от той, которую я прочел и которую Жанна подписала» (B, I, 433).

Исследователи процесса Жанны д'Арк неоднократно пытались реконструировать подлинную формулу отречения. Выказывалось мнение, что эта формула содержится во французской рукописи протокола (так называемая Орлеанская рукопись) (46, 42—48). Содержащаяся в пей формула отречения действительно отличается от той, которая помещена в официальном латинском протоколе. Она намного короче формулы официального протокола и — что важнее всего — лишена тех откровенных политических инвектив, которыми изобилует формула официального протокола. Судя по ней, Жанна отреклась от «голосов и видений» и обещала снять мужской костюм.

Вполне возможно, что и формула Орлеанской рукописи также не является адекватным воспроизведением текста той грамоты, которую подписала Жанна, ибо текст формулы никак не укладывается в те 6—8 строк, о которых так настойчиво и единодушно говорили очевидцы сцены отречения (Т, III, 134—135). Но как бы там ни было, ясно одно: формула официального протокола представляет собой подделку, цель которой заключается в том, чтобы распространить задним числом отречение Жанны на всю ее предыдущую деятельность. Вероятнее всего, на кладбище аббатства Сент-Уэн Жанна не отреклась от своего прошлого. Она лишь согласилась подчиниться впредь предписаниям церковного суда.

Политическая цель процесса была достигнута. Английское правительство могло оповестить весь христианский мир, что еретичка всенародно покаялась в своих преступлениях.

Но, вырвав у девушки слова покаяния, организаторы процесса вовсе не полагали дело законченным. Оно было сделано лишь наполовину, ибо за отречением Жанны должна была последовать ее казнь.

Инквизиция располагала для этого простым средством. Нужно было лишь доказать, что после отречения она совершила «рецидив ереси»: человек, повторно впавший в ересь, подлежал немедленной казни. Перед отречением Жанне обещали, что, если она покается, ее переведут в женское отделение архиепископской тюрьмы и {186} снимут кандалы. Но вместо этого по приказу Кошопы ее снова доставили в старую камеру Буврейского замка. Там она переделалась в женское платье

и ей обрили голову. Кандалы не сняли и английскую стражу не убрали.

Прошло два дня. В воскресенье 27 мая по городу распространился слух, что осужденная вновь надела мужской костюм. На следующий день Кошон, Леметр и семь ассессоров направились в Бувреп, чтобы выяснить, так ли это. Оказалось, что так. Жаппа встретила судей одетая в свой старый костюм.

У нее спросили, кто принудил ее сделать это. «Никто, — ответила Жанна. — Я сделала это по своей доброй воле и без всякого принуждения». Тогда ее спросили о причинах. В ответ Жанна повторила то, что не раз говорила раньше: «Находясь среди мужчин, приличнее носить мужской костюм, нежели женское платье». И затем сказала, что она надела мужской костюм потому, что судьи не выполнили своих обещаний.

«Спрошенная, слышала ли она после четверга свои голоса, отвечала, что да. Спрошенная, что они ей сказали, отвечала, что господь передал через святых Екатерину и Маргариту, что он скорбит о предательстве, которое она совершила, согласившись отречься, чтобы спасти свою жизнь, и что она проклинает себя за это» (Т, I, 397).

Потом она сказала, что отреклась из-за страха перед костром.

Вечером в доме епископа собрались секретари трибунала. Они обработали записи утреннего допроса, выправили, не слишком исказив смысл, кое-какие фразы и, переписав весь текст набело, скрепили его своими подписями. Так появился протокол последнего допроса Жанны — трагический документ, в котором сама Жанна рассказывает обо всем, что она пережила после отречения: об отчаянии, которое охватило ее, когда она поняла, что ее обманули, о презрении к самой себе из-за того, что она испугалась смерти, о том, как она проклинала себя за предательство, — она сама произнесла это слово, — и о победе, которую она одержала, — о самой, пожалуй, трудной из всех ее побед, потому что это была победа над страхом смерти.

На полях протокола, против того места, где говорилось, что Жанна проклинает себя за отречение, кто-то из {187} судей сделал пометку: «*responsio mortifero*» («ответ, ведущий к смерти»). Судя по этой пометке, трибунал усмотрел в словах Жанны свидетельство «рецидива ереси». Но вовсе не эти слова решили участь подсудимой. Судьба Жанны была окончательно предрешена в тот самый момент, когда она снова надела мужскую одежду. Именно тогда она повторно впала в ересь, т. е. совершила преступление, которое неминуемо влекло за собой смерть на костре.

Как это произошло? Вопрос этот может показаться на первый взгляд совершенно излишним. Разве сама Жанна не ответила на него? Разве она не заявила, что надела мужской костюм добровольно, и не объяснила, почему она это сделала? К чему же искать загадки там, где их нет? История Жанны д'Арк и без того изобилует неясностями.

Все это так. И тем не менее с тех пор, как были опубликованы материалы руанского процесса, исследователи снова и снова обращаются к этому эпизоду. Обращаются потому, что обстоятельства, при которых Жанна вновь надела мужской костюм, являются в действительности неясными и загадочными.

Во время процесса реабилитации некоторые свидетели, допрошенные следственной комиссией, выдвинули версию, согласно которой английские стражники насильно заставили Жанну надеть мужской костюм. Особенно подробно и даже красочно рассказал об этом судебный исполнитель Жан Массье: «Вот что случилось в воскресенье на троицу [27 мая]... Утром Жанна сказала своим стражникам-англичанам: „Освободите меня от цепи, и я встану“ (на ночь ее опоясывали цепью, которая запиралась на ключ. — *В. Р.*). Тогда один из англичан забрал женское платье, которым она прикрывалась, вынул из мешка мужской костюм, бросил его па кровать с возгласом: „Вставай!“, — а женское платье сунул в мешок. Жанна прикрывалась мужским костюмом, который ей дали. Она говорила: „Господа, вы же знаете, что мне это запрещено. Я ни за что его не надену“. Но они не желали давать ей другую одежду, хотя спор этот длился до полудня. Под конец Жанна была вынуждена надеть мужской костюм и выйти, чтобы справиться естественную нужду. А потом, когда она вернулась, ей не дали женское платье, несмотря на ее просьбы и мольбы. {188}

Все это, — добавляет Жан Массье, — Жанна мне поведала во вторник после троицы, в первой половине дня. Прокурор вышел, чтобы проводить господина Уорвика (коменданта замка. — *В. Р.*), и я остался с ней наедине. Тотчас же я спросил у Жанны, почему она вновь надела мужской костюм, и она ответила мне рассказом, который я вам передал» (Q, II, 18).

Свидетельство Жана Массье воспринимается на первый взгляд как вполне заслуживающее доверия. Это впечатление создается прежде всего благодаря наивной непосредственности рассказа, изобилующего теми бытовыми деталями, выдумать которые бывает обычно труднее всего. А если учесть также несомненную осведомленность судебного исполнителя относительно многих тайных сторон процесса и то обстоятельство, что тюремщики Жанны вполне могли поступить так, как об этом рассказал Массье, то становится понятным, почему авторы многочисленных сочинений безоговорочно приняли версию насильственного принуждения. Можно сказать, не рискуя впасть в преувеличение, что описанная Массье сцена стала в полном смысле слова хрестоматийной. Именно поэтому ей следует уделить особое внимание.

Несмотря на всю свою кажущуюся достоверность, свидетельство Жана Массье весьма уязвимо для критики. Оно является, в сущности, единственным, где изложены конкретные обстоятельства дела. Другие современники говорили о том, что Жанну насильно заставили надеть мужской костюм, в более общей и осторожной форме. Уже упомянутый выше врач Гильом де Ла Шамбр передал слух, источник которого был неясен ему самому. «Спустя короткое время после отречения, — заявил он, — я слышал разговоры, будто англичане подвели Жанну к тому, что она

вновь надела мужской костюм. Рассказывали, что они похитили у нее женское платье и подложили мужскую одежду; отсюда заключали, что она была несправедливо осуждена» (D, I, 352). Еще более неопределенно высказался секретарь трибунала Гильом Коль, по прозвищу Буагильом: «Я полагаю, что Жанну подтолкнули сделать то, что она сделала, ибо некоторые участники процесса с великим ликованием и радостью узнали, что она вновь надела мужской костюм» (D, I, 439).

Думается, что показанием де Ла Шамбра можно в данном случае с чистой совестью пренебречь; свидетель {189} был далек от закулисной стороны событий и знал о ней ровно столько, сколько сообщала общая молва. Иначе обстоит дело с показанием Буагильома — человека очень осведомленного. Но в нем-то как раз не было сказано ни единого слова о том, что у Жанны похитили или отняли женское платье.

Не говорили об этом ни коллега Буагильома Маншон, ни монах-доминиканец Мартин Ладвеню, принявший последнюю исповедь осужденной, ни другие осведомленные члены трибунала. На процессе реабилитации Маншон и Ладвеню выдвигали другую версию: по их мнению, Жанна надела мужской костюм, чтобы защититься от стражников, пытавшихся ее изнасиловать. Объяснение малоубедительное, ибо, появившись у стражников такое намерение, они бы без труда его осуществили, и костюм жертвы не был бы этому помехой. Что могла поделаться девушка с пятью солдатами, будь даже на ней стальные латы? Но солдаты и не помышляли о насилии. «Дьяволица» внушала им такой суеверный ужас, который защищал ее честь лучше любого костюма.

Как видим, никто из сколько-нибудь осведомленных современников не поддержал версии Жана Массье. И не потому, что они хотели снять с себя ответственность за вторичное «грехопадение» Жанны, ибо в таком случае им следовало бы поступить как раз наоборот, взвалив эту ответственность на безымянных стражников. Нет, они действительно ничего не знали о той драматической сцене, которая, по словам судебного исполнителя, разыгралась в камере осужденной. Ровным счетом ничего. Даже тех слухов, па которые ссылался де Ла Шамбр.

Но, конечно, более существенным является то, что показание Массье прямо противоречит заявлению самой Жанны на последнем допросе. Напомню читателю это место из протокола: «Спрошенная, почему она надела мужской костюм и кто заставил ее надеть его, отвечала, что она надела его по своей воле и без всякого принуждения» (T, I, 396). Яснее сказать невозможно.

Жанна не только заявила, что она надела мужской костюм добровольно, но и объяснила, почему она это сделала и на каких условиях она согласна вновь подчиниться воле церковного суда. Условия эти были следующими: ее допускают к мессе и причастию, освобождают {190} от кандалов, переводят в церковную тюрьму и помещают под надзор женщины. Короче говоря, она потребовала, чтобы судьи выполнили все свои обещания. Мотивировке ее поступков нельзя отказать в убедительности, а самим поступкам — в последовательности, и это почти начисто исключает предположение, что в основе поведения Жанны лежало грубое насилие над ее волей. Если бы все произошло так, как рассказал Массье, то почему Жанна не протестовала перед судьями?

Из всего сказанного следует, что версию, выдвинутую Массье, нужно отнести к числу тех апокрифических сказаний, которыми изобилует история Жанны д'Арк. Эта версия появилась во время реабилитации Жанны и в интересах реабилитации. Легко понять тех, кто ее выдвигал и поддерживал. Они хотели дать такое объяснение «рецидива ереси», которое одновременно обеляло бы и Жанну, и ее судей. Жанну — потому, что ее насильно заставили совершить этот рецидив. Судей — потому, что они были в полном неведении относительно истинных обстоятельств дела.

В действительности же все было гораздо проще. Проще и вместе с тем сложнее. Никто не отнимал у Жанны женское платье. Она сама по своей доброй воле переделалась в мужской костюм. И не находясь в состоянии крайней нервной экзальтации, как это иногда утверждается (15, 60), а вполне обдуманно. Это был протест против судей, которые обманули ее, не выполнив ни одного из своих обещаний.

Но этот протест был спровоцирован организаторами процесса. Обманув осужденную, они предвидели, какова будет ее реакция. Больше того, они сумели сделать так, что протест Жанны вылился в нужную им форму «рецидива ереси». Откуда в камере осужденной взялся мужской костюм? Одно из двух: либо его не убрали после отречения, либо подложили потом. Но и в том и в другом случае преднамеренный характер этих действий совершенно очевиден.

Провокация удалась. Инквизиционный трибунал мог теперь приступить к слушанию дела о вторичном впадении в ересь. Это дело было рассмотрено в течение двух дней. В понедельник 28 мая состоялся единственный допрос подсудимой; о нем уже говорилось выше. Во вторник трибунал принял решение о выдаче Жанны светским {191} властям. Эта формула была равнозначна смертному приговору. Кошон приказал судебному исполнителю доставить осужденную на площадь Старого Рынка завтра, в среду 30 мая 1431 г., в 8 часов утра.

О том, что ее сегодня казнят, Жанна узнала на рассвете, когда в камеру к ней пришли монахи Мартин Ладвеню и Жан Тутмуй. Их прислал епископ, чтобы они подготовили девушку к смерти. «Ее состояние, — вспоминал позже Ладвеню, — было таким, что я не могу передать это словами». А когда в камеру пришел Кошон, он услышал: «Епископ, я умираю по вашей вине».

Она исповедалась и причастилась — в этой последней «милости» церковники ей не отказали. Потом ее вывели из тюрьмы, посадили на повозку и повезли к месту казни. На ней было длинное платье и шапочка.

Толпы народа стояли на ее пути. Английское командование опасалось беспорядков и вывело на улицу весь гарнизон нормандской столицы. Сто двадцать солдат сопровождали повозку, *еще* восемьсот выстроились на площади Старого Рынка. Там, неподалеку от церкви Спасителя, сложили костер...

Не прошло и недели с того дня, когда на кладбище аббатства Септ-Уэн была разыграна сцена отречения. И вот снова стоит Жанна на высоком помосте, а на противоположном помосте восседает духовенство во главе с кардиналом Винчестерским.

Снова читают проповедь. Тема, правда, другая, и проповедник другой. «Страдает ли один член, страдают с ним все члены», — более часа разглагольствует метр Никола Миди на текст из послания Павла к коринфянам. Он заканчивает словами: «Ступай с миром, Жанна. Церковь не может больше защищать тебя и передает светской власти».

И снова Кошон объявляет приговор — на сей раз окончательный и бесповоротный.

«Во имя господи, аминь... Мы, Пьер, божьим милосердием епископ Бовеский, и брат Жан Леметр, викарий преславного доктора Жана Граверана, инквизитора по делам ереси... объявляем справедливым приговором, что ты, Жанна, обычно именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступлениях...». {192}

Рассказывали, что, прочтя приговор, Кошон прослезился. Возможно, так оно и было. Монсеньор епископ лицедействовал перед зрителями. Слезы, которые он проливал для всеобщего обозрения, должны были убедить тех, кто сомневался в его пастырских чувствах, как глубоко скорбит он о заблудшей душе и с какой болью он был вынужден произнести только что формулу церковного отлучения: «... мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от церкви и отсечена от ее тела, как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана светской власти...».

Представители этой власти — королевский судья, его наместник и сержанты — находятся тут же. Они ждут, когда прозвучат последние фразы приговора — лицемерные фразы о снисхождении: «... мы отлучаем тебя, отсекаем и покидаем, прося светскую власть смягчить приговор, избавив тебя от смерти и повреждения членов».

Кошон замолкает. С помоста, на котором стоит осужденная, спускаются священники. Какое-то мгновение Жанна стоит одна — высоко над копьями английской стражи, лицом к лицу со своими судьями.

Королевский судья дает знак сержантам. Они поднимаются на помост, стаскивают Жанну и подводят к судье. Он должен огласить свой приговор. Но англичане так громко выражают недовольство затянувшейся процедурой, что судья пренебрегает этой формальностью и сразу же передает девушку палачу: «Исполняйте свой долг»...

В четыре часа пополудни костер догорел. Пепел и кости бросили в Сену. Говорили, что сердце Жанны огонь не тронул.

Когда отряд теряет командира, когда гибнет лучший боец, — это потеря, но не поражение. Жанна погибла. Франция продолжала борьбу. И хотя эта борьба была еще долгой и потребовала от французского народа огромных усилий, ее исход был предрешен. В 1453 г. Столетняя война окончилась победой Франции. Оправдались слова Жанны, которая верила в победу тогда, когда в нее не верили самые опытные политики и самые прославленные полководцы: враги были изгнаны с французской земли, кроме тех, кто нашел в этой земле могилу. {193}

ЭПИЛОГ

Пять с половиной столетий минуло с того дня, когда на площади Старого Рынка в Руане была сожжена Жанна д'Арк. Ей было тогда девятнадцать лет.

Почти всю свою жизнь — семнадцать лет — она была никому неведомой Жаннетой из Домреми, дочерью крестьянина Жака д'Арка и его жены Изабеллы Роме. Ее соседи потом скажут: «такая, как все», «такая, как другие».

Один год — всего один год — она была прославленной Жанной-Девой, спасительницей Франции. Ее соратники потом скажут: «как если бы она была капитаном, прошедшем на войне двадцать или тридцать лет».

И еще один год — целый год — она была военноплен-ной и подсудимой инквизиционного трибунала. Ее судьи потом скажут: «великий ученый — и тот с трудом ответил бы на вопросы, которые ей задавали».

Конечно, она не была такой, как все. Конечно, она не была капитаном. И, уж конечно, она не была ученым. И вместе с тем все это в ней было. Она была воплощением французского народа — его трудолюбия, отваги и ясного ума.

Проходят столетия. Но каждое поколение снова и снова обращается к такой простой и такой бесконечно сложной истории девушки из Домреми. Обращается, чтобы понять. Обращается, чтобы приобщиться к непреходящим нравственным ценностям. Ибо если история — учитель жизни, то эпопея Жанны д'Арк — один из ее великих уроков.

И мы закончим эту небольшую книжку теми же словами, какими ее начали, — словами

Пушкина: «Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти орлеанской героини». {194}

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. 5 vol. Paris, 1841—49. — При ссыпках обозначается буквой Q.

Tisset P. et Lanhers Y. Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. 3 vol. Paris, 1960—1971. — При ссылках обозначается буквой Т.

Dupars P. Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc. 2 vol. Paris, 1977—1979. — При ссылках обозначается буквой D.

1. *Энгельс Ф.* Заметки о Германии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 18.
2. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
3. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972.
4. *Добиаш-Рождественская О. А.* Культ святого Михаила в средние века. Пг., 1917.
5. *Драгомиров М.* Жанна д'Арк. СПб., 1898.
6. Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. Реферативный сборник. М., 1980.
7. *Левандовский А. П.* Жанна д'Арк. М., 1962.
8. *Левандовский А. П.* Лже-Жанны д'Арк. — Вопросы истории, 1966, № 9.
9. *Лихачев Д. С., Панченко А. М.* «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.
10. *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория). — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
11. *Люблинская А. Д.* Жанна д'Арк. — В кн.: Средние века. Вып. 22. М., 1962.
12. *Люблинская А. Д.* Столетняя война и народные восстания XIV—XV веков. — В кн.: История Франции. Т. I. М., 1972.
13. *Мишле Ж.* Жанна д'Арк. Пг., 1920.
14. *Райцес В. И.* Процесс Жанны д'Арк. Л., 1964.,
15. *Розенталь Н. Н.* Жанна д'Арк — народная героиня Франции. М., 1958.
16. *Стефанович (Люблинская) А. Д.* Петух на готическом соборе. — В кн.: Средневековый быт. Л., 1925.
17. *Франс А.* Жизнь Жанны д'Арк. М.— Л., 1929.
18. *Ayroles J. B.* La Vraie Jeanne d'Arc. 5 vol. Paris, 1890—1902.
19. *Basin Thomas.* Histoire de Charles VII. 2 vol. Ed. Charles Sa-maran. Paris, 1933, 1944.
20. *Bataille H.* Vaucouleurs ou l'enigme d'un siege. — Dossier de l'archeologie, 1979, N° 34, mai.
21. *Beaucoart Da Fresne de G.* Histoire de Charles VII. 6 vol. Paris, 1881—1891.
22. *Belon et Balme.* Jean Brehal, grand inquisiteur de France et la réhabilitation de Jeanne d'Arc. Paris, 1898.
23. *Boissonade P.* Une Etape capitals de la mission de Jeanne d'Arc. — Revue des questions historiques, 1930, juillet.
24. *Boncher de Molandon et de Beaucorps A.* L'Armee anglaise vaincue par Jeanne d'Arc. Orleans—Paris, 1892.
25. *Boisuat A.* Jeanne d'Arc. Paris, 1968.
26. *Bossuat A.* L'Idée de nation et la jurisprudence du Parlement de Paris au XV^e siècle. — Revue historique, 1950, vol. 204.
27. *Bouquet F.* Faut-il écrire Jeanne Dare ou Jeanne d'Arc. — Revue de Normandic, 1865.
28. *Bourgeois de Paris.* — Journal d'un Bourgeois de Paris. 1405—1449. Ed. Alexandre Tuetey. Paris, 1881.
29. *Bouteiller E. de et Braux G. de.* Nouvelles recherches sur la famille de Jeanne d'Arc. Paris, 1879.
30. *Bruley B.* Sur l'expression Pucelle d'Orleans. — Bulletin de la Societe archeologique et historique de l'Orleanais, 1939, XXIII.
31. *Rrnn P.-M.* Le monument du Pont a Orleans: premier monument a Jeanne d'Arc. — Dossier de l'archeologie, 1979, JV» 34, mai.
32. *Burne A. H.* The Agincourt War. A military history of the latter part of the Hundred Years' War from 1369 to 1453. London, 1956.
33. *Calmette J.* Jeanne d'Arc. Paris, 1946.
34. *Champion P.* Guillaume de Flavy, capitaine de Compiègne. Paris, 1906.
35. *Champion P.* Procès de condamnation de Jeanne d'Arc. 2 vol. Paris, 1921.
36. *Chastellain Georges.* Oeuvres. 8 vol. Ed. Kervyn de Lettenhove Bruxelles, 1863—1868.
37. *Contamine Ph.* La guerre de Cent ans. Paris, 1968.
38. *Contamine Ph.* Guerre, état et, société à la fin du Moyen Age. Etudes sur les armées des rois de France, 1337—1494. Paris— La Haye, 1972.
39. *Contamine Ph.* La guerre de siège au temps de Jeanne d'Arc.— Dossier de l'archeologie, 1979, JVs 34, mai.
40. *Contamine Ph.* La guerre au Moyen Age. Paris, 1980.
41. *Cordier J.* Jeanne d'Arc. Sa personnalité, son rôle. Paris, 1948.
42. *Debal J.* Les fortifications et le pont d'Orleans au temps de Jeanne d'Arc. — Dossier de l'archeologie, 1979, K» 34,

mai.

43. *Defourneaux M.* La Vie quotidienne au temps de Jeanne d'Arc. Paris, 1953.
44. *Desama C.* La Première Entrevue de Jeanne d'Arc et Charles VII à Chinon (mars 1429). — *Analecta Bollandiana*, 1966, vol. 84, fasc. 1-2.
45. *Desama C.* Jeanne d'Arc et la diplomatie de Charles VII: l'ambassade française auprès de Philippe le Bon en 1429. — *Annales de Bourgogne*, 1968, t. XL.
46. *Doncosur P.* La minute française des interrogatoires de Jeanne la Pucelle. Melun, 1952.
- 46a. *Doncosur P.* et *Lanhers I.* L'Enquête ordonnée par Charles VII en 1450 et le codicille de Guillaume Bouille. Paris, 1956.
47. *Donceur P.* et *Lanhers Y.* L'Enquête du Cardinal d'Estouteville en 1452. Paris, 1958.
48. *Donceur P.* et *Lanhers Y.* La Rédaction épiscopale du procès de 1455—6. Paris, 1961.
49. *Du Lis Ch.* Traité sommaire, tant du nom et des armes, que de la naissance et parenté de la Pucelle d'Orléans et de ses frères. Paris, 1628.
50. *Dunand Ph.-H.* Histoire complète de Jeanne d'Arc. 3 vol. Paris, 1898.
51. *Erickson C.* The medieval vision. Essay in history and perception. New York, 1976.
52. *Favier J.* La guerre de Cent ans. Paris, 1980.
53. The first biography of Joan of Arc transl. et annot. by D. Ran-kin and Claire Quintal. Pittsburgh, 1966.
54. *France Anatole.* Vie de Jeanne d'Arc. 2 vol. Paris, 1908. 55. *Froidevaux Y.-M.* Le Mont Saint Michel dans la Guerre de Cent Ans. — Dossier de l'archéologie, 1979, INs 34, mai.
56. *Glenisson J.* Le défi: une clé des mentalités médiévales. — Dossier de l'archéologie, 1979, Ns 34, mai.
57. *Grandean Y.* Jeanne insultée. Procès en diffamation. Préface de Régine Pernoud. Paris, 1973.
58. *Grandean Y.* Le supplice de Jeanne d'Arc à Rouen. — Dossier de l'archéologie, 1979, N° 34, mai.
59. *Grandean Y.* Isabeau de Bavière ou l'amour conjugal. — *Études sur la sensibilité au Moyen Âge*. — Actes du 102^e Congrès national des sociétés savantes (Limoges, 1977). Paris, 1979.
60. *Gnenez B.* État et nation en France au Moyen Âge. — *Revue historique*, 1967, vol. 237.
61. *Gnenez B.* L'Occident aux XIV^e et XV^e siècles. Les états. Paris, 1971.
62. *Gaitton J.* Problème et mystère de Jeanne d'Arc. Paris, 1961.
63. *Guillemin H.* Jeanne dite «Jeanne d'Arc». Paris, 1970.
64. *Hanotaux G.* Jeanne d'Arc. Paris., 1911.
65. *Hebert M.* Jeanne d'Arc, a-t-elle abjuré? Étude critique précédée de «Jeanne d'Arc et ses voix» et «Jeanne d'Arc et les Fees». Paris, 1912.
66. *Henry J.-F.* L'Unique et vraie Jeanne d'Arc. Paris, 1965.
67. Histoire et discours au vray du siège qui fut mis devant la ville d'Orléans. A Orléans, par Saturnin Hotot, 1576.
68. *Huizinga I.* L'automne du Moyen Âge. Paris, 1975.
69. *Jeanne E.* L'image de la Pucelle d'Orléans dans la littérature historique française depuis Voltaire. Paris, 1935.
70. *Jouet R.* La Résistance à l'occupation anglaise en Basse Normandie (1418—1450). Caen, 1969.
71. Images de Jeanne d'Arc. Hommage pour le 55^e anniversaire de la libération d'Orléans et du Sacre. Catalogue de l'Exposition. Paris, 1979.
72. *Lang A.* La Pucelle de France. Histoire de vie et de la mort de Jeanne d'Arc. Paris, [1911].
73. *Lancesseur P. de.* Jeanne d'Arc, Chef de Guerre. Paris, 1961.
74. *Lanery d'Arc P.* Le livre d'or de Jeanne d'Arc. Bibliographie raisonnée et analytique des ouvrages relatifs à Jeanne d'Arc. Paris, 1893.
75. *Lanery d'Arc P.* Mémoires et consultations en faveur de Jeanne d'Arc, présentées aux juges du Procès de réhabilitation. Paris, 1889.
76. *Langlet du Fresnoy.* Histoire de Jeanne d'Arc, héroïne et martyr d'État. 3 vol. Paris, 1753—54.
77. *Lefevre-Pontalis G.* La guerre de partisans dans le Haute Normandie. — Bibliothèque de l'École des Chartes, 1893—1896, t. 55—58.
78. *Lefevre-Pontalis G.* Les sources allemandes de l'histoire de Jeanne d'Arc. Paris, 1903.
79. *Jacobus a Voragine.* Legenda aurea. Recens. Th. Grasse. Dresdae et Lipsiae, 1846.
80. *Lewis P.* La France à la fin du Moyen Âge. Paris, 1977.
81. *Lot F.* L'Art militaire et les armées au Moyen Âge. 2 vol Paris, 1946.
82. *Lace S.* Jeanne d'Arc à Domremy. Paris, 1886.
83. *Lade-Smith E.* Joan of Arc. London, 1976.
84. *Maleissye C. de.* Les lettres de Jeanne d'Arc et la prétendue abjuration de Saint-Ouen. Paris—Orléans, 1911.
85. Memorial du V^e Centenaire de la réhabilitation de Jeanne d'Arc. Paris, 1958.
86. *Meunier R.-A.* Les Rapports entre Charles VII et Jeanne d'Arc. Paris, 1946.
87. *Michelet J.* Jeanne d'Arc. Paris, 1912. ¹ 88. *Montaigne M. de.* Journal du voyage en Italie. Paris, 1946.
89. *Morosini A.* Chronique d'Antonio Morosini. Extraits relatifs à l'histoire de France. 4 vol. Ed. Germain Lefevre-Pontalis et Leon Dorer. Paris, 1898—1902.
90. Le Mystère du siège d'Orléans. Ed. F. Guessard et E. de Certain. Paris, 1862.
91. *Pernoud R.* Vie et mort de Jeanne d'Arc. Paris, 1956.
92. *Pernoud R.* Jeanne d'Arc. Paris, 1959.
93. *Pernoud R.* Jeanne d'Arc par elle-même et par ses témoins. Paris, 1975.
94. *Pernoud R.* La Libération d'Orléans. Paris, 1969.
95. *Perroy E.* La guerre de Cent ans. Paris, 1945.

96. *Polie O. de*. Notes sur la famille de Jeanne d'Arc. — Annuaire du conseil h6raldique de France. Paris, 1890, t. III.
97. *Quicherat J.* Aperçus nouveaux sur l'histoire de Jeanne d'Arc. Paris, 1850.
98. *Quicherat J.* Une Relation ineditе sur Jeanne d'Arc. — Revue i historique, 1877, vol. 4. '
99. *Sarrazin A.* Pierre Cauchon, juge de Jeanne d'Arc. Paris, 1901.
100. *Thomas A.* Le «Signe Royab et secret de Jeanne d'Arc. — Revue historique, 1910, vol. 103. IOOa. *Vale M.* Charles VII. London, 1976.
101. *Vallet de Viriville A.* Memoire adresse a l'Institut historique, sur la maniere dont on doit ecrire le nom de famille que por-tait la Pucelle d'Orleans. — In: Investigateur. Paris, 1839.
102. *Vallet de Viriville A.* Nouvelles recherches sur la famille et le nom de Jeanne Dare, dite la Pucelle d'Orleans. - In: Investigateur. Paris, 1854.
103. *Vallet de Viriville A.* Charles VII et ses conseillers (1403— 1461). Paris, 1859.
104. *Vallet de Viriville A.* Histoire de Charles VII. 3 vol. Paris. 1862—65.
105. *Vallet de Viriville A.* Proees de condamnation de Jeanne Dare. Paris, 1867.
106. *Wallon H.* Jeanne d'Arc. Paris, 1876.
107. *Wassenbourg Richard de.* Antiquitez de la Gaule Belgique, royaume de France et dusche de Lorraine. Paris, 1549.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Портрет и имя	14
Домреми	32
Вокулер: Жанна и Робер де Бодрикур	57
Как возникла вера в Жанну-Деву	83
Шинон и Пуатье	106
Орлеан	129
После Орлеана. На гребне славы	146
Реймс—Париж—Компьень	162
Руан. Последняя победа	180
Эпилог	194
Основные источники и литература	195

Владимир Ильич Райцес

ЖАННА д'АРК

Факты, легенды, гипотезы

Утверждено к печати редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства Г. А. Альбова. Художник Г. В. Смирнов Технический редактор И. М. Кашеварова. Корректор А. И. Каи

ИБ № 20129

Сдано в набор 12.08.81. Подписано к печати 25.03.82. М-30436. Формат 84xЮ8¹/₃₂. Бумага типографская Л"в 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. б/./^Ю.оО усл. печ. л. Усл. кр.-отг. 10.92. Уч.-изд. л. 10.86. Тираж 100 000 (50 001—100 000). Изд. № 7927. Тип. зак. 1449. Цена 40 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука» 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1 Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия. 12